

АЛ. АЛФЕРОВА

КОЗА

РЕШИТЕЛЬНАЯ

Сочинение в двух томах.

Том второй

НЕРЕХТА. 2011 г.

**Литературное
творчество
в рамках
автобиографии**

Ал. Алферова

**Сказы дивного
Залесья**

Художник А.Кручин

Меж неспешною раздумчивой Окой
Да величавою Волгою-рекой
Сторона лежит привольная –
Простодушная, хлебосольная,
Могучая, дремучая,
Непутевая, хмельная,
И грешная, и святая,
Земля моя родимая,
Двужилая, необоримая,
От века скоморошья,
Былью-небылью поросшая.

Сказ про Кострому и икону ее Чудотворную

Во ту пору правил Костромой
Молодой князь Василий –
Брат “мизинный”
Александра Ярославича Невского.

Лето задалось беспечальное.
Славил Господа честной народ
За сена большой зарод,
За урожай на каравай,
За спокой на Руси без лютого татарина.

Возвращался как-то князь с охоты
Без печали, без заботы.
А красота в лесу несказанная –
Бабье лето начиналось.
Краснел, золотел лист на деревьях,
В серебристых тенетах
Синь по небу лилась...

Притомился князь,
И дружина приустила:
Сон сморил охотников в седле.
Да в полудреме, в полусне
Правил князь конем,

Тянул губу уздой...

Неспешною ногой ступая,
Узде доверяя,
Шел да шел князев конь,
Призадумавшись,
По лесам костромским не мерянным.
Как в болото угодил –
Поди, знай!
Уздечка ль подвела,
Оступился ль невзначай!

Замер лес, засмирел...
Голосами оскудел:
Страшится живое трясины!

Очнулась дружина,
Загомонила!
Тревогу забила!
Лесину князю подает!..
Конь копытом бьет...
А болото вздыхает,
Пузырем вскипает...
Коня одолевает!..

И взмолился князь Богородице Святой
Со слезой:
– Матерь Божия! Заступница Усердная!
К тебе притекаю!
Я погибаю!..
Божия Мать!
Святая Мать!
Помоги!..

Клялся князь отмолить грехи,
Ворога без страха бить,
Голову за Русь положить!
Горячо молился, каялся Василий-князь...

До Богородицы молитва донеслась.
Луч небесный болото озарил,
Лес отступил,
Конь рванул и на твердь встал...
А в ветвях сосны... воссиял
Неземною красотой
Богородицы лик Святой!

Обомлела дружина,
Оробела!
Несмелой рукой
К Святому лику потянулся князь...
А икона в руки князю не далась!
Снять ее позволила Богородица
Лишь святым отцам,
Указала для нее и Феодоровский храм,
Что на Депре стоял.

Накануне, в день Успенья Богоматери, говорят,
Носил ее по городу Феодор Стратилат –
Великомученик, воитель,
Святой небожитель.
Потому икону Феодоровской нарекли.

С той поры она на Депре жила,
Чудесами слыла.
Сердце ль заскорбит,

Бес ли душу закогтит –
Всяк к Заступнице спешит:
Поклониться!
Помолиться!
Покаяться!
Слава Богородице! Слава!

Да случилась беда:
В те года
Валила Русь на города дерева.
В доме смолистом – тепло, душисто!
Жаль, он не вечен,
Скоротечен:
Лизнет рыжий враг
Угол смоляной –
И засинел, закурился
Над несчастной дым избой!

В лето жаркое, сухое
Сгорел и Феодоровский храм.
Горько рыдала,
Пеплом голову посыпала Кострома –
Чудотворную свою не сберегла!

А икона... / пожара будто не бывало!/
Вновь на теплине воссияла
Без единой царапинки... без пятнышка!..
То ли не диво!

Снова Кострома ей хоромы срядила,
Снова исцеляет недужных, скорбящих,
К ней приходящих

Святая Мать!

Но опять храм пылает!..
Ветер пепел по закоулкам гоняет...
Тушат огонь прихожане, рыдая,
А Богородица, на веру проверяя,
Чудотворную спасая,
По-над пламенем ее подняла –
И воспарил лик Святой
Над Костромой!

Радость с отчаяньем смешалась –
Забоялась!..
Ох, как забоялась Кострома,
Что лишит их Матерь Божия покровы,
Что покинет город Чудотворная!
Всем миром милости у Богородицы просили!
И умолили!
Вернулась Купино Неопалимая,
Матерью святой хранимая!
Слава Богородице! Слава!

В мире, сытости живет Кострома:
Полны закрома,
Взыскан Божьей милостью князь Костромской.
А на душе – непокой!
Татарин вопит в Орде!
Быть беде!

Потемнел лицом Василий-князь,
Думой голова взялась.
Мала Кострома:

От тына до тына -
Два аршина,
Под стать и дружина.
Чем воевать татарскую рать?

Жаль, в бою с вражьей сворой
Князь-сосед – не опора!
Заклинал его Василий-князь
Бить Орду единым кулаком.
Да что говорить со слепцом!

Давно уж разорвали князя пуповину,
Что родством их вязала, –
Все земли неразумным не хватало.
Убивал за десятину
Отец – сына,
Брат – брата!

И могучая когда-то Русь захирела,
А татарва осмелела:
Саблю наголо,
И русича - в ярмо!
Головами платил народ
За распри своих господ.
И некому стало Русь защищать!

Удельный князек –
Что слабый стебелек!
А доброй бы метлой
Да по Руси Святой –
Вдоль да поперек!
И в чистой
Избе смолистой

Жить поживать до веку...

Но мало того человеку –
Сам, безумный, ищет грязь!

И сказал дружине Василий-князь:
-Братья! Кострома никого не обижала,
Зла ни на кого не держала,
Хотела мира.

Татарин просит кровавого пира.
Дадим!

И накормим, и напоим!
Мать Божия! Заступница Святая!
Не дай Костромы на разоренье,
Веры на глумленье.
Ризой своею город покрой!
А мы принимаем бой!

Целовал меч князь.
И дружина клялась
Хана одолеть!
Не придется Богородице
За русича краснеть!

И встретила дружина поутру
Возле озера Орду.
Ударило копьё о копьё,
Меч о меч,
Заныла стрела!..
И сплелись тела
В узел злой, тугой!

Вступила Русь дружиной малой
В бой кровавый.
Боже правый!
Кровь уж не брызжет –
Бежит ручьем!..
Вьется егозливый басурман ужом,
Сечет кривая сабля русское тело,
Что белую рубаху сегодня надело:
Свято русич обычай блюдет –
К Богу в чистом идет!

Редют и татарские ряды...
Наглеют сыны Орды!
Кровь их пьянит!
Она бежит
Уж не ручьем – рекой!
Захлебнулось озеро кровавой волной.

И князя вражья сила
Не пощадила:
Ранен Василий-князь!
Но дружина его не сдалась,
Некуда ей отступить –
Кострома за спиной!..

Вдруг вздыбилось озеро гневной волной,
А на волне крутой –
Богородицы лик Святой
В бережных руках держал
Грозный воитель,
Костромы небесный покровитель.
Феодор Стратилат!

Ослепил он татарина небесным ликом!
Звериным криком
Зашлась Орда!
И... "смутишася,
На бежанье устремишася.
Князь же великий
Гнаша в след их,
И многих поби,
И живых пойма".

Спасена Кострома!
И снова в храме засиял небесной чистотой
Божией Матери лик Святой!
Слава Богородице! Слава!

Семнадцатый век –
Кровавые времена!
Земля разорена,
Замучен боярской смутой народ,
Озорует на дорогах шкодливый сброд.

А на Москве что ни день
Царей меняют:
Одних убивают,
Другим присягают -
Недолг царский век!
Да слаб человек:
Лестно хоть на часок
Присесть на трон
Под колокольный звон.

Устал от смуты народ
И прокричал на царство
Романов род:
Бесчестьем, мол, себя не замарал,
Не грабил, не убивал.
Михайлу Романова в цари надо звать!..

А Марфа-старица,
Михайлова мать,
Давно уж с сыном заперлась на Костроме
В Ипатьевском монастыре.
И наотрез отказалась от царского сана –
Убоялась боярского обмана:
Молод, мол, еще Михаил,
Не в совершенных летах,
Не смышлен в государевых делах!

Умолял обоих народ,
Убеждал святой Синод:
"Взыщет Бог на тебе, государь,
И на тебе, на великой старице!"

И, смутившись, в лихую годину
Своего державного сына
Мать земная благословила
И, плача, у иконы Богородицу просила:
"Буди святая воля Твоя, Владычица!
В Твои пречистые руки предаю
Чадо свое.
Настави его на путь истины,
На благо Себе и Отечеству".

По сей день в Костроме
От скорби, гнева и нужды
Чудотворная спасает,
От глада, губительства и огня
Сохраняет,
От иноплеменных избавляет,
Междоусобной брани охраняет,
Слава Богородице! Слава!

Сказ про зачин града Ярославова

Не сороки мне про то настрекотали,
Не орлы в поднебесье клекотали.
Как видится,
Как слышится,
Так я песнь свою и пропою:
Славное восхваляю,
Бесславное не утаю,
А присесть да пришепетывать
Не стану!

Такое будет мое слово.

Когда Владимир-князь сынка Ростовом наделял,
С три короба мальцу наврал:
Люди, аки овцы, мол, смиренны,
Земли изобильем отменны –
И зверьем, и рыбой, и бортью.
Земной, мол, рай – Залесский край!

Может так поначалу и было.
Дань изрядную земля платила.
Князь Ярослав с народом жил в согласьи,
Пока ненастьем
С Волги весть не прошумела:

Мерянское селище насмелело –
Ладью с мехами разорило дотла,
Что с данью к князю, мол, в Ростов текла.
Завелся на реке разбойный люд,
На Стрелке, мол, ушкуйники живут.

И впрямь давным-давно
Здесь примостилось то мерянское гнездо:
Левым боком к Волге жалось,
Правым к Которосли прислонялось.

Уж лет как двадцать Киев под крестом ходил,
Перст православный лоб славянский осенил.
А у мерянина доселе за Бога был медведь,
За храм – медвежья клеть,
При храме – волхв /иначе жрец/,
Пока...
Сюда не дотянулась князева рука.
Владимир-князь задумал окрестить Ростов.
В Залесье навезли попов,
И веру древнюю стоптали с грязью.
Кошунства не простил язычник князю –
Жрец первым вышел на тропу войны.

Разгульный плеск речной волны
Волхва ласкал.
Строптивец терпеливо выжидал

Ладью с богатой данью.
Охота кончилась... жестокой бранью.
И князь поклялся головы ворах срубить!

Но жрец посмел угрозу позабыть –
Волхва к богатству князя потянуло.
Опять ушкуйная секира сверкнула,
Опять река в слезах потонула...
Биту быть похитчику за разбой!

Ночью темною, глухой
Сон жрецу страх лютый перебил.
Вскинул старый голову, вслушался...
Птица на реке блажит,
Струя речная непрямоком бежит,
Режет воду быстрое весло,
Спешит беда в мерянское село
С озера Неро, с моря Тинного...

Да поздно ты, старинушка, проснулся,
Поздно, грешный волхв, встрепенулся.
Биту быть кошуннику за разбой!

В гневе, ярости хмельной
Сам Ярослав схватился за весло.
Погубишь, жрец неистовый, село!
Не стерпел князь воровской твоей забавы,
Не миновать селу потехи кровавой!

Бог в клети все еще лежал.
Бежать жрец Бога заклинал,
Оставить идола в ней волхв не мог:
Бог – это Бог!
За Бога племя могло убить –
Жрецу еще хотелось жить.

И он, гордец, в смятеньи
У зверя, каясь, запросил прощенья.
Лгал!
Бог это знал и не прощал.

И уязвленный,
Тропью потаенной
Жрец кинулся в таежный лес.
Ни карою небес,
Ни беспощадной мезтью
Уж никому его теперь не запугать –

Жрец униженья не умел прощать.
Пусть сдохнет зверь!
Волхву уж не до Бога...

Когда у Божьего порога
С секирой появился князь,
Клеть гневным ревом взорвалась...

И замер жрец, он ринулся назад,

Забыв разлад...

А уж над идолом занес секиру князь.
Медвежья лапа поднялась,
Увязла в князевом колене...

И в то последнее мгновенье
Жрец... телом Бога своего прикрыл...
И Бог его простил.

В честь Ярославовой победы
Медвежий угол Ярославлем нарекли.
А реки также к морю теплому текли,
И их слиянье также Стрелкой звали...

Но наши предки – шутники
Когда на том гербе
Секиру в лапы идолу давали,
На что нам намекали?

СКАЗКИ ОЗЕРА НЕРО

Поди, сто веков Ростов
Посреди Залесья стоит.
Псом смиренно озеро у ног его лежит.
Застылое...Унылое...
Да птица вещая бормочет, мол, немало
Земля Ростовская от него страдала –
А старый ворон мимо не каркнет !

Говорят, в Ростове, на чудском его конце,
В золотом венце
Раньше скотий бог стоял –
Пень пнем !
А думки об одном –
До девок окаянный был охоч.

Всякую ночь пасса лиходей
У ростовских дверей –
Плясуний поспелей выбирал.
Водяной их в гости зазывал,
А народу оба втали –
Басурманы ваших деток, мол, покрали...

А у самих на озере – содом !
Молодым козлом что ни день
Скачет в хороводе старый пень.
Уж не гош для любовных – то утех.
А девичий смех кровь бодрит,
Пляска молодит...

Девоньки крепки, как репки.
Краше цвету алого.
Белее снега белого.
Да зельем опоил их злодей –
Не доплясаться бы им до смертушки своей...
Вдруг которой станет невмочь ?
На то и ночь – глухая пора.
Под берегом нора...
Спрячет Водяной концы в воду –
Богу своему в угоду.

Он и сам бывало так-то плясал,
И жену-плясуню в Ростове взял.
Пташкой Васенка у матушки пела,
А во дворце у Водяного захирела.
Не мил стал девоньке белый свет...
Столько минуло лет,
А и сегодня бы сбежала из каменных палат.

Что ведь тати-мужики творят !
Не завлекли б в ловушку
И ее Оленку-щебетушку!
Слова-то божеские бог говорит,
Да хвост змеиный из-под платья торчит.
Нешто утаить змеиную-то прять?

Пора Алешеньку Поповича призывать.
Полно на чужбине молодцу храбровать.
Загостился богатырь на Киевской земле,
А беда гуляет по родной стороне.

И послала Васена в Киев Олененка:

Передай, мол, молодцу,
Что его Оленка
В лапы татю может попастьь.
А змеева пасть –
Шире дворовых ворот!
Нужен змею, мол, окорот!

Олененок лишь разок скакнул,
А хвостик...уж под Киевом мелькнул!..

Чего боялась, то и стряслось:
Ироду лукавому удалось
На Оленку глаз положить!
А чтоб змеюке угодить,
Не пожалеет Водяной
И дочери родной.

Кинулась Васена к старой ведунье...
Била в бубен чародейка-колдунья,
Курился горький дымок,
Птицей метался бабкин платок...

И дала та горемыке слепой воды –
Отведет, мол, вода от беды.
К ночи плесни мужику в глаза,
Зальет их слеза,
Ослепнет до утра Водяной,
А ты, мол, с Оленкой живой ногой
На остров беги.
Спрячешь – вопи:
Лихо на меня, мол, напало,
Муж ослеп и дочка пропала!..

Еле дождалась Васенка ночи,
Выплеснула зелье Водяному в очи.
Пока Оленку прятала – вся истряслась,
В страхе воплем и зашлась.

Не помешкав, поскакал Алеша к милой:
И конь не хилый,
Богатырский конь,
Да огонь сжигает сердце молодца,
И дороге...не видать конца!
Вдруг Алеша вокруг себя обернулся...
Быстрым крылом встрепенулся...
И...соколом в небо взмыл!
Знать, не даром молодец
Оборотнем слыл!

А по озеру мечется Водяной,
Клянется озеро своей волной –
Мол, в глаза твою девку не видала я...
А жаба прыщавая, змеева родня,
В камышах с подружками судачит:
Водяной, мол, всех дурачит:
Сам, небось, темной ночью
Припрятал дочку.

От напраслины злой
То рыбой прикинется Водяной,
То бревном,
То на соме верхом
Кружит возле озера глупый старик:

Чует – рядом тайник,
Дух родной ноздрю свербит...

А Васену от страха знобит...
Да вызвался помочь ей озерный народ –
Мол, выроем под озером тайный ход.
Не волнуйся, матушка, за дочь –
Управимся за ночь.

Плавниками, мордами землю рыли –
Мать и дочка их заступницами слыли
Перед Водяным.
Тот нередко бывал дурным
М шибко лютовал,
Когда спину гнуть уставал –
Особо ежели с сугрева...

От неправого гнева
Только Васена с Оленкой смели
Рыбу увести на речные мели,
Куда озерному народу
Не было ходу:
Там свой лужок,
Свой божок,
И бились меж собой Водяные власть
За власть.

А жены помогли друг дружке,
Пока мужья делили кормушки
Да колошматили друг друга почем зря...

Когда над озером взошла заря,
Тайный ход был готов.
Покинула Оленушка зыбкий кров
И во время!
Водяной с лучами солнца прозрел
И озверел...

Да не дал ему сокол развернуться:
Успел Алешенька обернуться...
Туром-золотые рога!

Сомкнулись в страхе перед туром берега,
И спрятался Водяной
Под волной...

А на тура вдруг змеище налетел,
Зашипел.
Ядом брызжет драконья голова –
Не страшны ей золотые рога!

Опять Алеша вокруг себя повернулся,
И...богатырем обернулся.
Вскинул богатырский меч...
И упала голова драконья с плеч.
А хвост...
В озеро уполз подыхать!

С той поры о скотьем боге не слышать.
Остались от него гнилой пенек
Да над озером душок –
Чай, не розами гадюка пахла!

А богатырю хвала да честь!
Уж пора бы за столы присесть:
Девц с очами жгучими,
Голосами певучими,
Красоты броской,
Может, не чета ростовской,
Алешенька хоть и немало повидал,
Да ни с кем не ровнял
Сероглазой своей Оленки...

А Ростов не забыл Олененка –
На гербе он золотым копытом бьет –
А город ему славу поет –
Доброму богу Яриле,
Ласковому нашему светиле.

Ослушницам и смиренницам,
Затворницам и затейницам,
Чаровницам – лебедушкам.

ПАЛАНЯ

В некотором царстве,
Некотором государстве
Жил-был царь.
Царство было у него небогатое:
Березка, осина да дочка-сиротина -
Без мамыньки родимой выросла.
Дочка Паланя кашу варила,
А батюшка-царь воевать ходил.
Воевать-то воевал,
Да побед домой не нашивал.
И дочка - не радость:
Все кашу да кашу!

"Долго ль ты мне парить ее будешь? -
Осерчал царь единожды. -
В других домах щи варят,
Овощ жарят.
Чтобы к завтраму был
Суп с требушатиной,
Дырчатые оладьи цельнопеканны,
Сладкие яблоки в кислом рассоле.
И чтоб все с пылу-жару, свежохонькое!
А не то - прогоню!"

Годы подойдут,
Женихи сватать начнут,
А кому неумехи надобны?
Нынче жених пошел с разбором:
Сам и палку узлом не завяжет,

А жену норовит взять рукодельную -
Чтоб и пряла, и пахала,
И хлеб выпекала.
Вишь, какой привередливый!"

Плачет царева сиротка:
Где что взять - не знает,
Во что класть - не ведает.
Кто научит, коли мамыньки родимой нет?
А царь и не слушает, думу громко думает:
«Где бы детке занять ума-разума?»

Летела мимо ворона,
Услыхала, прокаркала:
За леском, мол, за пригорочком
Царство Брюха ненасытного.
Знает Брюх слово волшебное,
Словом блюдо мигом варится.
А уж вкус - оближешься!
Только плата за слово немалая:
Отслужить надо Брюху
Три года и три месяца.

Жалко стало царю сиротинушку:
Добрая птаха, ласковая,
Да крылушки еще не выросли.
Поднимут ли тяжесть науковую?
Как ни жаль Паланю батюшке,
А делать нечего:
Сам стращал,
Прогнать обещал,
Надо ехать в Царство Брюхово.

День скачут,
Сели они на коня, поскакали.

Ночь скачут.
Уж луна тридцать раз
Родилась да состарилась,
А Царства Брюхова не видать.

Притомились. С коня сошли.
Паланя в траву шелкову
Лицом белым пала,
Закручинилась:
Эку даль ускакали от родины!
Бежит слеза жгучая по щекам.
Упала на зеленый листок –
Почернел листок!
Упала на землю –
Сквозь прожгла!

Зашептались травы:
"Неутешно-велико, знать, горюшко.
Чем бы девице помочь?"
"Муравейку б позвать", -
Колокольчик молвил.
"Верно", - согласились травы.
И послали гонца.
Муравей пришел,
Горе выслушал.
"Ладно, - говорит, -
Сяду на ушко, помогу!"
Обрадовалась Паланя:
Мала букаха,
А все ж не одной бедовать в чужеземье.

Снова в путь пустились:
Паланя с батюшкой на коне,
Муравей у Паланюшки на ушке.

Еще многожды луна за море бегала,
Пока прибыли они в Царство Брюхово.

* * *

На горе крутой,
За каменной стеной
Костры горят,
Ножи-ложки стучат,
Воздух духмяный слюну гонит.
Открыл ворота Брюх,
Повел гостей переулочком,
Чтобы тайны не вызнали.

Понял царь опаску брюхову,
Разуверил:
Не за тем пришли!
Челом Брюху бьет –
На учење дочку взять.
“Ладно, неучу поучу, - согласился Брюх, -
Коль послушна будет.
Не то осерчаю!”
Сам ручки потирает,
Прибытки считает:
Денег-то Палане
Не будет платить -
Только кормить самую малость.
Даром, почитай, трудодейка досталась.

Поутру Царь-батюшка восвояси отбыл,
А Брюх науку начал.
“По первости, - говорит, -
Блюдо вымой,
Солнцу донышко покажи!”
Вымыла Паланя посудину,
Донышко на солнышке прожарила -
Светлым зеркалом блюдо заиграло.

Одобрил Брюх: “Справилась.
Первую науку осилила.
Как вторая, дастся ли?”
И велел в семь бездонных бадей
Воды натаскать.
Носит Паланя воду.
Коромысло плечи ломит.
А бадьи все не полнятся...
До заката солнышка пробежала...

А у Брюха уж третье заданье:
Чтоб к утру сшила-вышила себе
Передничек и косыночку узорчатые.
“Не успею, - закручинилась Паланя, -
Не успею!”
А букаха малая шепчет:
“Не бойся, я с тобой!”

Только засмеркалось,
Муравейка в лес:
“Звери-мухи, помогите,
Пропасьт девице не дайте!”
Звери-мухи его выслушали,
По лесам разбежались,

Несут: кто листок, кто цветок,
Кто красну ягодку.
Паланя их друг к дружке прикладывает,
Паутинкой тонкой связывает,
Как узор вышивает.
Глянул утром Брюх - ахнул!
Чудо расписное у девицы выткалось!

* * *

С того дня пошла наука главная.
По первости супы варили,
Да такие духовитые!
На втором году за каши принялись,
Каши пышные, рассыпчатые.
В третий год к пирогам приступили.
Дивно Брюху, дивно!
Сверх науки у Палани получается!

А Паланя с Муравейкой в лес убегут,
Трав душистых нарвут -
И в блюдо.
А про секрет - молчок!
Брюху скажи - весь лес оберет,
Живого не оставит.
Наварит, напарит,
В один чан свалит.
Про запас!

Не понять Брюху тайну Паланину.
Озлобился!
Слово пора сказывать,
А не хочется.
И задумал, окаянный, хитрость хитрую:

Сиротинушкой прикинулся.
На скалу сядет,
Ручку к лобик у приложит,
Грустно на море глядит.

Паланя увидала,
Про печаль спросила.
"От сынка Губастика нет вестей.
Без отца, без матери живет,
Проведать бы, да ногами слаб.
Не проводишь ли, милая?"
"Провожу, - согласилась Паланя, -
А далече ль идти?"
"Да недалече.
У моря, за мысочком, ступенечки-
Донесут до самого Губастика".

У моря, за мыском, и впрямь ступенечки,
Лежат себе ровною дорожкой.
Позабылся Брюх,
Скакнул на них козленочком.
А Паланя такое увидела,
Запасилась...
Понял Брюх оплошку свою, заохал,
На ножки пал,
Помощи просит.
Кинулась к нему Паланя,
На ступенечки встала,
А они прямо в воду и поехали.
Испугалась Паланя, смерти ждет.
А Муравейка за ушком:
"Не бойся, я с тобой!"

А ступеньки спорые,
Скользят по воде, как по маслицу.
И все глубже, глубже...
Травы шелковы пред ними расступаются,
Рыбы-звери морские разбегаются...
Донесла их дорожка до темного дна.
Пригляделась Паланя и увидела:
Лежит в мягкой ямке
Жаба жирная, бесхвостая.
Кожа острым пупырем крытая,
Брюхо в три кадушки свитое,
Чубчик надо лбом торчит,
Нос свинячий в ус сопит.
Фу! Какое страшилище!

А Брюх бахвалится:
Живет сынок жизнью дивною:
Ест, сколько хочется,
Спит, сколько можется.
Чудище морское покой бережет:
По дну ходит,
Головой змеиной над водой водит.
Углядит судно на море -
Хвостом по воде шлепнет,
Брюу-ураган сделает...

Встанут воды дыбарем,
Утлую посудину на берег выкинут...
И опять покой!
А по дну каракатица ползает,
Черной краской светлоту красит:
Чтоб ничто не мешало Губастике.
Спит сынок, спит родной,

Силы копит!
Скоро править-государить будет!

“Встань, Губастенький, гостью встрень!”
Приоткрыл тот глазок,
Глянул щелочкой.
И... отвернулся!
Осерчал Брюх, прикрикнул:
“Говорю, встань, невесту привел!”
Как услышала ту речь Паланя,
Пошатнулася,
Белы руки заломила,
На колени перед змеем пала:
Не губи!
А Брюх насмехается:
“Замуж за Губастика не схочешь,
В море сгинешь,
А домой не воротишься”.

Вот ведь что ирод задумал:
В море девицу держать,
Лишь бы слово не давать!

Повернулся Брюх к Губастику,
А тот в ямку забился,
Усами прикрылся –
Тела мерзкого стесняется.
“Ах ты, жирная кадушка ленивая!
Ты доколь будешь спать без просыпу?
Скоро из расщелины не выползешь!
Встань!”

Испугался Губастик, поднатужился...
Ноги за камушек зацепил,
Головушкой в небушко уперся,
Встал!
А тело мяккое,
Жидким студнем колышется,
В воду просится!
Не устоять!

С досады плюнул Брюх в море.
Аж ... чвакнуло море!
Кругами заходило,
Пузырями вскипело!
Вздыбилась, взгорбилась
Волна плескучая!
Обидчика схватила,
Завертела, закрутила,
Размахнулась...
И на берег вышвырнула...
Не погань, брюхастый, воды чистые!

А Паланюшку волна лишь погладила
Да легонечко к Губастику придвинула.
Страшно стало девице,
Обмерла!
Ручки-ножки опустила,
Глазюньки закрыла...
А Муравейка шепчет:
“Не бойся, я с тобой.”

Покачалась волна, успокоилась,
Разбежалась ручейками по-за камушкам...

И стихло море!
Отодвинула свой страх Паланюшка,
Над Губастиком склонилась,
Белой ручкой тело мягкое тронула:
"Чем могу помочь тебе я, молодец?"
Ох, как горько Губастик вздохнул:
"Да не молодец я – девица,
И толстому Брюху не родня.
Он меня ... ", - да вдруг замолчал
И в пучине морской пропал.

Замерла Паланя и услышала
Топот ста скакунов,
Ржанье ста кобылиц!
Это чудище морское бежит,
Ногами взбрыкивает.
Шея долгая петлями вьется,
Голова колотушкой бьется...

* * *

Бросилась Паланя к ступенечкам:
Скорей, скорей на бережок!
А уж Брюх ее тут и дожидается,
Усмехается...
Муравейка Брюха увидал, закричал:
"В лес беги, там схоронимся!"

Бежит Паланя к лесочку,
А трава пригибается,
В ногах заплетается - не пущу!
Кузнечик налетел - растопчу!
А крапива-душечка жалит, жалит!

Не заметила Паланя Сучок,
Сухую веточку.
Оступилась, ножку повредила, заохала...
А Сучок вдруг шепчет:
"Под корягой норка есть, схоронись!"

Не почувяла Поланя беду,
В норке затаилась...
А Сучок вход за ней прикрыл,
Девицу схватил,
В темень поволок.
Девица плачет,
А Сучок пыхтит, тащит.
До полянки дотащил,
К осинке прислонил,
За подмогой отправился.

* * *

Огляделась Паланя и увидела:
Сидят на полянке образины.
У зайца - рога,
У волка - борода,
У бабочки - хвост.
А сова глазастая под деревом сидит –
Зубы точит.
Что сова!
Дуб березку слопал,
Только веточки оставил.
Ох! Какое зверобище!

И все ворчат:
Дерево не так растет...

Камень не там лежит...
Солнце не туда ходит...
Вот когда они были
Сучками, жучками, кочками,
А болото речкою,
И вода была мокрой,
И песок сыпучим,
И топь зыбучей...
А теперь все не так да не эдак!

Лопух губы распустил, бурчит,
Голосом корявым речке выговаривает:
Не журчи!
Пень кудлатый, бородавка быстроногая,
Лист бранит - не шепчи!
Сена клочок и тот возникает!
Лишь Сурепка на пригорке сидит,
Не бодается, не кусается,
Ромашку за бока щиплет, судьбу ворожит.

Муравейка с ушка Паланина
Спрыгнул, просит:
"Сурепка, Сурепка, погадай,
Тайну нам Губастика поведай!"

Сурепка помолчала,
Вкруг себя поплевала,
Лепестки белые по ветру пустила,
Заворожила:
"За темным ельничком,
Под крапивным листом,
Стоит изба высоченная,
Крыльцо широченное,

Столбики на нем точеные,
Перила золоченые,
Ох, и темные дела
Творят там Леший да Яга!
Туда идите,
Тайну там ищите".

Обрадовалась Паланя,
Сурепку благодарит,
Дальше спешит.

* * *

А за темным ельничком,
Под крапивным листом
И впрямь изба высоченная,
Крыльцо широченное,
Столбики точеные,
Перила золоченые.
А Сучок-лесовичок на нем Яге
Доклад делает:
Дескать, девицу до дома не донес -
Больно крупная досталась.
Пусть Яга привезет.

А Яга противится:
Коленки у ней скрипят,
Пятки мозжат-
Видать, к ночи!
Сучок суетится,
На Ягу покрикивает.
Ступу Яга пригнала
Да к опушке затарахтела.

А Сучок задумался:
Кого б нынче сделать?
Мягкого хочется,
Но с коготком...
И хвостик с кисточкой!
А лучше душегубицу:
Чтоб зверьем помыкать
И людей страшать.

Встал Сучок на крылечко,
Кулачком себя по темечку бумкнул,
Злыдым голосом по лесу ухнул,
Лешачьим посвистом свистнул...
И все птицы-звери сбежались.
А Сучок требует:
Со зверины - шерстину,
С птицы - перышко,
С гладких гадов - чешуечку.
Славное выйдет дитятко!

А Яга назад летит
Вся взволнованная:
Нету девицы на опушке.
Гавка цепь рвет,
Услужить хочет.
Спустила ее Яга.
Да Паланя сама вышла –
Чего уж таиться-то!
Злыдни так и ахнули:
В засаде была,
Секрет вызнала.
Смерть ей!

А Муравейка как с ушка спрыгнет,
Как в бабкин нос вопьется!
Заорала Яга дурным голосом,
А нос на глазах раздувается,
Красно-синим соком наливается.
Воет Яга, молит:
“Отпусти, что хочешь сделаю!”

И Сучок притих.
Стал смирным да примерным:
Мы, мол, не со зла,
Мы, мол, с озорства,
Мы, мол, шутки делаем!
Отпустил Муравейка бабкин нос,
Для примера Сучка тюкнул в темечко!
И велел про колдовство сказывать.

* * *

Поломалась Яга для форсу,
А сказывать надобно,
Спрашивает:
“Вам видимо аль невидимо?”
Удивились Паланя с Муравейкой,
Просят: видимо.
На пенек Яга присела,
Коленками поскрипела,
Больным носом посвистела,
Поустроилась.
Ладонь к губам поднесла,
Дунула...
И сдула на полянку

Старика и старуху.
А сама стала сказывать:
"Жили-были батюшка и матушка.
И была у них дочка Губаня –
Писаная красавица!
Глазки синие,
Щечки красные,
А уж губки... Губаня ведь!"

Опять дунула Яга на ладонь,
Сдула девицу-красавицу.
Щечки и впрямь гладкие,
Губки сладкие,
Синие глаза
И до пояса коса!
"Да вот беда –
Уродилась девица ленивой.
Уж как матушка ее корила,
Уж как батюшка ее стыдил!
А девица себя больно ценит-
Знай погуливает!

И решили старики
В учење к Брюху ее отдать:
Пусть поучится,
Своим трудом покормится.
Брюх Губаню принял: "пусты!"

Дунула Яга на ладонь -
Костры затрещали,
Вилки-ложки застучали,
Вкусным духом потянуло.
А Губаня к кострам не идет,

Ей труд не нать!
Отписал Брюх родителям
Про Губанину лень.
Закручинились старики,
И свела их печаль в могилу.
Осталась Губаня сиротой.

И замыслил тогда Брюх колдовством
Девицу-умелицу,
Себе работницу, сделать.
Да раздумался:
Ни сынка у него, ни дочки.
Кому оставит котлы да бочки?
Кому Слово передаст
В смертный час?

За каши ложку
Да похлебки плошку
Встанет на лапки любая тварь:
Будь то зверь,
Будь то царь!
А того, что у Брюха наварено,
В котлах напарено , –
За тыщу лет не переесть!
Вот бы сыночка в дом привести!
И поскакал Брюх к Сучку да Яге
На одной ноге.

А те ломаются,
Сомневаются –
Безобразин, мол, ладим,
А сыночка не сумеет!
Брюх настаивает,

Плату высокую сулит.
И принялись колдуны за дело.
Взяли с птиц по перышку,
С травы по листику,
С каждой звериной твари
Шерстинок по паре.
В котле все смешали,
Колдовские слова прошептали
Да всю муть на Губаню и выплеснули!..

В голос закричала девица!
Телом покраснела девица!
Студнем оно налилось,
Скрутилось,
Свертелось,
Чешуей оделось
И обличье мужское приняло.

Испугался Брюх образины:
Страшно жабу кому показать,
Не то что сыночком назвать!
И кинул Губаню в море.
Пусть, мол, в море поживет,
Соли горькой попьет.
Может, на что и сгодится
Супротивная девица.”

Умаялась Яга рассказывать:
Коленки, вишь, у ней разболелись.
Вот она и просит Паланю:
“Паланя-душечка,
Помоги болеть снять.
Найди ягодку-дубровинку

Со шляпочкой!”
А сама глазам так и зыркает,
Что Паланя скажет?
Знает, что ягодка-дубровинка
С хитринкою -
Не всякому покажется.

* * *

Пожалела Паланя старуху,
Пошла в лес.
А лес темный,
Злыми чарами полный:
По дорожке подорожник похаживает,
Тропочку затапывает.
Бабочка крылышками машет,
В чащу заманивает.
Мухомор, красавчик крапчатый,
Ядом брызжется.
Не сыскать ей ягодку-дубровинку.

Глядь, Иван-да-Марья сидят,
Иван-чаек попивают.
Паланя к ним:
Помогите по лесу пройти,
Ягодку-дубровинку найти.
А Иван-да-Марья и не слушают:
Ничего не видали,
Ничего не знают,
Это их не касается!
Как Паланя осерчала,
Крапивы нарвала,
Иван-да-Марью отстегала:
Лес гибнет, а им и дела нет!

Устыдились негодники,
Дорогу указали.
И деревья расступились,
Девицу пропустили.
И увидела Паланя полянку
И ягоду целебную.
Нарвала пригоршню да назад.

Ягодку отварила,
Ноги Яге отваром помыла,
Передничком обсушила,
Ладошками согрела...
Утихла бабкина боль.
Встала Яга на ноги.
Пяткой топнула одной
Да притопнула другой,
А ноги-то новехонькие!

И запищал вдруг комар в дудочку,
Тренькнул паук на паутиночке,
Заскрипел кузнечик на скрипочке.
И такая стала музыка в лесу петь,
Хоть пляши!

Подбоченилась Яга,
С головы платок сняла,
В руку взяла, по кругу пошла,
Платочком помахивает,
Сучка в пляс заманивает!
А тот упирается,
Над бабкой потешается!
Тоже, мол, плясунья сушеная!

Да не устоять,
Пустился сам плясать!

А музыка все звончей,
Все веселей.
Звери бегут,
В хоровод встают.
Глядь, а у зайца вдруг отпали рога,
У волка - борода,
У бабочки - хвост.
Перестало колдовство-то действовать!

Глянул Леший на Ягу и дивуется:
Не Яга пред ним, а Ягунюшка!
Хоть не больно красавица,
Но молодая, складная!
Носик маленький с курносинкой!
Кожа белая с румянышком,
Точеный бочок...
Высокий каблучок.
Ну все при ней!

И Сучок на глазах меняется:
Ноги стали длинные,
Бедра узкие,
В плечах сажень!
И кудри по ним разбегаются!
Молодец - всем на загляденье!
Ягуня Лешего увидала,
Сердцем запылала,
К березке прильнула - любит!
Да как не полюбить красавца эдакого!

Защебетал лес птицами,
Зазвенел колокольцами!
И животина, и всяка зеленина
Свой облик вернули.
Встали в круг
Дубы могучие, осины стройные,
Березы белые
Всем напоказ - вот мы какие!

Встали в круг
Зайцы быстрые, лисы ловкие,
Волки смелые
Всем напоказ - вот мы какие!
Малина с черникой
Да лесной земляничкой
Сладкой ягодой угощают –
Вот мы какие!
Паланюшку подхватили -
И тоже в круг!
Да в пляс!

* * *

А как наплясались все,
Напрыгались,
Вспомнила Паланя про Муравеюшку...
Сама плясала,
А друга верного забыла!
Глядь - на ушке никого.
Ушел Муравейка,
Слова прощального не сказал.
От смерти ее спасал,
А она забыла про него,
Запомнявала.

Кинулась Паланя Муравейку искать.
И зверь ей помогает - рыщет,
И птица ищет.
Листки сами поднимаются,
Цветки сами раскрываются...
Нет нигде Муравеюшки!
Обидела она друга,
Обидела заступника!

А Ягуня хитро так говорит:
"Не тужи, Муравейка сыщется!
А за сердце доброе
Дам тебе волшебный клубок,
С ним до самого дома дойдешь -
На конце веревочки счастье найдешь!"

Стали все с Паланюшкой прощаться:
Леший-молодец да Ягуня
Здоровья ей желают.
Гавка - дома теплого,
Хозяйства крепкого.
А лесной народ –
Мужа доброго да деточек,
Что у дерева веточек.

А Паланюшку ничто не радует.
Идет через горы и леса
В родимые края.
Впереди клубочек бежит,
Дорожку выбирает.
Позади Паланя слезу утирает.
Плачет, приговаривает:

“Милый ты мой Муравеюшка!
Домой иду, а сердце - в лесу.
Не забыла я тебя,
Лишь запомнятовала.
Ты один мне друг верный,
И в беде, и в счастье надежный!
Был бы молодцем,
Пусть и неказистым,
Я б другого мужа не хотела,
Сердце доброе на красоту не променяла”.

Льет Паланя слезы,
Ручеек уж наплакала.
Бежит он мокрой ленточкой.
А тут вдруг Медведь - лесной батюшка...
На ручеек наступил,
Язык в него опустил,
Воду спробовал - удивился:
Не море, а солоно!
Видит, девица плачет,
Клубок рядом скачет.
И Паланя Медведя увидала,
Хотела испугаться,
Да раздумала:
Жизнь без Муравеюшки не мила,
Ей ее и не жалко!

Медведь подошел,
Слезы девице лапой вытер:
“Не бойся, - говорит, - не трону.
А рядком посижу, побеседую,
Может, и беду отведу?”
Голову Паланя подняла,

В глаза лесному батюшке глянула,
Ласку в них увидела
И упала на мохнатую грудь...

Дал Медведь горю вылиться, спрашивает:
“Что ж это за печаль,
Что смерти страшней?”
Рассказала Паланя про Брюха коварного,
Про лесных колдунов,
А главное - про Муравеюшку
И черную свою неблагодарность.

Выслушал Медведь и говорит:
“Друга предать -
Большой грех на душу взять!
Но ты ж не предала ,
Ты призабыла,
Веселье тебе память
На добрые дела отбило.
Я б простил, и Муравейка простит!
Суши глаза. Вместе за словом пойдём!”

Пошли они к Брюховой горе.
Клубок бежит,
Как на пожар, спешит.
Паланя с Медведем еле поспевают.
А на Брюховой горе жарка-варка идет:
Супы кипят,
Жиры шкворчат -
Блины румянят!
И кофеем пахнет! Вкусно-то как!

Подошел Медведь к воротам,
Постучал,
А Брюх услышал,
Ухом к воротам припал,
Молчит...
Медведь ему и говорит:
"Добром не откроешь –
Разнесу дом по бревнышкам,
А бревнышки - по щепочкам.
Потом не соберешь!"

Открыл ворота Брюх,
Сам за печку спрятался.
Нашел его Медведь:
"Слово волшебное отдашь?"
"Слово отдать
Да ничем стать?
Как бы не так!
Правишь пиром –
Владеешь миром!"
Рассердился Медведь,
Брюха схватил да в чан опустил!

Что тут началось!
Море Землю обнимает,
Луна Солнышко целует.
Ветер в лес полетел,
Весть счастливую понес:
Сгинул Обьедало - Ненасыть!
И не заметил никто,
Как из моря вышла девица –
Писаная красавица!

Щечки гладкие,
Губки сладкие,
Синие глаза,
До пояса коса,
И такая скромница:
К Палане с Медведем идет,
Голову повинную несет.
Простили они ей –
Радость-то у всех какая!

Только Палане грустно:
Вот уж и Губаня вернулась,
Лишь о Муравейке нет вестей.
Села она в уголочек,
Гладит клубочек,
А он ее и вопрошает:
"Ты пошто Ягунин наказ не исполнила?
Меня не размотала?"

И впрямь Паланя про наказ забыла.
А клубок с колен ее спрыгнул,
Вкруг Палани бежит,
Кольца плетет венчальные.
В одном - Паланя,
В другом – Муравеюшка.

А сам пытается:
"Обещала за Муравейку замуж пойти,
Пусть и неказистого?"
"Обещала",-
А сама от счастья так и светится.
"Так быть по сему!"

Хлестнул клубок веревочкой по Муравью,
И встал перед Паланей молодец-
Лицом улыбочивый,
Носом задорный,
С руками работающими.
В пестрой рубаше,
Синих штанах,
Красным кушаком подпоясанный.
"Носила ты меня, Паланюшка, на ушке!
Я ж тебя на руках носить буду!"

* * *

Потом свадебку сыграли.
Звери на нее прибежали,
Птицы прилетали.
Ягуня с Лешим тоже свадьбу затевают.
Лишь Губаня пока не при муже -
Осмотреться ей надобно.

Приезжал на свадьбу Царь-батюшка.
Деток в Царство звал.
Да они его к себе переманили.
Чан поганый,
Где злыдня сварили,
Выбросят...
А в других будут пищу варить
Да весь мир кормить!
И слова волшебного не надо -
Были б руки работающие!

ФЕНИЧКА

Жили-были три братца,
Три молодца.
Собой ладные, пригожие,
Да нравом не схожие:
Петюня - молчун,
Мартынка - драчун,
Но власть держал Егорша -
Кулак тверже, не забалуешь!
Всерьез за грудки и не хватались -
Помаленьку дрались.
И синяк не грыжа:
Зацветет, а время слижет!

Хозяевали справно:
Закрома не пустовали,
Не бедовали!
А как в сок взошли -
Заженихались.
Невест, что грибы, по осени берут -
Кучней растут!
Вот и братья - хлеба убрали,
Стога сметали
И к соседям подались.

А там Клавочка -
Шире лавочки,
Добрая, большая!
Егорша ее и выбрал.
Мартынка - пострел

Маньку усмотрел:
Форсиста, ужимиста,
Кофта в бантах,
Голова в кудерях,
Вся из себя - ах!
Домой вел - ажно цвел!
А Петюне досталось,
Что осталось:
Феничка - невеличка,
Два глаза да косичка.
Зато в кармашке удобно носить!

Стали вместе жить.
Ушлый Мартын
Углувшку прихватил.
Старший Егорша
Взял горенку побольше.
А Петюне досталась печь -
Можно сесть
И можно лечь.

Клава с Егоршей степенно жили:
Зернышко по зернышку в дом носили.
Манька с Мартышкой
Не больно дружили:
Все плоски перебили.
Чуть что не так -
И об пол бряк!
А Феничка с Петюней слюбились -
Век бы не сходили с печи!
Да любовь не калачи -
И поесть бывает охота.

У каждого своя работа:
Клава с мужиками поле пахала,
Манька кочергой у печи громыхала,
Феничка скотину обряжала,
По дому хлопотала -
Маньке помогала.
А, бывало, и с кошкой играла -
Кошке лапки заплетала.
Все у невелички получается!

А у Маньки кочерга спотыкается!
Горшки, ровно блохи, скачут,
Борщом плачут.
Стряпуха злится,
Подливает водицы.
Да вода - не сало!
Навару в ней мало!
Феничка с водички шибко худала,
Да молча страдала.
И Петюня - протак:
Сойдет, мол, и так!
А Клава с Егоршей
Требуют щей жирней!

Маньке б покаяться,
Да с гордыней не справиться.
Стала Феничку срамить, виноватить.
Клаве на Феничку кивает:
Фенька, мол, заботы не знает!
С кошкой на печи озоруют -
Обе борщок и воруют!
Невеличку силится стоптать,

А себя обелить, оправдать.
И некому малышку защитить:
Петюня уговору егоршину поддался -
В город по делам подался.

Клаве бы Феничку расспросить,
А Маньку пристыдить, окоротить,
А она непохвально себя повела-
Маньке криводушной поверила!
Стала на Феничку коситься:
Вот, мол, какая озорница!
И Мартынка Маньке подпеваает,
Феничку укоряет:
У Мани, мол, забот полон рот,
А Фенька зазорно себя ведет.
И Петюню, мол, нечего ждать -
Дармоедку надо в шею гнать!
Только кошка за Феничку горой:
Ты, мол, Манечка, ямку-то не рой!
Самое не погнажи б помелом!
А мы-то проживем, не пропадем!

Как тут Манька негодная взвилась,
На кошку бросилась,
Швырнула за порог венничком,
Пригрозила шепотком Феничке:
Сама, мол, не уйдешь - пожалеешь!
Дурману злого наберу,
Петюнечку - душечку изведу!
Помертвела Феничка...
И в чем была,
Босою, кинулась прочь - в ночь!
И кошка за ней.

* * *

Горько сиротинушкой на свете быть!
Негде Феничке головку приклонить.
Всю ночь они с кошкой бежали...
Ох, как ножки босые устали!
А тут буерак...
Не перепрыгнуть никак!
Мечутся, ищут тропу,
И не видят бедолаги...каргу!
Сидит в овраге на коряге
Лицом щербатая,
Спина горбатая,
Уши вислые, глаза в раскос,
И нос к коленкам прирос!
Губами шлепает, пришепетывает,
Чай, недоброе колдует!

Увидала ее Феничка
Да как закричит,
А бабка как заверещит -
Чуть с коряги не упала!
Запричитала:
Как, мол, девонька, меня ты напугала!
Я ж Лукерья - вековуха,
Лесная старуха.
У леса живу,
Травку беру,
Хворых пользую!

А девонька сомлела,
Наземь осела,
Головку сронила...

Бабка Феничку подхватила:
Да ты ж, касатушка, дрожишь,
Огнем горишь!
Знать, ножки ознобила,
Занедужила!
Баньку, мол, ужотко истоплю,
Огневицу-то твою повыгоню!

Принялась Лукерья Феничку лечить:
Снадобьем поить
Да... откармливать.
Уж больно отощала невеличка:
Остались от Фенички косичка
Да мешочек костей...
С манькиных-то щей!

Молочком ее бабка умывает,
В росах девоньку купает.
На глазах невеличка расцветает:
Кожа лепестка нежней,
Брови ноченьки черней,
Глаз лазоревый синью горит,
Волос русский волною бежит.
Да сердце по Петюнечке болит.

Злые люди ее оболгали,
Дармоедкой да воровкой назвали,
Посулили Петюнечку сгубить -
До смерти дурманом опоить.
Как не горевать, не сокрушаться,
Коль с соколиком пришлось расстаться!
Так и сбегала б тайком,
Глянула на милого одним глазком!

Делать нечего, достала Лукерья
Волшебные каменя,
На блюдо покидала,
Ворожить стала...
Камни стойком по блюду ходят,
Узоры разводят:
Клава, мол, в поле надрывается,
Манька у зеркала кривляется...
И легли на бочок.
Про Петюню - молчок!

Повременила Лукерья,
Опять принялась за каменя.
Но сколько ни кидала -
Проку мало!
Лежат да молчат чернокнижники,
Ровно булыжники!
Уж не беду ли почуяли?

* * *

А Петюня, как вернулся
Из городу домой,
Как увидел печь - лежаночку пустой,
Сердце в груди заколодило,
Горе силы отнял...
Егорша вилять не стал -
Все как есть обсказал.
И Клава каялась, казнилась.
А Манька ничуть не смутилась:
Врет и глазом не ведет!
Фенька, мол, твоя воровала,

От стыдобы и сбежала.
А про дурман молчит поганка,
Возьми ее, лихоманка!

И Мартынка задирается,
На кулак нарывается:
А ты, мол, будто не знал,
Кого в жены брал!
На печи лежать, блох считать
Да воровать - мастерица твоя Феничка -
Сопливое семечко!
А уж с виду такая смиренница -
Бездельница!

Кулаком помахать,
Себя показать -
Молодцу потеха.
А уж тут не до смеха!
Взял Петюня братца за грудки,
Ухватил за портки,
Не сплосшал, явил силушку...
Да не вернуть милушку!
Нет нигде невелички,
Русой косички!

Сел тогда Петюня на коня,
Поскакал в другие края:
Может, там кто про Феничку слышал?..
А Егорша Мартынку со двора прогнал.
Да тот и не тужил - расставался:
К теще на блины ведь подался!

* * *

Так и стали братья розно жить:
Клава с Егоршей добро копить-
У них все ладно!
У Мартынки - нескладно:
Рожь спалил,
Огород сгноил.
Осень подошла -
Пустые закрома!
А тещины блины без мучицы,
Что манькины борщи на водиче!
Да откуда достатку-то быть,
Коль некому руки приложить:
Мартынка-то косит на другой огород,
Где сало растет!
Как Манька про то дозналась -
Ох, и шибко ухвату досталось!
Маманька ей: бить-то, мол, бей,
Да шей мужику налей!

А Маньке обидно -
За горшками жизни не видно.
Еще у печи постояла
И заскучала...
Пристрастилась глупая к дурному
зелью -
Горькому веселью.
Ба! Она ж скоро родит!
Лихоманка-то пусть погодит!
Дай, Бог, Маньке здорового ребеночка -
Не в мать сатаненочка!

* * *

И Феничке живется несладко,
Хоть жизнь течет гладко.
Снова Лукерья камни кидает,
Про Петюню пытается.
А те без утайки
Ладят новые байки:
Клава, мол, скоро родит девчонку,
Манька - мальчонку...
И опять на бочок:
Про Петюню - молчок!

Чтоб трижды камень молчало,
Такого у Лукерьи не бывало!
Всполошилась Феничка -
Горькое семечко!
Сжала сердце тревога -
Милому нужна подмога!
К Петюнечке надобно спешить,
Да как бы ему не навредить!
Пусть уж сначала сбегает кошка -
Чтоб без оплошки!

А долго ль той допрыгать до села?
Ночка одна!
Всех кошка пытала -
Ничего про Петюню село не знало.
Как уехал, мол, Феничку искать,
Больше о нем не слышать.
И решила кошка Маньку проведать,
Злодейкиных щей отведать.
Шмыг во двор - через забор!

Тут ее собаки и ждали -
Такой хай подняли,
Размечтались - кошку разорвать!
Да ни в жисть такому не бывать!
Вот по морде барбосы схлопотали...
До чего ж звери с тела-то спали!
Знать, не жирно хлебают борзые -
Уж больно злые!

Вышла Манька с сигаркой в зубах
Да с зельем в руках.
Зелье пьет, сигарку смолит,
А в доме кто-то пищит.
Неужто дитя голодное плачет?
Так это ж значит...
Манька родила сына!

Схватила кошка во дворе щенка,
Приоткрыла в избу дверь,
Прошмыгнула в щель,
Выкрала мальчонку,
Уложила в люльку собачонку...
Пусть, мол, подлая Манька пострадает,
Горя - лиха узнает!
Ну, попутал кошку бес!
Сама - в лес!

А Манька хорошо на крылечке посидела
И, ясное дело, засопела.
На ступеньках и прилегла
До самого утра!
Ночь занавески на глаза опустила,
Уши пышною тучкой прикрыла,

Маньку решила не будить -
Молодуху, мол, пора приструнить.

Утром в избе переполох:
В люльке-то - "кабысдох",
Шелудивый кудлатый щенок...
Неужто сынок?
Манька Мартынку боится - божится:
Всю, мол, ночь с ребенком сидела,
Колыбельную пела
До самых утренних рос...
И когда он шерстью оброс?

Святыми глазами глядит,
А щенок блажит...
Манька его пеленает,
Да хвост куда деть, не знает.
Может, уши сынку обрить,
Хвост обрубить,
Отмыть, отскоблить собачонку?
Может, сойдет за мальчонку?

А щенок в люльке полежал
Да деру дал.
Не хочет, вишь, куцым ходить
Да бритые уши носить.

* * *

А кошка до лесу добежала
И встала:
Чего говорить про ребеночка -
Манькина замореночка?
Мол, бежала... лежало... орало...

Подняла... перестало...
Хотела положить -
Начало вопить.
Пришлось, мол, до дому тащить.
Бросила ребенка в лесу, видать,
Дрянная мать.
Да не приучена врать:
Мать - скверनावку ругает,
А глаз на Феничку не подымает.

Чувствует Феничка - что -то не так,
Да не поймет никак.
Горе и счастье
Рвут сердце на части:
И Петюничка родимый пропал,
И сиротку Бог дал.
Даже имени у дитятки нет.

Толковитый Лукерья дает совет:
Расти, мол, малого дитенка,
Как своего ребятенка.
Из нас никто не проболтается,
Никто и не дознается.

Так и заменила Феничка мальчонке мать.
Петюничкой сыночка стала звать.
Глаз с дитя не спускает,
И Лукерья души в нем не чаёт.
Растет сынок,
Катается по лесу колобок.
С кошкой на печи играет,
Кошке лапки заплетает,
Как, бывало, Феничка -

Счастливого нынче семечко!

А однажды в осенний вечерок
Забрел на огонек паренек...
И никто поначалу его не признал...
Как возмужал!
Косая сажень в плечах,
Могутная сила в руках,
Головою дорос до потолка
Гостьюшка!
А Феничку увидал - и зарыдал...
Ах, Феня – Феничка,
Курносое семечко!

Не было ни гроша, да вдруг алтын:
У Петюни теперь и жена, и сын!
Как он их любит, ласкает...
А кошка страдает,

Томится... так уж томится!
Налила Лукерья в блюдо водицы
(Для кошки заведен другой закон),
Каменья тайком утопила,
Заворожила...
А те и не молчат, говорят:
Сыночка, мол, верните квочке!

Ничего Лукерье не понять,
Хотела опять каменья кидать,
А Петюня им: я, мол, слышал -
У Маньки сынок пропал.
Видели - кошка тащила узелок,
Да поймать никто не смог-

Уж больно проворная тварь.
А Маньку, мол, жаль:
Такое горе - потерять сыночка!

Смекнула Лукерья, кто квочка!
И Феничка все поняла:
На руки мальчонку взяла,
И, только Петюня за порог,
Она - в лесок...
Пусть Манька ее убьет,
Но ребенка ей Феничка сама вернет!

* * *

А Маньке беда - не беда!
Все трын-трава!
Сыночка потеряла.
Мартынку проморгала:
Так и ходит негодник в чужой огород.
А Манька знай себе пьет.
Заболит головка -
Талдычит: Фенька - воровка!
Оклемается - себя пугается!
А больше по кустам шляется:
Ей, вишь, бантики некому казать...
Уж не знает, куда их цеплять!
Глазком стреляет,
Бедром играет,
Токует тетеря, токует,
Новой беды не чует!

А беда - вот она!
Шастает в кустах баловник -

Шаловливый чаровник.
В плисовых штанах с кушаком,
А грудь - нагишом,
Нету на ней бантиков!
Манькины углядел -
Аж сомлел! Иззавидовался!

Бочком к ней придвигается,
Распалается!
В глухомань варнак зовет дурочку,
Наливает дурочке чарочку...
Только зазевалась,
Изловчился тать,
Маньку - хват! И поволок!
Манька вопит, извивается,
Да не может с ворогом справиться!
Вот-вот он бантик сорвет!

Откуда ни возьмись, Феничка -
Отважное семечко!
Ясны глазки на злодея подняла,
Бровкой с укORIZНОЙ повела,
Головкой покачала...
И... дрогнул лиходей, хвост поджал,
А тут и народ набежал:
Мужики с дубьем,
Бабы с кольем.
И Мартын с Егоршей
Да с Клавочкой втроем!
Маньку у злодея отбили,
Самого поколотили.
Мартынка от души бока ему мял,
Чтоб впредь чужих жен не смущал!

(Ох! Чья бы пеструха мычала,
А мартынкина в торбочку молчала!)

Стал Егорша Маньке пенять,
Глупую вразумлять:
Мол, постыдилась бы, девка, народу -
Чай, не песьего роду!
Да Манька сраму не боится
Еще и бахвалится,
Что в кустах ей нравится!
Хочу, мол, петь да плясать,
А не с вами толстопятыми
Навоз топтать!

Тут уж Мартынка себя не сдержал:
Бантик у срамницы сорвал,
Ужимочку смял,
Всю красу ей порушил,
Начал на манькину стать
И ушел к толстопятой -
Борщок хлебать.

А Феничка, кроткое семечко,
Дитя к груди прижимает, страдает,
С сердечком не может совладать -
Как сыночка непутной отдать?

Хотела и маманька баловницу пристрожить,
Да начала та вопить,
Кулаками махать...
Пришлось маманьке вещички собрать
И к сыну уйти на постой.
А Феничку Клава увела с собой.

Там ей невеличка и поведала,
Сколько лиха отвела.

Как уж Клава винулась,
Просила прощенья
За глупое свое подозренье...
Да не судила человека Феничка -
Доброе семечко.
Простила и Маньке лукавый навет...
Потом они с Клавой держали совет -
Как с мальчонкой-то быть?
И решили до утра погодить:
Утро, мол, вечера мудреней...
Да судьбе, зная, видней!

Ночью разбудил набат...
С ведрами, баграми
Бежал стар и млад.
Вой стоял над селом!
Горел манькин дом...
Крыша уже трещала,
Когда Феничка в него вбежала.

Ищет Маньку, зовет...
А огонь ревет!
Вспыхнула рубашка невелички,
Искра запалила косичку!..
Не уберегли тебя, Феничка -
Милосердное семечко!
Сердобольная невеличка -
Два глаза да русая косичка!
Ты ж, голубонька, не знала,
Что Манька с пожарища сбежала,

Запалила сигаркой село,
Самое, словно ветром, смело!

Ох, как взвыл огонь!
Да подросла Петюнечки ладонь,
Отбросила огонь от невелички,
Сбила злую искру с косички...
Грудью встал Петюня перед зверем,
Затворил все окна и двери,
Чтобы пламя из избы не сбежало.
Опустил забрало
И в бой пошел за невеличку –
Два глаза да русую косичку!

Все село от велика до мала
Бить врага Петюне помогало.
И сломили всем миром вражину,
Утоптали в пепел зверину.

* * *

Теплится над пепелищем ночами огонек -
Будто кто лампаду зажег...
Может, Манька ночью пробирается в село?
Может, у блудницы сердце запекло?..
Помоги ей, Господи!

КАПОЧКА

Жила - была Капочка –
Такая лапочка!
Щечки – клубнички,
Веничком реснички,
Волосок к волоску,
Прямая спинка...
Не девица – картинка!
Не спесива,
Не сварлива,
Приветлива!

Все Капочку любили.
Женихи гужом ходили,
Сватов засылали,
Сердце пытали:
Мол, любишь ли?

А Капочка только улыбается:
И отказать стесняется,
И обнадежить боится...
Вот, ведь, какая девица!
А какова мастерица!

Когда время-то худое настало-
Солнце греть перестало,

В других деревнях, бывало,
Днями на небе висит,
А у них чуть запуржит,
Морозом пристрожит,
Оно на печку скок –
Коту под бок!
Холодно ему, вишь, бедолаге!
А чего лежать,
Бока мять?
Само не потеплеет!

Вот и решили мужики
Солнца тогда призанять.
Да не просто где взять!
А Капочка: узорчик у меня, мол, есть,
Сама могу солнышко сплесть.
Мне б клубок лучей пожарчей
Да крючок половчей.

Спроворили мужики ей крючок,
Намотали и лучей клубок...
Ах, какое солнышко сплела Капочка,
Рукодельная лапочка!
А замуж идти боится
Робкая девица.
Не приспело, знать, сердечко
Для венчального колечка.

Приставали женихи к ней,
Приставали...
Да приустиали.
Не унялся лишь Иван:
Купил себе кафтан,
Шелками шитый,
Мехами подбитый,
А пуговка одна - Пустобайка!
На вороту висит, тарахтит,
Хвалит почем зря кафтан,
Славит тугой карман!
С таким, мол, рази пропадешь?
Любую за себя возьмешь!

Возгордился Иван!
Выпятил карман
И опять сватать Капочку,
Несговорчивую лапочку!

Дюже хорош Иван,
Ладен и кафтан,
Да боится
Осторожная девица
С карманом не слюбиться.
Тугой, мол, карман-
Лихой, знать, обман!
Погожу, мол, пока с бабьей долюшкой!
Погуляю, мол, пока вольной волюшкой!

* * *

Пошел Иван домой –
Смурной!
Кафтан с карманом корит,
А Пустобайка - пуговка тарахтит:
Полно, мол, Иван, браниться,
Есть и получше девица!
Уж роток – так роток!
Носок – так носок!
Не девка – цветок!
И замуж выдаем – не гольем:
Семь возов придаем!
Не чета Марфутка Капочке-
Нищевродке твоей лапочке!

Приосанился Иван,
Огладил кафтан,
Распрявился,
Припетушился!..
Где ж такая краля, мол, живет?
Соловейкой пуговка поет:
Сидит, мол, краса в теремочке
С потайным замочком...

Ловко ладит Пустобайка капкан,
А разобиженный Иван
И ярмо уж готов надеть,
И Марфутку угреть,
Чтоб богатством володеть!

Ох, и глупой Иван:
Сгубит его карман!

* * *

Лишь чуть рассвело,
Иван уж наострился
В марфуткино село.
Куда Пустобайка велит,
Туда и летит
И не замечает,
Что дорога кружит, петляет.
Ему про то и невдомек!
Бежит, как телок
На веревочке,
В своей обновочке.
И думы все об Марфутке
Да ейном добре –
Чай, все злате-серебре!

Попетляла, поплутала тропа
И к ночи довела
Аж...до медвежьего угла!
Пустобайка– шась!- с иванова плеча!
Да сгоряча
Ногу повредила.
Не может встать:
Слезно просит на ручки взять!
Во, чудеса!
У пуговки какие телеса?..

А упала тетка,
В коей мяса да мослов –
Сто пудов!
Засомневался Иван:
Брать на ручки
Аль не брать
Невестину мать?

А как не взять,
Коль она блажит,
Слезу точит!..
Пожалел, на спину взвалил,
На шею подсадил...
Надрывается, тащит Пустобайку Иван -
В глазах кровяной туман!
Только не обронить бы тетку,
Урвать бы Марфутку - красотку!

Не сронил, донес до самого крыльца
Без худого словца-
Уважил невестину мать.
А та и не думает с шеи слезать:
Ухватилась за иванов кафтан,
Гладит тугой карман...
Отнеси-ка, мол, меня на палати-
Спати!
Завтра предъявлю, мол, невесту молодцу,
Завтра и сведу к венцу!

* * *

Пробудился Иван с петухами вместе
В мечтаньях об невесте.
Терпежу нет –
Как бы изловчиться,
Углядеть красу –девицу!
Натянул кафтан,
Вышел в сени Иван,
Скинул тишком затвор,
Торкнул притвор...

Перед ним...гольный двор,
Щелявы й забор...
Плешивая псина
У гнилого тына.
Где заветный теремок?
С потайкой замок?
Девица- цветок?
Где суленные воза
Злата-серебра?

А Пустобайка:
Зря, мол, супишься, милоч!
Не короток денек.
Перво дело: деревья сруби,
Хату поднови...
Аль думал, придадут тебе воза
За красивые глаза?

Опоясался потуже Иван,
Засучил рукава,
Приглядел в лесу дерева...
Только всадил в лесину топор...
Дрогнул, зароптал, зазвенел бор!..
Клонит долу голову сосна...
Словно девка красна,
За землю цепляется,
Упирается, обороняется...
И видят ивановы глаза-
Смоляная горькая катится слеза...

Устыдился Иван, бросил топор...
Поостыл, поунялся бор...
Вдруг откуда ни возьмись –
Пустобайкина псина...
Взвыла и вцепилась
В Иванову спину!..
Рвет клыками кафтан,
Отбивается Иван...
Ох, и больно кусается злобная тварь!

Стало бору Ивана жаль.
Поднял дрын
И –хрясь!- по хребтине
Шелудивой псине!
Взвизгнул и отстал пес от Ивана...
Хватился Иван...нет кармана!
В ключьях кафтан,

Выдран тугой карман.
Глядь,.. а псина
Мирно спит возле тына!!!
Ничего не понять!
Пустобайка...держится за спину:
Прострел, вишь, тетку одолел!
А над Иваном глумится, кочевряжится:
Какой, мол, с тебя прок?
Телок!
Ни руками робить,
Ни себя оборонить!
Кому ты нужен такой?!
Пшел домой!

* * *

Не горлица по милому плачет,
Не мать по сыночку убивается -
Незадачливый Иван-жених,
Не солоно хлебавши, возвращается.
Ноют болючие раны,
Плачет сердце Ивана:
Не явил силушку!
Не сосватал милушку!
В пору б утопиться!

Стылая водица неторопко бежит,
У затонья дедок сидит,
Глазом буровит:

И кто ж, мол, Иван,
Спортил тебе кафтан?
Медведко ль зацепил?
Сам ли кого прогневил?

Тихий такой дедок,
Ласковый утешный говорок.
И не заметил Иван,
Как поведал ему про кафтан,
Про болючую спину,
Про псину,
Что спала у тына...

Засмеялся дедок:
Обдурили, мол, тебя, милоч!
Аль не угадал в шелудивой лайке
Пустобайку?
Она и рвала тебе спину,
А Марфутка... лежала у тына.

Захолонуло сердце Ивана:
Не жаль кафтана,
Срам- то какой!
Лучше в омут головой!
А дедок:
Не дело, мол, надумал, сынок!
Нашел на кого гневиться!
Да те ведьмицы -
Две глупые девицы!

Манит окаянных бесовщина,
Плачет по девкам хворостина!

Вот кабы ты, милоч,
Споймать их помог!
Непосильно для моих старых ног
Шастать по лесам,
Не то б я сам
Сыскал на бесстыдниц управу.
Ишь, нашли забаву!..

* * *

И опять Иван в дороге:
Не откажешь старику, ведь, в подмоге!
Надо внучек найти-
Собьются девчонки с пути!

Снова кружит, петляет дорога...
Подмога-то подмога!
А на душе маята, тревога!..
Кем сегодня обернутся ведьмицы,
Затейницы- отроковицы?

Ишь, взяли моду-
Зверю сподобляться.

А как обороняться?
Смешной дедок!
Ты, мол, замани их в закуток

И вяжи опояской
Без опаски!

* * *

Добрался Иван до знакомой избушки
К заходу солнца.
Заглянул в оконце-
Дохлый карман в углу...
Монетка- сиротка на полу...
Да приоткрыта дверь в чулан...
Только Иван переступил порог:
В дверь между ног-
Шмыг!- зверек!
Накинул засов ...
И был таков!

Эх, Иван! Что говорил дедок?
Оглянись, мол, чуток,
Прежде чем объявляться-
Мудрено, мол, с бесовками тягаться!
Пустоголовые девицы,
А, вишь, какие озорницы!

Оглядел Иван все окошки, двери,
Все щели,
Каждый зазор...
Везде запор!
Все просчитали озорницы-
Сидеть Ивану в темнице!

Крышу б разобрать-
Так ничего не видать!
Утра надо ждать.
А за день-то Иван уморился,
К печи привалился
И задремал...

Сквозь дрему слышит-
Вроде мышь шуршит...
Пошуршала-пошуршала
И перестала...
А утром проснулся-
Умом рехнулся:
Руки-ноги липким снадобьем смазаны,
Паутиной накрепко повязаны –
Не разнять!

И вся изба в пауках:
По стенкам сидят,
За Иваном следят...
Сторожкий вроде сон у Ивана,
А не сберег Ивана от капкана!..

* * *

А помните Капочку,
Несговорчивую лапочку?
Что от Ивана-жениха отказалась?
Тут вдруг взыскалась:
Куда, мол, Иван пропал?

Сколь уж ден на народе не бывал!

Озаботился и деревенский люд!
Языки на толковище бьют:
Как купил, мол, себе кафтан,
Так и сгинул Иван!
А все, мол, Капочка,
Разборчивая больно лапочка!
Такого парня -ай-яй!- упустила!..

А ежли не любила?
Ежли укупить ее хотел Иван
За тугой карман?
Да не поступилась сердцем Капочка,
Гордая лапочка!
А Ивана – чего уж ждать!-
Пора искать!

И вспомнил кто-то,
Как шел домой
Темной порой,
А Иван, мол, у реки сидел...смурной!
Не сделал бы чего над собой

Назло Капочке,
Бессердечной лапочке!
И полно языком, мол, боронить-
Бредень пора заводить!..

Ох, как тревожно Капочке стало.
Сердце птицею затрепетало,
Стонет, болит:
Видишь, солнышко, мол, багрит,
На покой спешит!
Останови его, бей тревогу,
Зови на подмогу!

* * *

Запричитала Капочка
С высокого крылечка
Как велело сердечко:
Золотой, мол, караваюшко-каравай!
Не спеши, пожалуйста, не убегай!
За море синее, за лесок!
Посвети еще хоть чуток!
Голова моя бедовая Ивана погубила,
Добра молодца на смерть осудила.
Заманить меня хотел богатством Иван,
Завел себе карман...
А я не кошелька хотела тугого,
Я искала сердца золотого!
Добрый молодцем был Иван,
Да сгубил его проклятый карман!
Помоги мне сыскать Ивана,
Спасти от дурного кармана!

А солнце: я, мол, Капочка, не забыло –
Ты ж мне небо голубое подарила!

Услужить тебе всегда я радо,
А если надо,
Полсвета обойдем,
А Ивана твоего найдем!

Как прознали про то баловницы,
Прибежали к ивановой темнице:
Надо, мол, Ивана покрепче увязать,
Надо, мол, Ивана в чулан утолкать:
Неровен час, найдет его Капочка,
Тихоня- лапочка!
И увязали, и утолкали...
Нипочем не сыскать его Капочке,
Безутешной горькой лапочке!

* * *

Долго она с солнышком блукала,
Совушка им с солнышком помогала.
Болит у Капочки сердечная рана,
Жалеет она непутевого Ивана!
А сама дрожьмя дрожит,
Зубами стучит:
Солнце- то к ночи не яркое,
Солнце- то к ночи не жаркое,
До косточек промерзла Капочка –
Горемычная лапочка!

Надо б до утра где-ни-то переждать.
А сова:

Избенку, мол, могу указать,
Да завелись в ней бедовые девицы-
Чистые ведьмицы!
А больше некуда Капочке деться-
Лишь бы согреться!

Отыскали они в медвежьем углу
Худую избу.
Сняли засов,
Смахнули пауков,
Открыли чулан,
А там ... Иван!
Липким снадобьем смазанный,
Паутиною повязанный,
Не видит,
Не слышит,
Не дышит!..
Чистый упокойник!

Ох, как Капочка пожалела,
Что сердце Ивана не согрела,
Оттолкнула молодца,
Довела до смертного конца!
Упала на иванову грудь...
А сердце- то Ивана ...чуть-чуть !
Да толчком себя обозначает,
С жизнью Ивана венчает.
Закричала Капочка,
Стала путы рвать!

Губы целовать!
Иванушку звать!

* * *

До свету, рано- рано
Ивановы раны
Мыла березовым соком девица,
Мазала их смолою- живицей.
Ласково глядели ясные глаза,
Укоряла тихая слеза...

Научило горе и Ивана-
Ему уж не до кармана.
Ловко случилось ведьмицам
Над Иваном поглумиться!
А ведь могут заблудиться
Скаженные девицы.
Будут всю жизнь казниться!

Озаботилось солнышко-
Кого бы послать
Их искать?
Сове, мол, пора уж спать,
Капочке – лечить,

Ивану – лечиться
Да бескорыстью учиться!..
Само и отправилось легкой стопой
Звериной тропой,

Змеиным следом
На беду непоседам.

* * *

Искало оно их, искало,
До смерти устало.
Вдруг видит:
На лесной полянке
Две бабочки-белянки
Так уж резвятся,
Порхают с цветка на цветок,
Пьют сладкий сок,
Кружатся в легком танце..
Ишь, поганцы, как кривляются,
Выхваляются,
Над Иваном изгаляются!
Ох, сладкие ладушки,
Бежали б вы лучше к бабушке!

Подкралось солнышко к резвушкам,
Бросило солнечный зайчик хвастушкам...
Слепит солнечный пятак им глаза –
А увернуться нельзя!
И не ждите пощады от солнышка –
Долю выпьете свою до донышка!
Коль увяз коготок –
Всея птичке пропасть!
Не надо было красть!

Рады бы те оторваться от цветка –
Сладкого туюска,
Да пятак не дает –
Крылышки жжет,
Усики обжигает –
Так резвушки страдают!
И повело их солнышко лучом прямо к деду
На беседу!
Заждался, поди, дед
Своих непосед!

* * *

И вижу я грустную картинку:
Хворостинкой
Гладит нежные спинки
Дедок.
А в глазах у деда – ледок!
Куда, мол, подевали карман?
Кто рвал Ивану кафтан?
Кто грубил Ивану?

Привели девчонки деда к чулану,
Подняли с полу карман,
Указали, где рвали кафтан,
А монетки покидали, мол, у тына,
Где спала шелудивая псина...

Срамота!
Доигрались детишки!

Спустит им дедок
Веселые штанишки...
А вдруг...и он обманул Ивана?
Напустил туману...
А Пустобайка с Марфуткой и впрямь
Не девицы,
А дьяволицы- пиявицы?

Нет уж!..
Так мне не нравится!
Пусть будет, как задумано...
Но, ведь, всякое бывает!
И куры петухами запевают!
На большой-то каравай
Рот не больно разевай!
Вдруг и на тебя найдутся пиявицы –
Тебе понравится?
Вот так!

ЛИЛУШКА

Во чистом поле дорога лежит,
По той дороге копыто бежит.
То Тимоня к Рукодельнику скачет.
Не в гости спешит:
Ремеслу учиться,
От похвальбы лечиться.
Да еще повелел Царь-отец
Забавам положить конец.
Скоро, мол, под царский венец,
А ты все потешаешься,
Дурью похваляешься!
Лягву ль в болоте утопить,
Зайцу ль уши завязать -
Проворней тебя не сыскать!

Да не в том молодецкая статья!
Чтоб силой мужчинской бахвалиться,
Мало девкам нравиться.
Царство, вон, по шейку в назъме,
А труд, вишь, не по тебе!
Вот и послал к Царю-Рукодельнику
Своего проказника, затейника.
Тот и ремешком, мол, поучит,
И делу, глядишь, обучит:
Прорехи хотя бы на царстве латать!

Все озорник будет пользу давать!
А ежли Рукодельнику приглянется,
Может, в жены Царевна достанется?!

Вон как папаня плануует,
А сынок балует:
Кровь молодецкая играет,
На озорство толкает.
Едет Тимоня, посвистывает,
Уздой-поводком поигрывает.
Глядь, на ветке Синичка сидит,
Голоском тревожным тенькает:
Ты, мол, в лес, Тимоня, не ходи,
Да копытом-то не больно бренчи:
Девка бедовая в лесу живет,
Кровушку людскую пьет.
На беду напрочишься -
Домой уж не воротишься!
Вот туда Тимоне и надобно:
Косточки размять,
Себя показать.
Уздечку потянул,
Коня повернул,
В темный лес въехал.

Замер лес, голоса не подает -
Молодца остерегает...
А Тимоня Беду на бой вызывает:
"Выходи, Кровопивушка, поборемся!"

Беда-Кровопивушка идет,
Легким пухом плывет,
Былинкой качается,
На ветру ломается.
Вся светлым-светла!
К Тимоне подплыла,
Взглядом жжет, завлекает,
К груди припадает...
Ему бы ее оторвать,
Да рук не поднять.

Как завыл-завизжал лес:
Каркнул ворон,
Ухнул филин,
Взлаял нетопырь - мышь летучая!
А Беда кровушку Тимонину пьет,
Сама разбухает,
А молодец тает,
Телом тощает...
Напилась ведьма кровушки,
Насытилась,
К деревцу Тимоню подвела,
Деревце Тимоней оплела...

Стоит он горюет,
Спеси-то в нем поубавилось.
Не послушался Синичку, спокаялся,
Да поздно!

* * *

А Беда уж подалась к дружку-лиходею,
Злопыху-злодею,
Что к Рукодельнику повадился ходить -
Воду мутить.
Медными монетками играет,
Ровно камушки бросает:
Подбросит - поймает,
Подбросит - поймает!
А который не поймал,
Который наземь упал,
И подымать не стал:
Мне, мол, мелочь - лишь забава!
А Царица спать перестала -
Злопыху завидует!

Вдругорядь злодей серебром сорил,
Златом дразнил:
Я, мол, денег не считаю,
За честь почитаю
Друзей одарять.
Прошу, мол, и вас мелочишку взять -
Лилушке-царевне на бантики.
И кошелку с золотом Царице сует.
Та вроде не берет,
А сама до утра монеты считала,
И чуть свет к Злопыху побежала:

Аккурат в апреле рожон.
Звездогляд про храбрость его вещает,
А нянька свое пытается:
С кем, мол, водишь хлеб-соль?
Винца пьешь сколь?
Волос уважаешь льняной аль смоляной?
Что в душе таишь?
Что руками робишь?

Андрон и скажи: мол, умею пахать
И коня подковать.
Как Царица его подхватила,
К Царю потащила,
А Няньке: "Умел бы ковать -
На остальное начхать!"
К Андрону Царица с пониманием:
Не обращай, мол, на Бабку внимания.
Нянькино слово мало что значит,
Рукодельник тебе цену назначит.
И в кузню свела.

Парамон и стучать не стал-
Под дверями сроду не стоял.
"Выдаете Лилушку? Беру!"
Книжку Звездогляд открыл,
Ручки трубочкой сложил,
Звезду высмотрел:
Претендент, мол, деловит,
Мозговит,

Не пустозвон, но сварлив,
Не лукав, но спесив.
Фарт рядом ходит -
Он и чванится.

Зато Нил всех обворожил:
Внешне вальяжен,
Душой отважен,
И речист,
И помыслом чист.
Вот это жених!

Как про то Ульян услышал,
Вознегодовал!
И не больно он стремится
На Царевне-то жениться.
В его царстве-государстве
Мужики стучат молотками,
А царски детки - каблуками.
И жена должна павой ходить,

Гордо голову носить,
А ей все завидовать -
Какая, мол, царица - красавица!
А ваша Царевна и росточком мала,
И бедрышком тоща!
Невидная! Не завидная!
Никудышная!

Лилушка - в слезы! Нянька - в крик!
А Звездогляд взял голик,
Зад царев отстегал
Да женихов со двора прогнал!

* * *

А монетное дело процветает:
Царь спины не разгибает -
Счастье Лилушке кует.
Выпито все, съедено,
Зубы на полке лежат,
А сусеки-закрома от монет трещат.
И конца деньгам не видать.
Короба под них нужны,
А где взять?

Царица на Няньку злится:
"Женихов-работеев отвадили -
Все дело разладили!
Сами корзинки и плетите:
Нянька - доньшки,
Звездогляд - боковинки.
А Царевну в лес! в лес!
Прут резать, лыко драть,
Пока свет видать!"

* * *

А царевна Лилушка -
Чистая лебедушка!
Глазок-василек,
Нежный голосок,
На носу веснушечки,
Щечки - две подушечки,
Льняная коса,
В талии – оса.
Зря люди бают,
Что краше девицы бывают!
На такую-то красавицу
Любой позарится!
Вышла на крылечко в лапотках,
С котомкой на плечах,
К Гнилому болоту побрела.

Ох, как страшно бедняжке одной
Поздней-то порой!
Уж и солнце притомилось,
К земле прислонилось.
У Лилушки коленки подгибаются,
Ножки спотыкаются...
И не заметила, как тропку потеряла,
В ворохе лесном заплутала.
Вдруг слышит - стон слева!
Сердце бедой заболело!
А стон все ясней, все явственней!

Видит, конь в трясине бьется,
Гнус тучей вьется,
В ноздрю горемыку жалит,
Повод шею давит.
Ухватилась Лилушка за ремешок,
Намотала ремешок на кулачок,
Тянет коня из трясины,
Рвется на твердь животина:
Ноги на землю выбирают,
А хвост упирается...
Словно тянет коня в болото кто-то.

Конь изнеможил, хрипит,
А на хвосте Кикимора висит -
Визжит, извивается,
Конь из сил выбивается...
Гнилым-то болотце
Не зря, знать, зовется!

Страшно стало Лилушке - дело-то к ночи!
Рванула повод что есть мочи,
Уцепился и конь копытом за траву,
А Синичка кричит: "Погоди, помогу!"
На Кикимору напала,

Клюет во что попало!
Норовит побольней - прямо в нос!
Бросила Кикимора конский хвост,
В топь занырнула...
А Лилушка уздечку натянула...

И выбрался конь из трясины!
Сам дрожит, а косит на осину.
Ох! Осина-то молодцем обвита,
Будто от мороза им укрыта.
На лице у молодца одни глаза,
А в глазах у молодца одна тоска -
Который день во рту ни росинки!
Выплела Лилушка Тимоню из осинки,
Поперек седла уложила,
Домой поворотила.

А Синичка ей: "Постой, мол, послушай!
Молодец не просто недужный.
Навела на него порчу Беда -
Кровушки досыта отпила.
Сама небось знаешь, она вопьется -
Не клещ присосется:
Ногтем не сколупнешь
И маслом не возьмешь!

А в омуте речном Щука живет,
Слово стережет.
Слово то чары снимает.

Да Щука никого не подпускает:
Хребты ломает страшилица –
Речная крокодилица!
А ежли ее поймать
Да слово взять,
Вернутся силы к молодцу.
Однава поможешь и отцу:
Вовсе ведь заездили Царя
Злопых да Беда.”
И раздумывать Лилушка не стала:
Тимоню к седлу подвязала,
Подпругу коню подтянула,
К реке повернула.
А путь к ней рисковый,
Препятственный!
Бугры, буераки...
Да злые собаки!
Солнце уж село, стемнело.
Конь и тот озирается,
О кочки спотыкается.

* * *

Царевна на тропинке слезы льет,
Нянька у иконы поклоны бьет,
Приговаривает:
“За что ж ты, Господь, наказал –
Кроткой дитятке в мачехи дал
Козу бодучую,

Змею гремучую?
Ох, и горькая у детыньки судьбинушка!
Спаси и сохрани сиротинушку!
Не девичье то дело по болотам ходить,
Топь месить!”

Хоть и била Нянька тревогу,
Осилила лебедушка дорогу.
Лишь зорька в полнеба полыхнула,
Птица с ветки вспорхнула –
Дохнула туманом река.
Счас бы Лилушке Щуку и искать,
Да захотелось спать,
Вовсе нет мочи
После тяжкой ночи.
Борется со сном, мается,
Да глазки сами закрываются.
И задремала...
А Кикимора того и поджидала.
Подкралась сзади к Лилушке
И... столкнула с бережка сиротинушку.
Ох!!!

Да Нянькина молитва
Дошла, знать, до Бога!
Кинулся к Лилушке Влас на подмогу!
Он на речке рыбу ловил,
Сеть заводил.
Принял на руки лебедушку-пушинку,

Спас от лютой смерти сиротинку.
Не поспей ко времени Влас,
Не видать бы ему васильковых глаз.
А как увидал,
И дышать перестал:
Экая милушка царевна Лилушка!
Какую любушку спас!

И Лилушка румянцем занялась,
Словно зоренька ясная,
Светлая, прекрасная!
Сердце-то, чай, не льдинушка -
Вон какой детинушка!
Смущает Лилушку Влас,
Тревожит ласковый глаз!

А Кикиморе злоба помутила разум -
Погубить замыслила обоих разом!
Мелкой прикинулась блошкой -
Мол, шалю понемножку!
И лебедушку нечаянно столкнула,
И в болоте чуть сама не утонула.

Ведь поверил коварной Влас.
Да кровью налился конский глаз.
На дыбы конь встал,
Злую тварь стоптал!
Сгнула надсада -
Так ей и надо!

А Царевна от испуга лишь оправилась,
У Власа справилась:
"Не видал ли где Щуку- убивицу,
Речную крокодилицу?"
"Как не видал,
Коль за жабры брал?
Да не сдержал!
Ох, и силища у страшилища!
Вон в омуте лежит,
Бельмами страшит!"

В омут Лилушка глянула,
Аж отпрянула!
То, что в нем обретае,
Страшнее не бывает!
В длину не обмерить,
В толщину не обхватить.
А в пасти зубов -
Сто рядов!
Что колья понатыкано!
Ну и рылище
У страшилища!
В тине затаилась,
В Слово вцепилась.
Да разве такую поймать?
С погляда дрожь не унять!

Опечалилась Лилушка,
Встревожился Влас:
С чего погрустнел васильковый глаз?
Уронила Лилушка горькую слезу
И поведала Власу про мертвую уду,
Что накинута на батюшку
Злопых да Беда,
Что душа Царя коростой золотой поросла,
Что забыл он дочку Лилушку,
Малую свою кровинушку.
Все горше плачет, рыдает,
Силы остатние теряет...

И так ее Власу жалко стало,
А с жалостью в сердце любовь вбежала,
Сердце болью смяла.
Кинулся он было бежать,
Царя выручать,
А Лилушка ему: подожди, мол, дослушай,
Молодец в седле у меня недужный,
Порчу навела и на него Беда:
Обескровила, силы отняла...
А в Щуке Слово живет,
Что волшебным слывет.
Чары то Слово снимает,
Силы недужным возвращает."

Выплакала Лилушка слезу,
Осушила глаза-бирюзу,

Васильковые очи,
А встать нет уж мочи!
Отнес ее Влас на бережок,
Постелил на землю кожушок,
Рукавом Лилушку прикрыл.
Сон девицу сморил...
Спит васильковый глаз...
Горько стенает Влас...

Ох, Лилушка-Лилушка!
Белая Лебедушка!
О недужном сказала –
Нож в сердце воткнула!
Вспять судьбу повернула:
Была и нету любушки!
Посулилось лишь молодцу счастье:
Пришла любовь в одночасье,
Радость в сердце вдохнула,
А любушка взяла и упорхнула!

* * *

Да взялся за гуж -
Не говори, что не дюж!
А уж Щука зубы наточила,
Глаз наострила –
Спробуй, тронь!
Да не знала она про огонь,
Что сердце молодца жег!

Да он бы сейчас смог
И речку повернуть вспять,
Кабы опять
Сердце счастьем объять.
Лишь бы на него глядела Лилушка –
Милушка!

И прыгнул в омут Влас...
Дрогнул Щучий глаз.
Да за морду ее Влас ухватил,
Крокодильи челюсти раскрыл,
На затылок ей их и вывернул!
Заверещала Щука,
Запричитала:

“Водяной, мол, меня в омут утащил,
Зубы наточил,
“Слово стеречь приставил...”
Слезам уливается,
Кается!
И стала оплывать с нее тина...
Экая диковина!
Смотрит Влас, изумляется –
Щука в девицу превращается!

Носик пуговкой,
Глазки-вишенки...
Из воды идет, стесняется,
Платом прикрывается:

Хоть не сама зло творила,
А в пособницах у зла ходила!
Прощенья просит,
Клянется, божится,
Обещает пригодиться.
Характер прячет,
А что нравная – видать!
И Слово не торопится отдать.

Уж какая Лилушке-то радость!
А печальный Влас
Не подымает на лебедушку глаз.
Со Щукой-девицей простился...
Лилушке низко поклонился,
Кожушок надевает,
Да Лилушка его не отпускает!
Крепко держит за рукав кожушок,
Умоляет нежный голосок...
И оттаял душою Влас:
Понял сердцем – любушку спас!
Свою любушку!
Свою голубушку!

А Щука над Тимоней болезным склонилась,
Испугалась, зажурилась!
В рот Словечко положила,
Язычком Словечко придавила
Да в ухо Тимоне крикнула:
“Ку-ку! Ку-ку! Ра-ре-ку!”

Гляньте-ка! Тимоня оживает!
Слово силы ему возвращает...
А Щука-девица смущенная,
Делом рук своих удивленная,
Румянцем опаленная -
Густые ресницы, глаза-зарницы -
Чарует Тимоню, прельщает!
Оживает Тимоня!
Оживает!..

* * *

А Злопых-то с Бедой чего натворили!
Все царство заморили!
Который день народ хлеба не едал,
Щей не хлебал!
Работеев голод в кузне свалил,
Белый свет на потемки сменил!
Щука-девица к ним пробежала,
Словом "кукареку" прошептала.
А они ее и не слышат -
Еле-еле родимые дышат!

Головку тогда Щука запрокинула,
Слово язычком передвинула
Да как свистнет!..
Стены дрогнули...
Стекла звонкнули..

Распахнулась неба ширь...
И такая тишина сошла на царство -
Чистая... хрустальная!
Замерли все, тишиной дивуются,
Тишиной любятоя!
И мы помолчим...
Хорошо-то как!..
Ни звука, ни шороха...

Ан, нет! Мышь бежит,
Кульком шуршит!
Другая пробежала -
Двумя прошуршала.
Третья шествует неспешно.
Вся кульками обвешана.
Уж не золотишко ль потащили мышки?

А злодеи куда-то сгнули.
Может, царство втихомолку покинули?
Царицу и ту не видать.
Только мыши стали под полом шуршать.
И не понять -
Откуда взялись мышки?
Да Царь кошку заведет,
Та хвостатых подберет,
Чтоб не больно шуршали,
Беду не накликали!

* * *

А свадебка была,
Медок я пила!
Щука-девица с Тимоней венчались.
В согласи жить обещались!
Царю-батюшке невестка нравится,
И Тимоня женою бахвалится.
А что характер у ней крутой,
На расправу борзой - славно!
Другой бы с Тимоней не сладиться!

Пустой он человек!
Блажить - не робить!
Слова ж мудрого в сказе не молвил,
Спины не горбил,
Не любил,
Лишь сердце Власу ознобил!

А Влас в Лилушке души не чаает.
И она его привечает.
Хоть много молодцев взошло в мой стих,
Но Влас среди них -
Не шутейный жених!
Лучшего и не сыскать -
Нечего и время терять!
Да не пришел еще их свадебный час.
А как придет -
Я о нем вам тотчас и поведаю!

МАРЬЯНКА

Давно это было.
Уж призабыла,
На котором году,
В каком городе
Жил-был князь Роман со княгинюшкой,
Ласковой своей Евпраксинюшкой.

Славно князюшки жили:
Ладу-детку растили -
На крыло подымали,
Горя не знали.

Да враз мирный день скончился...
Как уехал князь
По княжеским своим делам,
Черной тучей пал на княжество
Басурман!
Ухватил князеву дочь
И унес в полон
За каменну гряду,
За бурную реку,
За море-окиян
В Басурманский Чужестран.

Кинулась дружина Басурмана догонять,
Да лодьи пока на воду спустила,
Мечи наточила –
След злодеев простыл...
Ищи ветра в поле!

Возвернулся князь к пустому гнезду,
Загоревал...
И клятву дал -
С-под земли Басурмана достать,
Казни лютой предать,
Из полона кровинушку вызволить!

Взял коня, что узду рвал,
Ястребом летал,
И поскакал
За каменну гряду,
За бурную реку,
За море-окиян
В окаянный Чужестран.

* * *

А Чужестран – богатейка земля!
Фрукт в ней зреет,
Овощ спеет,
И роз своих в царстве хватало,
А Басурману все мало –
Ему заморских подавай!
Самолично по миру летал,

Малолеток крал.
У него их, что зерен на току,
Да, бывало,
И покрывала у девоньки с лица не снять,
Не то чтобы в жены взять!

Раз такая объявилась:
И руки ей ломали,
И плетью стегали,
А она все одно лица не отворила,
Чести девичьей не обронила.
Не сумел Басурман ее одолеть
И запер в клеть:
Не поумнеешь,
С голодухи, мол, околеешь!

Тоненький такой стебелечек,
Пригожий цветочек,
Соловьиное горлышко.
Марьянкой звали.
Все песни горькие пела,
Кручинилась,
По дому, видать, скучала...

Да Басурману песней докучала.
Повелел ослушницу извести:
В лес дремучий свести -
Чтоб нипочем Марьянке
Оттуда не сбежать!

Да как знать?!
Лес-то, чай, не злодей!
Дай ему, Бог, здоровья!
Обласкал, приютил,
Веточкой прикрыл –
Спи, горемычная!

* * *

А князь Роман
Полпути уж отскакал,
Да конь вдруг встал:
Храпит, копытом бьет,
В море-окиян нейдет –
Солоно оно, непривычно!
Долго искали броду...
Наконец взошли в воду...

А море светлое,
Скрозь видать,
Как рыба играет,
Малька гоняет –
Кто проворней,
Тот и сыт!
А ежли заштормит –
Вода угомону не знает:
Волну вздымает, дичает,
Под себя подминает...
Уж скольких погубил окиян!..

Да не больно чего князь Роман
Разглядеть-то успел!
Водокрут вдруг налетел, завертел!
Натешился...
Коня к берегу прибил,
Князя в море опустил
На самое донышко...
Вот и пришла его смертынька!

А детынька?
Кто ее спасет из полона?
Кто повоюет дракона
Да вражью рать?
Рано, князь, помирать!
Развернись плечом,
Ударь мечом!

И ударил Романов меч!
Как почал Водокрута сечь...
На брызги-кудеряшки -
Белые барашки
Распался, разбежался Водокрут,
А нравом крут –
Чудище морское на князя напустил...

И Чудище князь победил -
Зверя об осьми ногах,
Морда башмаком, от шеи щупалы!
По-морскому верезжит,

Откуп сулит!
Отпусти, мол, камень дам,
Что в деле помогает,
От зла оберегает...

Кто ж от берега откажется?
Пошли они камень тот брать...
Щупала осьминог перебирает,
Только версты отмеряет.
Князь по морю идет,
Словно по небу плывет, -
Всяко тело в море легкое,
Всплывчатое.

Долго меряли они окиян,
В беспокойство впал князь Роман,
Заподозрил обман:
Ты куда, мол, осьминогий, ведешь?
Козни сызнава плетешь?

Испугался зверь,
Стал к берегу чалиться.
А скалы острые уцепиться не дают,
Тело нежное рвут.
Вынул из укромки камень-бирюзу
И... пустил слезу...
Жалко бирюзинку отдавать!

Да не стал князь дожидать -

Силой камень взял,
Со скалы зверя снял,
В море пустил,
Сам на берег ступил.

А и верно, знатный камешок!
И дорогу-путь освещает,
И скалу лучом пробивает -
В ратном деле сгодится!

Самое бы время поводья натянуть
Да в путь!
Где князев конь-огонь?
А в ладонь кто-то - торк! -
Мокрой губой с мольбой:
Я, мол, трижды море обежал, звал...
Тебя боялся потерять!

* * *

И опять...
Вдоль моря, между скал
Конь скакал...
Князь уздой управляет,
Бирюза лучом дорогу спрямляет:
Не помеха - ни бугор, ни яма !
Все прямо... прямо...

Вдруг... скривился,
Свернул луч в лес...

Дерева до небес!
Цепкий зверь меж деревьев летает,
Мухи, ровно псы, кусают.
Птица не по-нашему кричит...

Узкой тропой,
Коей ходит зверь на водопой,
Повел их камешок...
Да споткнулся ненароком князь о
бугорок.

И... застлала князю глаза слеза...
Девонька под кустом лежит!
Лес молчит –
Дите оберегает!
Птица не летает,
Эхо не кричит,
Ручей не журчит...
Девонька спит!..

Поборол князь Роман окиян,
Чудище морское усмирил –
Слезы не уронил!..
А Марьянку слушать – нету сил!..

* * *

Жила она с дедом-бабкой
Не больно сладко.
Деревенька глухая,

Изба худая,
Хлеб да квас –
Весь припас!
Старикам помогала,
Сколько сил хватало.

Да повадился к ним Ерофей –
Заморский змей.
Что ни день ко двору прилетает,
Курей пугает.

Дед на него с кулаком,
Бабка с батоном,
А змей лбом в дверь бухтит,
Двор слезою кропит:
В жены, мол, Марьянку хоч-у-у!
Озолочу-у!

А невесте той пятнадцати лет нет.
И не лежит у ней душа к Ерофею –
Не верит девонька змею,
Нет-нет да примечает:
Бабку Ерофей величает,
А в глаза ей не глянул ни разу!
Притворщика видать сразу!
Зато снедь несет,
Что сроду старики не едали...

Против воли Марьянку обвенчали.

Ерофей стариков ублажил!
И Бог разума лишил!..
Умоляла девонька – не доводить до беды!
Не послушали ее деды:
Глянь, мол, не скупой,
Не гулевой -
Вон как к дому припадает,
Лучше мужика не бывает!
А с рожки – не воду пить,
Крепче будет любить.
И ты, мол, не чинись –
И не любишь, да притворись!

А Марьянка не притворилась,
Змею не покорила,
Не стала притворщику женой...
У стариков-то Ерофей тряс мощной,
Сладко пел,
Глазом девоньку ел,
А как женился,
Ноги велел его мыть
Да воду пить...
В страшном сне не привидится,
Что вытворял...

И никто Марьянку не крал,
Ерофей ее сам сдал в полон...
Басурман-то себе жен-малолеток
На базаре подкупал.

Ерофей ему Марьянку и продал,
А чтоб золота побольше взять,
Конопушки приказал с лица снять,
На нитку нанизать,
Рдяную монистку на шею повязать...

Покупал Басурман невест себе впрок,
А выйдет срок –
Девонька поспеет,
Лиходей ее одолеет,
Сделает женою Басурман...

Сединою взялся князь Роман:
Пусть попробует лапы к дочушке протянуть,
Не успеет матушку помянуть!
Подхватил Марьянку князь в седло
И помчал во весь опор!
Берегись, вор!..

И девонька припомнила дорогу,
И камень-бирюза в подмогу,
И конь копыт не жалел, рвал узду...
Скоро прискакали к Басурманову гнезду.
Опоясал ров
Басурманов кров.
За рвом – забор,
За забором – дозор частоколом торчит,
Бдит!

Только ров перескочить князь схотел,
Меч булатный за спиной прозвенел:
То дружина в теремах не усидела,
На подмогу подоспела.
И встала с князем плечо к плечу,
Меч к мечу.

Да сердце Романа замертвело,
Ярость рукой завладела –
Хочет один воевать
Басурманову рать!

А Марьянка:
Негоже, мол, князь, сгоряча
Рубить с плеча.
Ставь заслон –
Буду я выводить полон!
Можешь, мол, довериться –
Силой с Басурманом мне не меряться,
А знаю, как сберечь полон.
Бирюзинку дай и ставь заслон!

* * *

Знала Марьянка про тайный лаз,
Что полонянку от неволи спас.
Заточил Басурман в подземелье-темницу
Упрямую одну девицу –
Чтоб другим в поученье
Со страху околела,

А девонька все страхи одолела,
И вышла лазом к окияну-морю...
На волю...

Долго стража ее искала,
Да не нашла –
Лазом-бурьяном девонька ушла.
Еще злее стала боевая рать
Полон усмирять.

* * *

Чуть завечерело,
Землю темнотой одело,
Подкралась Марьянка к лазу.
Приметливому глазу
И то его не сразу видать...
А каково ей было в подземелье влезать –
Не передать!

Такого страху малая натерпелась –
Вся обревелась!..
Но добралась до темницы,
А там... весь полон... непокорные девицы...

Тихо отворяла Марьянка клетки,
Тихо уходили дети
На волю...

* * *

А на воле... по чистому полю
Мечется князь Роман...
Рвется в бой дружина:
Пора, мол, воевать вражину.
Чего ждем?
Срам! Дите сражается,
А мужик прохлаждается!
Тут и показались из лаза дети...
Не сломили их плети,
Только личики посерели,
Глаза посуровели в неволе
От горькой доли...

Прижал князь
К груди кровинушку!
То-то будет радость княгинюшке!
Подставили и кони спины –
Подняла детей в седло дружина...
И про все забыл на радостях князь Роман –
Про вражий стан,
Что клялся Басурмана
С-под земли достать,
Лютой казни предать.
По домам бы деток развезти...
Счастливого, князюшка, пути!

И ускакала дружина:
С ворогом не билась...
Марьянки не хватилась...

* * *

Мужику тяжело сохой пахать,
Птице в поднебесье на крыле летать,
А девице одной каково воевать?

Обступили стражнички тонкий стебелек,
Пригожий цветок хотят сорвать,
Лепесточки смять...

Щерится кривой Басурманов рот, -
И некому дать окорот!..

Да ударила вдруг лучом бирюза...
И не поверили Марьянкины глаза -
Только что наседала подлая рать,
И не стало вдруг рати видать...
Съежилась, скукожилась...
Ни плетей, ни дубинки...

Пучеглазые сопливые спинки
Заполонили весь Чужестран!
А самая жирная небось Басурман!
Ква-ква! И в болото!..
Чай, жить охота!
А что смешно -
Уж не страшно!

* * *

И пошла Марьянушка домой
Неторной тропой.
На коне бы пошибчей -
Не повезло ей!
Для князя Романа, что было, -
Водюю, знать, смыло.
Спасибо камешку -
Верному дружку:
Не бросил Марьянку, уберег!
А князю - Бог судья!

* * *

А зря... зря я князя осудила:
Не зачерствела душа, не застыла.
Опомнился князь в лесу,
Повернул коня вспясть,
Кинулся Марьянку искать.
И не думалось ему, не мнилось,
Что дите с вражьей силой схватилось.

Уж казнил себя князь потом -
Осыпал Марьянку добром,
Шелками дорогу к ней стелил,
Двор яхонтом мостил,
А девица не подошла к крыльцу -
Мне и конопушки, мол, к лицу!

Лишь когда над избою туча прогремела,
И дружина с князем тучу одолела,

В клочья ворога рвала,
Волоску упасть с головки не дала, -
Обиды Марьянка позабыла,
Всем сердечком князюшку простила.

* * *

Ездили недавно соседи в Чужестран,
Глядели на бурьян.
Ров, мол, засыпало землей,
Заплело травой.
Жабы орут в болоте...
Вот вам и Чужестран –
Один обман!

Лиходействию завсегда приходит конец!
Найдется на злодея молодец!
А нет, и ... девица
Сгодится!

ДУНЯША

Нынче у Дуняшеньки первая вечерочка.
Славная, пригожая подросла девчоночка.
Ей уже пятнадцать лет.

Щёчки у лебёдушки ровно маков цвет.
Не целованы губки,
не мяты юбки,
бережёна лапушка
родимой матушкой –
идно завидки подруженек берут.

Прялки на вечерке куделю прядут,
пряхи останова языкам не дают:
и к оса, мол, у Дуньки наших не длинней,
и лента, мол, у Дуньки наших не алей,
ипбахвалиться, мол, нечем ей –
Парни-то не больно льнут.

А те уж тут как тут:
сластей напринесли да бражки с полведра.
Гуляй, вечерочка, до утра,
до самых петухов!

Расхватили девоньки своих женихов,
чтоб на Дуньку не глянул который из парней.
Горько Дуне –
не по правде говорят подруженьки о ней.
За что корят красотой

Сладко пел ей молодчик разудаленький,
со головки бел-кудрявенький, соловьём.

И ушли они с вечерки вдвоём.

Прозевала матушка дочку,
споткнулась Дуня о тёмную ночку,
обвилась вокруг тычинушки,
погубил Дуняшу хмель-хмелинушка.

Той же ночью девонька и понесла.
Завязь к лету буйно проросла.

А Елоха её уже не привечал,
с другою разудаленький рассвет встречал –
наскучил, вишь, ему незатейливый цвет, –
растоптал Дуняшу и стыдобушки нет.

В праздничный Ярилин день –
гулянка на селе с утра и до утра.

Чуть скотина со двора,
и уж к чарочке приник
охочий до неё мужик.

Баба затеяла каравай.
Девкам хоровод подавай.

Ох, как ждёт Дуняша праздничного дня,
жмёт сердечко горя лютого клешня:
подойдёт ли разлюбезный дружок?

Да забыл голубку голубок.
А цветень-то Елохов не по дням в ней растёт.

Пытает девоньку лукавый народ:
уж не пузо ль растишь, мол, девчоночка?
Что-то, мол, узка тебе юбчонка!
И ощупывать баба-озорница стала...
Как толпа захохотала!
Громче всех смеялся разудаленький,
голубочек бел-кудрявенький.

Увял на щёчках Дуни алый цвет,
померк в глазах у Дуни белый свет...
И прокляла Дуняша чрево нежеланное своё
и владельца бесстыжих глаз.

Лес не спал в тот купальский час:
живое тельце с кулак
нашёл под елью старый лешак.
Оно ещё дышало...
Яростно лизало его зверьё,
грело собой горемычное голье –
сырого мяса кусок.
И ... пискнул слабый голосок.
Поутру нашли чуть живую мать...

И принялось село языками чесать:
на Купалу родила! Чай, с нечистиком спозналась!
Дунюшка покорно соглашалась:
да, попутал, мол, бесюка хромой!

Стали бабы Дуню обходить стороной,
да и мужики не обивали её порога:
вела себя Дуняша строго,
хоть и растила пригульную дочку.
Не забыла девонька ту ночьку
да подколодного змея –
любезника – блудодя.

Минуло с тех пор немало лет.
Облетел с Дуняши маков цвет,
корча часом её ломала.
На глазах Дуняша угасала,
таял робкий огонёчек...

И опять по селу слушок:
Елоха возле Дуни вьётся!
Чего, мол, мужику неймётся?
Да, говорят, спокаялся, за шальную ночьку,
признал и дочку.

Сколь, мол, дней молчал, -
а нонче замычал!
Дак жена, мол, выперла за дверь.
Блудливый зверь!
Всю жизнь, мол, возле девок трётся!
Ой, дождётся! Ой, дождётся!
А Дунька и на порог, мол, не пустила,
так и надо кобелиному рылу!

Не бывало в Залесье лета
такого жаркого цвета.
Раскалился до бела июльский день,
скукожилась от зноя тень,
Ночи осталось с воробьиный носок -
на один глазок.
На самую жару, на сухмень
и пришёлся в тот год Ярилин день.

На селе суматоха:
дядьку Елоху девки бражкой поят с утра:
жара – не жара.

А Ярилою быть его черёд.
Ему народ доверил нынче потрудиться.
Пусть выбирает себе девицу,
не то – ложись да помирай!
Сгибнет в поле, мол, урожай!

Запалила окаянная жара землицу.
Пора Яриле разъяриться –
его, мол, ремесло хлеб растить,
а село сумеет бога ублажить.
Не оплошал бы лишь Елоха удалой
этой ноченькой хмельной!

Издревле чтит Русь Сварожича Ярилу.
Его она молила растить хлеба,
и колос подымала её мольба,

щедрый урожай.
Славил русич за каравай
бога тороватого.

Выбирали мужика неженатого,
и на белом коне,
в белой епанче
Ездил по полям он, ровно сам Ярило.
Голову мужику кружило:
Как же! В колос поднимает ржицу!
И ... валил мужик на ржицу девицу,
чтоб ярилось всё кругом...

В тот день верхом
Гарцевал Елоха.
неплохо он смотрелся на белом-то коне,
в белой епанче.
Да подносили бедовому чашку за чашкой,
и одолела любоддея бражка:
стал без разбору юбки задирать, -
играть, мол, так играть, -
моя, мол, ночка!

Страдала Дуня, дочка
прятала глаза...
И допустили святотатство небеса:
кровинушку свою Елоха повалил
и ... «сел в седло».

Ахнуло село:
пакости такой от Елохи не ждала.
Миром поганого вязали,
ломали кости.
Прощальной горсти
никто не бросил в его могилу.
Лишь шавка верная скулила
день и ночь.

Выхаживала долго Дуня дочь.
Да погубил дитё сором,
повредилась детынька умом –
всё просилась горемычная в лес.

Не докричалась, видно, Дуня до небес,
не пришёл ей бог на подмогу.
И перестала верить Дуня богу.
Тогда и позвал её Лешак к себе.
В тёплой лесной избе
постелил им мягкую постельюшку на двоих,
принял как родных.
Полюбил за кротость и лесной народ.
И Дуня с дочкою в свой черёд
лесу, чем могли, помогали.
А на селе их и не больно искали:
не зря, мол, Дуньку повязал собой Купала, -
дочка уж не раз пропадала.
Погуляют, охолонутся
да и вернуться.

Вроде б не всерьёз,
а ведьмачкой Дуню за глаза называли.
Лишь когда следы их в лесу пропали,
спохватились:
Мол, поболее надо бы об Дуньке печься:
как бы, мол, на ведьме не обжечься!

Отогрелась душою в лесу Дуняша,
да не всю, знать, испила свою чашу.
Когда село в грозу сгорело дотла,
да ураган разметал стога,
в беде завинили Дуню.
Взвыли бабы: «Убить колдунью!»
Кольём бы Дуняшу и забили.
Да во время злых остановили:
лешак глаза им от избушки отвёл
да тропы лесные переплёл, -
заплутали бабы средь трёх сосён.

Долго мужики искали жён,
слезою изошли.
И когда Дуняша с дочкой баб нашли, -
всем было совестно, укорно в глаза им глядеть.

Не пора ль нам всем подобреть.

ЛАЗОРЕНЬКА

Ю.П.Кузнецову

На пяти холмах,
На семи ветрах,
По-над речкой-бормотушкой
Медом пьяным,
Яблоком румяным
Разговляется село.
Ломит стол снедь-припас...
Нынче Яблочный спас!

«Молода я молодешенькая,
Хороша я хорошенькая», -
Голоском девчоночка звенит.
«Хороша ты хорошенькая,
Пока молодешенькая», -
Эхо старое в холмах ворчит,
Девоньку пугает...

А другая небеса заклиняет:
«Одари меня Ева,
Первородная дева,
При красоте быти
Ла-душ-кой слыти!..»

Хоровод «веревочку» затейно плетет,
Ситец...рытым бархатом по траве плывет.

Эх,ма! Гуляй, кума!

Побежала б и Лазоренька со двора,
Да сарафан девичий – на дыре дыра!
Сиротой осталась девонька с малых лет,
Забурьянел матушки родимой след.

«Молода я молодешенькая,
Хороша я хорошенькая», -
Печальная девчоночка поет.
«Молода ты молодешенькая,
Хороша ты хорошенькая», -
Эхо сироту бережет.

В хоровод Лазоренька пошла,
Уж когда стемнело,
Да яблочко соседское,
Что над плетнем висело,
Погладила несмело –
Щедрую земную красоту...

«Ату ее! Ату! –
Кричал сосед во хмелю.-
Ату ее! Ату!»

На пяти холмах,
На семи ветрах,
По-над речкой-бормотушкой

С той поры рыдал...смеялся...
Одинокий голосок,
Да не в лад стучал девичий каблучок:
«Молода я молодешенькая,
Хороша я хорошенькая»...

Зашептали, завздохали на селе:
Лазоренька, мол, вроде б не в себе!
Собак сосед натравливал, конечно, зря!
Да страсть, мол, нынче развелось ворья!

Но однажды голосок умолк,
Замыла речка девичьи следы –
Не упредили люди, знать, беды.

А горе мыкать со скорбной головой –
Тоже радости, мол, никакой. -
Утешило себя село. -
Бог дал!
Бог прибрал!
Что ни делается – к лучшему!

Потолклись недолго у сиротских ворот –
Да дел своих невпроворот...

Средь лугов зеленых,
Болот топяных, зыбучих
Да лесов дремучих

Речка–бормотушка торопится-спешит,
А в ладонях Реченьки Лазоренька лежит.
Речка девоньку в себя не приняла,
Речка девоньку в ладонях понесла
К Морю-Окияну,
К острову Буяну,
К камню бел-горючему Алатырю!

А свет в глазах Лазореньки стал мутнеть,
Да не даст ей Реченька помереть!
В заводь забежит передохнуть –
И снова в путь
К Морю-Окияну,
К острову Буяну,
К камню бел-горючему Алатырю!
Там Заря-Зарница,
Красная девица,
Фату алую вышивает
Да ключом с живой водой управляет.
Ей несет Река Лазореньку,
Умоляет Речка Зарю-Зореньку:

«Зорюшка-Зарница,
Швея-мастерица!
Шьешь румяную фату поутру
Ты золотой иглой,
Вышиваешь ввечеру – серебряной!
Нить шелковую в булатную вдеваешь –
Раны смертные проворною сшиваешь!

А у Лазореньки очи замутились,
Уста сахарны девичьи затворились –
От мужика от винника,
От людского бессердия!
Боль шелками девоньке стяни во груди,
Омочи рубец живой водой,
Чтобы кровь забила в жилочках ключом,
Чтоб сердечко возгорелось пламенем-огнем.
А тоску тоскучую
Да сухоту плакучую
В море утопи!»!

Тихо море дотоль лежало,
Лишь вода мелкой рябью дрожала,
А тут...взбесилось вдруг!
Вырвало Лазореньку из слабых рук,
Встало до небу злой Волной,
Смяло Речку, напоило непитью морской!
Не нужна ему тоска тоскучая!
Не нужна сухота плакучая!
И...швырнуло девоньку за сини небеса!

Да на счастье занялась вполнеба Зорюшка-краса,
Подхватила Лазореньку алой фатой,
Понесла над Волной,
Над Морем-Окияном,
К острову Буяну,
К камню бел-горючему Алатырю!
А на Алатыре-горе, на горюне

Птицы райские поют,
Реки медом текут,
И ключи водой живую бьют!

Долго иглою Заря колдовала,
Долго рану на сердечке зашивала,
Кропила мертвою росой,
Омывала студяной живой водой.
И...ожила Лазоренька
На радость Заре-Зореньке!

Да недолго девонька цвела.
Подкралась злая Волна кипучая,
Слизнула горемыку с камня бел-горючего
И спрятала в пучине морской...

Возвернулась к ночи Зоренька домой,
Разгневалась!
Напустила Ураган на Окиян
С громом гремучим,
Молоньей палючей,
Градом воровку грозит побить,
Море иссушить!

Отбивался до утра Окиян,
Наступала гневная Зарница...
Да Волна-царица

Цепко девоньку в руках держала...

Изнемогала,
Выбилась из сил Заря,
Махнула устало на прощанье фатой
И поднялась над Волной,
Над полями, над холмами,
Над темными лесами...

Поутру у Зореньки другие заботы,
Непочатый край у Зари работы:
Звездам очи прикрыть,
Месяц в колыбель уложить,
Вывести на небо колесницу Солнца,
Высветлить румянцем людские оконца.
Поутру Заре-Зореньке не до Лазореньки.

От восхода до заката Окиян лежит.
Речка-бормотушка по волнам бежит.
Молит Река Волну-царицу:
Отпусти, мол, матушка, хворую девицу.
Хлебнула девонька горя с лихвою,
Загубили девоньку худою молвою.

Да не вернет ей Лазореньку царица,
Сватает Волна земную девицу
За Царевича морских кровей.

Долго не было у Волны детей.
Все предпринимала:
И бобы заговоренные глотала,
И у знахарки лечилась...
Да путного с того не получилось:
Родился Царевич морских кровей –
Дурна – дурней:
С тельцем угря,
С головой упыря...

Время пришло жениться,
А девицы обходят его стороной.
И пришлось владычице морской
Выкрасть кроткую Лазореньку у Зореньки
И спрятать до свадьбы на дне Окияна.
Приставила охрану –
Русалочки Лазореньку сторожат:
Любуются золотой косой до пят,
Нежным румянцем, что Заря подарила.

Покорила их земная красота,
Пленили печальные Лазореньки глаза.
Жаль красавицу уроду отдавать...
И порешили – свадьбе не бывать!
Приняли к ночи у Зарницы
Солнцеву колесницу,
Выкупали в море
И нашептали Заре про девичье горе...
/Не ждала Волна такого подвоха/.

Заиграли, засияли в небесах всполохи,
В море Заря фату опустила,
Пленницу фатою своей подхватила,
Подняла над Волной, над Окияном
И поспешила к острову Буяну,
Где Река ждала Лазореньку...
Спасибо тебе, ясная Зоренька!

Средь лугов зеленых,
Болот топяных, зыбучих
Да лесов дремучих
Бормотушка уж домой бежит...
И опять в ладонях Реченьки
Лазоренька лежит
И не ведает про то, не знает,
Что Царевич в море погибает.

Как Волна ему Лазореньку показала,
Острое жало в сердце впилося,
В клубок скрутила
Неведомая сила:
Нет ему милей лазоревых очей!

Разгневалась царица:
Речку приказала догнать, поворотить,
Сына с супротивницей нынче ж оженить!

Да знахарка подоспела:
Женить, мол, не хитрое дело.
Чтоб девку потом не сторожить,
Надо бы ее приворожить.
Как пчела к цветочку рвется,
Пусть сама к Царевичу вернется.
А я, мол, свое дело знаю:
Кровью ворожбу скреплю.
Что мною наговорено
Да кровью мазано –
Намертво, считай, повязано!

Сказала – сделала!..
Да все наоборот:
Царевича тот приворот
Со dna морского вынул,
Дом родной Царевич покинул
И отправился за море Лазореньку искать.

Напрасно убивалась, звала его мать.
Полз он навстречу своей судьбе
По сухой каменистой земле,
Тянулся за ним кровавый след,
Был у крови горячий цвет...
Ныла грудь от острых камней...
И был он сейчас ничей:
Вода еще не отдала,
Терзала земля,
Все большее было ползти...

Хватит ли сил до конца пути?

И Река устала, легла передохнуть –
Не легок ей выпал путь.
Лазоренька на берег вступила несмело,
На песке она и углядела
Угря истерзанное тело.
Вздрыгнула, испугалась...
Да жалость...нестерпимая жалость
Победила страх...

Несла она страдальца к воде в руках,
А под шкуркой угря,
Личиной упыря,
В корявом тельце
Замирало от счастья влюбленное сердце.

Бывает – один страдает,
А другой про то и не знает.
У Лазореньки было не так:
Чем-то зацепил ее сердечко чужак.
И, как в сказке, любви колдовская сила
В молодца угря преобразила.
Земля признала в одночасье своим.

И пошли по жизни путем земным
Будущий пахарь и будущая мать.

Им еще придется страдать:
Жизнь – не конфетка,
Не золотая монетка –
Бывает и знойно!

Прожить бы её достойно,
Уважая свою и чужую кровь!

А молодым – совет да любовь!

Алевтина Николаевна Алферова общительна, хорошо знает русскую историю, литературу. У нее богатая и содержательная биография. Родилась она в Москве, в войну эвакуирована в Татарию (Чистополь). Высшее образование получила в Ярославском пединституте. Испробовала много специальностей и профессий. Работала на шинных заводах страны. Была редактором Ярославского книжного издательства, журналистом заводской и районной газет, работала в лесном хозяйстве Дарвинского заповедника и Ростовского лесокombината. В Нерехте реализует свои творческие и личностные достоинства в работе с детьми, в общении с библиотекаря-

ми, работниками культуры, местными литераторами, педагогами. И, конечно, изучает историю города, присматривается к характерам интересных людей, собирает материалы, подходящие под ее сказовое восприятие, осмысление.

Видимо, пришло время и стечение обстоятельств нашей жизни для возвращения к подзабытым литературным формам. Если пробивается сказовый голос, сказовая мелодия, если народно-поэтические сказания рождаются вновь, мы должны отнестись к этому явлению заинтересованно, потому что оно, может быть, как и песни, баллады, былины в свое время, выпевается по особому наитию и окажется через века народным эпическим окликанием новых поколений. Сказовость всегда многозначительна и долговременна. Порадуемся этому явлению на костромской земле и постараемся вслушаться в сказовое пение. В нем откроется нам давно прошедшее и забываемое, исторически обусловленное в начале нового века. И отзовется душа напевам, и каждый поймет себя кровно связанным с делами, преданиями, былинами и песнями предков, ощутит в душе волнение узнавания и причастности к самым значительным событиям, делам и творениям на родной земле.

Нет, не простое и не развлекательное это чтение. И подумать придется над тем, чем заканчивается заключительный сказ «Лазоренька» с посвящением современному русскому поэту Ю.П.Кузнецову.

Именно он заметил и оценил талант Алевтины Алферовой при подготовке первой журнальной публикации. Прочитаем, осознаем иносказание. И увидим будущее не только свое собственное.

М.Базанков

Алевтина Алферова

Арины Родионовны Яков-
левой

Вступное слово

Ой, ты, пава моя,
величава моя!

Однажды в погожий апрельский денёк
священник и скромный дьячок
на Ижорской земле,
в Суйде-селе,
от Питера верстах в полста
крестили России золотые уста.
Ей, Мамушке великого Поэта,
песню хвальную эту
пою!

Нерехта 2009 г.

Памяти

Письмо к друзьям!

Мои соображения и возражения.

Песнь 1-я

Мыза Суйда, что под Питером,
(иначе - хутор или дача)
вотчиной графьев Апраксиных была,
да "арап Великого Петра",
"чёрный" генерал,
Абрам Петрович Ганнибал,
у Апраксиных перекупил
и жил в ней чуть не двадцать лет.

Сын Осип - страстный брюнет
(ганнибаловский род не одного такого дал)
в жёны взял
Марью Пушкину,
тамбовского помещика дочь.
А жить с ней затейнику стало невмочь -
говорят, со всячинкой женщина была.

Марья Алексевна ему и родила дочь
Надежду - будущую мать
великого Поэта.
Ни та, однако, ни эта
не охладили африканский пыл!

Дед Осип был
большой по женской части баловник.
При живой жене лихой чаровник
бумагу про смерть супруги сочинил
и в новый брак вступил
со псковской вдовой
Устиньей Ермолавной Толстой.

Обман, конечно, раскрыли,
полубоювников, конечно, разлучили.
Липовой жене - от ворот-поворот.
Осипа царица сослала на флот -
морской водицей пыл охладить.

С любодеем Марья Алексевна
не стала жить,
хоть без памяти его любила.
Горе сердце опалило!
Змеиное жало
день и ночь терзало!

И, впрямь, верёвку б на шею
иль в прорубь головой!

Да характер не такой
у бабки Поэта был!
Любовный пыл,
боль болючую
в кулак зажала ..!

Песнь 2-я

А на мызе Суйде
девонька меж тем подрастала.
Барыня ещё и не знала,
что станет Иринья
задушевым другом

и её самоё,
и внучат.

Бойкая девуня
была нарасхват!
Что спеть, что сплясать,
что сказку сказать -
ей всё нипочём!
У иного слово в горле -
костылём!
А эта пташка запоёт..!

Да немало времени ещё пройдёт,
выйдет Иринюшка замуж,
детей успеет нарожать,
а век доживать -
встречать его закат -
случится Нянюшкой у "пушкинят".
По барской прихоти звать её стали Ариной,
пришлась ко двору.

Дел-то поутру невпроворот,
а как солнышко зайдёт
да роток дитячий зевнёт,
сказку Няня и заведёт.
Их у неё, что дыр в решете!

Разом все дитятки замрут,
лапки под себя подожмут -
и сладко слушать, и жутко!
Ну-тка! Лешачина-то
к дому, поди уж, крадётся!..

Да красной девицей
Няня обернётся,
хлопнет в ладоши,
махнёт платком ...
И ползком ... ползком ...
вся нечисть уберётся
в свой дремучий лес!
До завтра! До вечера!
До новых чудес!

Песнь 3-я

Охочих до баек
в пушкинском дому хватало.
Коли Марья внуков качала -
пела славу пушкинского рода.

В семье не без уroda,
но Отчизне прадеды служили
не за страх, а за совесть!

"Повесть временных лет"
хранит их имена:
Вандал - внук Буревоя,
Рюрик, Игорь, Святослав,
Мудрый Ярослав -
славянские всё князья!
Были и верные слуги царя -
бояре, воеводы!

Проходят годы - учёный люд всё уточняет возраст рода:

по Пушкину ему - шесть веков,
четырнадцать - у питерских знатков.
Древностью рода Поэт не зря гордился!

Он и сам в веках не заблудился.
С малолетства, снова и снова
слышим пушкинское слово.
Да хоть про Лукоморье!

По Далю:

Морье - от слова морок:
чары и обман.

Лука - и кривизна, и дуга.

Лукавство - хитрость и коварство.

А Лукоморье значит -
лукавое царство!

Мировое дерево посередь стоит.
На золотой цепи его котище сторожит.

Сколько лап Баюн уже стоптал,
сколько сказок людям нашептал.

Даже выкрасть кота однажды пытались,
да зря старались!
Он морду вору раскровенил.
А себя ... на цепь посадил.
Понадеялся, дурак, на Петуха,
коли что, мол, разбудит!..
Да на цепи понадежней будет!

Умён котище!
И умных любил!

Поэта читил:
шепчет, шепчет ему на ушко,
а то и песню заведёт ...

Глядишь, и Арина коту подпоёт.
Чай, неспроста
говорливы уста
и память запасливая:
на каждое словечко -
свой узелок!

Песнь 4-я

Много чего
поведать котище мог.
Подкинет, бывало, ладное словечко.
Вспыхнет радостью у Нянюшки сердечко.
И ... вновь ухватит горькая истома!

Сладко ль бабоньке
вдали от дома?!
Но смерти хуже -
с постылым мужем!
Одна отрада - пушкинята
да барский дом,
полный звонких строк!

По лукошку бегают клубок,
мелькают проворные спицы.

Томится Арина! Томится!
Лукоморьем головушка полна.
Слово к слову примеряет,
слово словом погоняет,
плетёт Аринушка
волшебную нить.
Без слова звонкого ей уж не жить!

Конечно, барыне угождала.
Да и та её особо привечала.
И Марье несладко было
смолоду оплеванной, одинокой жить!
Не нам их судить!

Достался бабке и горячей
африканской крови внучок!
По младости - дичок,
а в юности "на югах"
жену чужую без памяти залюбил.

Яростно копытом бил!
Пыль - аж! - до небу взлетала!
И ... в покоях царских оседала.

А пыли государь не любил!
Тотчас скакуна заточил
в его же родовом гнезде
на псковской земле.

С теплых-то краёв
да в холодный барский дом.

Оскорбленная семья сказала:

"Поделом!"
И в столицу в гневе укатила.
Нянюшку в наперсницы
сынку определила:
смотри, мол, в оба!
За парнем нужен глаз да глаз!
Не посмел бы, мол, порушить
царёв указ.

Песнь 5-я

Как сыночка Нянюшка
его опекала,
тоску разгоняла.

То девок плясать позовёт,
то сама старину запоёт,
то он читает ей новую строчку
Глядишь, и пережили
постылую ночь!

Заменяла Арина своему "дружочку"
родную мать.
Тогда и стал он
Мамушкой Няню звать.

За строчкой строчку
писал стихи -
про горе и радость,

про муку и сладость!

При свете свечи,
у тёплой печи
певучий Мамушкин голосок
разгонял ночную темь,
да балалайкина трень-брень
стих помогала творить.

А уж как любила Мамушка
сказками сорить!
Даже котищу не угнаться за ней.
Завидовал ей
лукоморский чародей!
И хоть была немолода,
а форсу - дополна.

Всегда готова
и сплясать, и спеть,
да ноги что-то стали к ночи болеть.
Нет уж бывалой прыти!
Волком охота выти! Но никак нельзя!
Загрызёт дружочка
тоска-змея!
Душно ему одному без друзей!

Только с Мамушкой своей
делит он Музу
да горькую долю.
Только Мамушка не обуза
да конь,

что несёт по раздольному полю.

И Арина запряжёт савраску в сани,
кинет в них торбу с красными словцами,
что к устам её так и льнут!
Стариной слова тряхнут ...
Кони понесут
по городам, по весям...
И услышит всё поднебесье
гордое русское слово!

Звонит по камушкам подкова!
Славу России поёт!

Песнь 6-я

Бароны, князя -
Поэта лицейские друзья,
великосветская знать,
что любила у него бывать -
руки старые Арине целовали,
строки нежные посвящали,
в пояс кланялись ей,
дивившей мудростью своей.

Деревенская, ведь, баба простая,
а как умеет слово-кружево плести.

А позвольте, господа,
их гороскопы привести,

Няни и Поэта.
У обоих - красней красна!
Сочиняют их небеса,
что Вселенной зовут.
По её закону люди и живут.
Что барин, что холоп -
ей всё едино.
Важны - родины!

Песнь 7-я

Итак:
Поэт - Близнецы и Коза.

Дали ему небеса
блестящую фантазию,
недюжинный ум.
Он - вольнодум,
творец,
ему любое творчество подвластно,
особенно с бумагой и пером в руках.
Но ... вертопрах!

У Близнецов, а их в нем двое,
и в каждом - сердце ретивое.
Каждый - забияка!
Азартный игрок!
И ... очень, очень одинок.

Похоже?!

Конечно, всё по линейке, всё в такт!
Жизненный Поэта тракт
нам по книжкам знаком.
К Арине прислонимся
лишь одним бочком.

Песнь 8-я

Няня - Тигр и Баран.

Идеалист с вечно молодой душой.
Характер обаятельный,
искренний,
самостоятельный.

Признаёт лишь равных себе по уму.
Ему, честолюбивому созданию,
нужны успех, признание!
Великий фантазёр!
Блистательный актёр!
Мир - сцена, и она на ней
прелестный лицедей!

Песнь 9-я

Поэт и Няня - вместе наконец.

Творец и творец.
Мудрец и мудрец.

Союз безумцев, фантазеров,
блистательных актеров.

Поэт и верная его подруга -
под стать друг другу.
Лишь с ней ему не скучно.
Лишь с нею веселей!
Как нежно Пушкин говорит о ней,
певунье и потворщице его затей!
О Мамушке оставил
столько тёплых строк.

В свой срок она ушла,
но Пушкина о ней строка,
конечно, "тленья убежит -
... доколь в подлунном мире
жив будет хоть один пиит".

Послесловие

Не поверю нипочём,
что грамота ей не давалась.
Гордячка стеснялась каракуль своих.

Её ума хватало б на двоих,
в придачу - редкая память
да уменье баять,
как никто другой!

Шла Аринушка своей тропой,
оставила на ней глубокий след.

У меня сомненья в этом нет!

Буду рада возраженьям
на мои соображенья.

С уваженьем!

Ал. Алф.

АЛ. АЛФЕРОВА

**НЕРЕХТА
МОЯ
УМИЛЕННАЯ**

Нерехта!

О Руси и о тебе, умиленная,
куполами в небеса устремлен-
ная,

думы долгие мои

посвящаю!

Нере-хта! –хта! –хта!
Словно россыпью горох по досочке,
тарахтит её имя в веках.
Неразгаданное!

Россыпь 1-я

То ли прозвана так за болотину,
что легла под неё между речками
и на древнем мерянском
имени её созвучна.

То ль за рыбу гольца,
что кишела в них
и прозваньём на мерянском
тоже схожа.

А великий словозналец Даль
обозначил гольцом
камень над водой.

А люди на горе Егорьевой нашей,
на крутой
ещё в веке каменном жили,

топор каменный точили
с проушиной.

А может прозвище от слова
нерето -
из лозы пузатая воронка,

в коей рыба речная вязла?
Кличут её нынче молдой

Россыпь 2-я

Закавыка и в гербе городском -
ладья костромская в поле голубом
и две улитки в золотом.
То, мол, реки Нерехта с Солоницею.

А допрежь города только так
и строили:
при слияньи рек,
недоступными врагу,
чтоб вода и спереди, и с боков,
а позади глубокий ров
иль дремучий лес
частоколем.
А почто ж улитки-то
другим не рисовали? ...
А, может, всё не так?

Славились в Залесье реки
жемчугами,
что растит улитка на теле своём.

Красотой мерцающей они
затмевали камень-самоцвет.
И ювелиры, бают,
в Нерехте водились,
и улитки не переводились.

Но ... всему приходит конец!
Красоту живую извели,
на серебро с привозу перешли.

Стали броши, солонки клепать,
людей удивлять.
Теперь уж ни улиток,
ни серебра -
одна береста!

Какую сказку из сих принять -
не знаю,
но книжки читаю, размышляю,
сомневаться смею.

А что ракушки
не двусторки нарисованы -
так память людскую огонь пожрал.
Только звон и остался.
Им же имя города писано:
Нерехт ...Мерехт ...
Мерохт ...Нерохт ...
Нерехта ...

По-карельски «хта»
с рекой соотносима,
а река - с краем места обжитого.
А карелы здесь издревле жили,
языком своим изрядно наследили.

Россыпь 3-я

Во тьму веков
история мерянская уводит.

Когда ледник на север отступал,
на пятки наступал ему могучий лес.
И вот уж головой
коснулся он небес.
За ним и древний человек пришёл.

Владел он камнем-топором,
потом и каменным копьём.
Жил общиной родовой
в избе земляной.
Научился лес рубить
на деревянный дом.
По речке побежал
его долблёный чёлн.

Но с запада пришел
фатьяновец-чужак
с длинной головой,
с суровою надбровною дугой.
Этот уж и бронзу лил,
и посуду из глины лепил.
На шесть веков длинноголовый
племя местное закабалил.

Но с междуречья Волги и Оки,
с Прикамья, Зауралья
пришёл ему на смену угро-финн.

Уже с копьём железным да стрелой -
умелый зверобой.
Его считают предком мери!
С него, мол, и пошла
мерянская земля!

Про неё историк готский
Иордан писал:
« На Белозере сидят весь,
на Ростовском озере меря,
а на Клецин озере меря же».

А там «леса великие, страшные, дикие,
непроходимые,
во всём свете таких лесов мало», -
писала и
«Книга, глаголемая Козмография»,
что найдена в Галичском монастыре.
И другие писменники говорят:
вдоль Солоницы, мол,
леса на сорок вёрст,
а посередь речной долины – Нерехта!

Россыпь 4-я

Жил себе мерянин да жил:
рыбу ловил,
пчелу зорил,
зверя бил:
белку, соболя, бобра.

Пока ... молва людская
о богатствах края
до славянина не дошла.
За данью к мере
Русь пришла.
А князь Олег,
что правил Киевом в десятом веке,
уже повёл мерянскую дружину
на Царьград!

Россыпь 5-я

В Солигаличе "акают" по Москве,
по-московски "акают" и в Чухломе.
Мы же "окаем" по-владимирски
на мерянский распев.

Знать, притёк к нам из Владимира славянин
по Уводи-реке,
а та с Солоницею - кровная родня:
из одной болотины воду пьют,
лишь в разны стороны текут.

Как и меря, славянин язычником был,
тоже идолу поклоны бил.
Велесом бога звал,
его и почитал.

А в Нерехте
камень Велесов лежал.
К нему язычник припадал
и в счастье, и в горести,
милости у бога своего просил.
Поздней над ним
Сыпанов монастырь построен был.

Стал с мерей славянин
рыбу ловить, смолу курить,
дёготь гнать, доску тесать,
и ... соль научился добывать.
Её немерено в Нерехте-то было!

Мерянин и сам уже маленько добывал,
сам ею по-маленьку торговал.
А славянин и мастера привёл с собой:
мол, яму рой,
солеварню строй!
С размахом взялся за дело.
Работа закипела.
И побежали с нашей солью кули
по всей Руси.

Меря чужака приняла.
Залюбилась с ним!.. Пережилилась!..
Народила прорву детворы!
Русскими зовёмся с той поры!

И стала Нерехта потихоньку богатеть:
соль-то была в цене,
что нынче нефть.

"Без хлеба не сытно,
а без соли не сладко", -
народ причитал.

Князь Константин у брата Ярослава
богатею Нерехту отнял,
а Кострому "пожже" князёва рать!
От великого добра, видать!
Добрый летопись его зовёт!

Летописцу с колокольни своей видней!
А как его винить,
коль под князем ходил,
летопись под князя своего лепил?!

Нам остаётся ему лишь верить,
да по летописи век свой мерить
от первой в ней записи о Нерехте
в 1214 году.

Иль опять всё не так?

Нерехта, мол, раньше родилась -
из столицы донеслась
к нам благая весть.

Слово летописное, мол, есть,
что государевых людей отряд,
ещё раньше вёл за Нерехтой догляд -
толь, чтоб нерехтчанин не бузил,
толи соль с пристрастьем сторожил.
В нерехтской низине, мол, стояла рать!
Но это ещё надо доказать!

Из века в век то галопом, то шажком,
стежок за стежком
летописец нашу жизнь писал:
как мерянин со славянами роднился,
как мерянин в славянине растворился,
иль в бега пустился
черемисам да мордве ...
И было то не так давно:
чуть больше тыщи лет назад!

Россыпь 6-я

А в четырнадцатом веке
постучалось православье
в каждый нерехтский дом.

И опять же из Владимира речным путём
прибыл в Нерехту Пахомий, монах.
На Сыпановой горе, в лесу густом
сотворил обители он первый дом.

Преподобный сам
к строительству руку приложил,
и нерехтчан угодник Божий
к православию прислонил.

С той поры и существует монастырь:
деревянный поначалу, потом каменный.

И зовётся ныне
Троице-Сыпановым
Пахомиево-Нерехтским.

Россыпь 7-я

Жить бы Руси да жить!
Денежку копить!
Ан нет!

Растащили княжичи её на клочки:
пятнадцать княжеств
в веку двенадцатом было,
в четырнадцатом -
их уж двести пятьдесят.
"В Ростовской земле - князь в каждом селе", -
горевал народ.

Князей-то много,
да стол великий один!
И били князюшки за него
друг дружку!
Насмерть били!

Много кровушки за него пролили!
И слепили!
И травили!
И головы родичам рубили!

Недаром говорят:
где козни - там розни,
где розно - там грозно!

Рано княгини вдовели,
рано княжичи выросли,
но право старшинства
имела только мать.
"Детям воли не давать!" -
в завещании писал
Дмитрий Донской.

Княгиня Евдокия и не давала,
сама землю управляла,
сама земли раздавала
монастырям да церквам.

От княгинь великих Софьи да Марьи
достались Троицкой лавре
солеварницы в Нерехте
да под слободу земля.

И вотчина монастыря
освобождена была
от всех даней-податей:
"Не надобе с тех варниц,
и с тех дворов,
и с того починка Родинского
ни дань, ни ям, ни подводы,
ни мыт, ни тамга,
ни за косное, ни портное,
ни скатертное, ни пятенное,
ни навоженные куницы,
ни хмелевого докладу,
ни двора волостеева не ставят,
ни к становщикам,
ни к десятскому не тянут,

ни в какие пошрины, ни в разметы,
а волостели мои нерехотские и их тиуны
кормов своих не емлют
и не судят их ни в чем,
оприч душегубства".

За заслуги какие
милости такие -
в летописи слова нет.

Россыпь 8-я

Княжий разброд
землю русскую в конец разорил!
Татарин наглый русича закабалил!

Нерехту панове сжег дотла!
Защитников города
тьма полегла.

Не единожды он вымирал
и от язвы моровой, и от чумы.

Как выжили мы,
когда некому было
даже жито жать?!
Некуда было от беды бежать?!

Сколько раз городок деревянный
огонь нещадный
пожирал!

Город голодал!
Город умирал!
Но ... возродился вновь и вновь!

Славу тебе пою,
Нерехта, моя любовь!

Россыпь 9-я

И Русь не однажды
из пепла восставала,
державу в кулак собирала!

Край, мол, чрезвычайно богат,
писал итальянский дипломат.
И базары, мол, хороши.
И товары продают любые!
А женщины какие!

Россиянок и тогда любили
и в плен уводили,
и в жены брали!
Русской крови в свою намешали.
Теперь и не понять:
кто нам сват, кто кровный брат.

Прав дипломат!
И нынче россияночка в цене,
да цены не знает себе.

Где вы, скромные мои да ласковые?
С потупленными долу глазками?
Или позалили глазаыньки пивком?
Или позабыли серенады под окном?

Но опять вернётся рыцарь!
Вернётся!
Сердце девоньки моей вострепенется!
В губки ладушку мою поцелует!

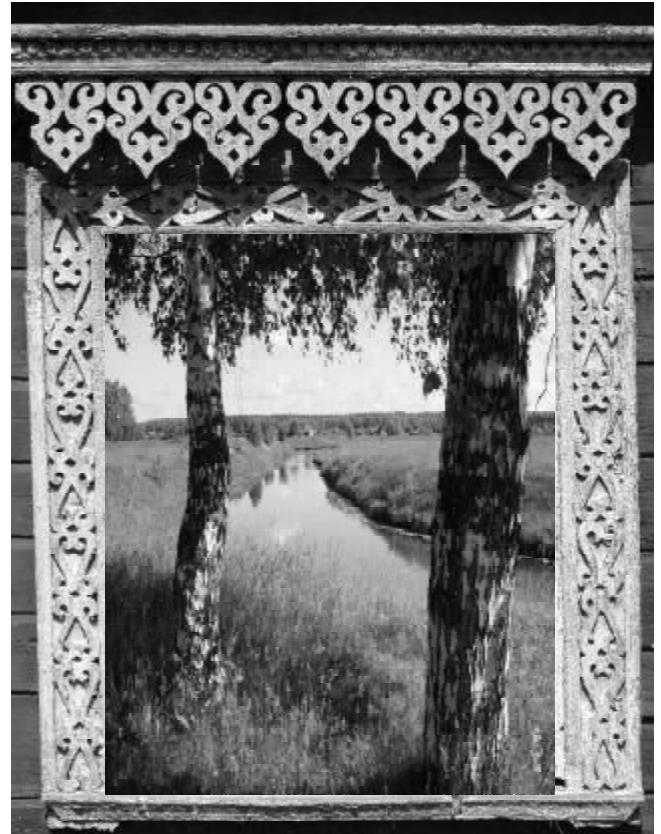
И на веки ладушку завоюет!
Так будет! Так будет!

Прямых путей история не любит:
то в кольцо свивается,
то опять спрямляется!
И времена меняются, и нравы.

Историки правы:
предки целомудренней были.
Муж жене не изменял
и в жёны непорочную брал.
А умирал - так с телом мужа на костре
и жена себя сжигала.

Русь считала:
мол, живая вдова - бесчестье семьи!

Но чтоб жена сама схотела
на костёр взойти -
дозвольте усомниться!
Скорее так стращала Русь блудницу,
чтоб полюбовника не заводила,
нелюбого чтоб мужа не травила!
В страхе женщину держала
держава!

Россыпь 10-я

При Иване Третьем Русь окрепла, возмужала!
Европа нас зауважала!
И неззорным уже считала
дочерей за русских выдавать.

Из царственного рода Византии
Русь возмечтала Софью в жены взять.
Взяла!

А та с собою грека привела.
Зачастили и другие иностранцы.
Принялись Москву каменьем одевать.
И наш земляк взялся им помогать.

В стольном граде, как и нынче,
рупь был длинней
и грядущее, стало быть, верней!

Да не всякому рукастому
уход от барина по силам был!
Выкуп барину холоп платил.
И не малый!

Чаще потому бежал
из кабалы тайком.

Где пешочком, где ползком
до столицы добирался.
Бывало, в ней и обживался,
если повезёт!

Россыпь 11-я

Царь Иван женился на гречанке,
сынка женить на иностранке
не удалось!

Невесту пришлось
выбирать из своих.

Объявили конкурс красоты.
Раздели девонек до наготы,
оглядели даже срамные места,
отобрали одну из многих ста:
не знатную, не богатую,
не щербатую зато, не горбатую -
государыню по всем статьям!

С Соломонией Василий Третий
прожил чуть не двадцать лет,
а деток нет да нет!
Сильно государь горевал!

Горе, мол, мне!
Птица и та плодится,
земля родит во всяко время,
а у жены нет и нет беремя!
Обвинил Соломонию в "неплодстве"
и в монастырь отправил,
с Еленой Глинской свадьбу справил.
Новая жена и родила Руси

в жестокую грозу, жестокого царя.
Четвертого Ивана -
Грозного!

Был слух - Соломония, мол, тоже понесла,
сына родила: да помер,
в монастыре и схоронили.
Могилку ту позднее вскрыли -
в дорогой одежке лишь
куклу нашли ...
Потоптались в недоумке да ушли!

А Московия землей всё прирастала,
могучею державой стала.
Но ни Василий Третий, ни его отец
царями ещё не звались,
иноземцам лишь писались:
"Божьею милостию царь
и государь вся Русь".

Россыпь 12-я

И наступил грозный век.
Князь великий - тоже человек.
Эка беда - ногу натереть!
А князю Василью пришлось помереть.

Править стала Глинская -
его жена.
Да небеса в тридцать пять

и её прибрали к себе -
говорят, бояре яду дали в еде.

Сиротою отрок княжий остался,
с редким умом, с пылкой душой, волевой!
Может и стал бы царь земной
угодным Богу,
да вывели бояре на кровавую дорогу.
Всех убили, кого любил,
слёзно за кого просил!
Тревога за собственную жизнь
сделала царя волчонком.
Но однажды безусый мальчонка
ненавистного боярина
псами растерзал!

"От тех мест начали бояре от государя
страх имети", -
летописец заметил.

Стоило кому ни то
ножкой взбрыкнуть
иль очами, не дай Бог, сверкнуть,
или молвить дерзкую речь,
тотчас головушка слетала с плеч.
И не было удержу ярости мальчика!

Не зря!
Не зря поджал боярин хвост -
кому до времени охота на погост?!
У Бога милости боярин просил,
чтоб зверя малолетнего окоротил.
А тот в шестнадцать

повенчался на царство.
Шапка Мономаха пришлась
 мальцу к лицу,
 Богом венчанный царь
 прочно сел на троне
 в монаршей короне
и погнал дрожащее боярство по Руси
 невесту ему искать.

 Ложе царское довелось занять
 нежной, кроткой дочке
 небогатой вдовы.
 Тише воды, ниже травы
 стал свирепый царь,
 ровно покаяния дал обет.
 Но в расцвете лет,
 подарив ему пятерых детей,
 Настасья Захарьина померла.
Опять побежала по Москве молва:
 бояре, мол, царицу отравили!
 Охочие уши молву ловили,
 царю несли.
 Снова сорвался царь с цепи!
 Снова полетели головы с плеч
 без повода и без суда.
Московия опричнину тогда ввела.
 И на веки запомнила Русь
 лютые казни палачей, грабежи.
 Людей пытали, жгли,
 живыми спускали под лёд ...
 Кровью захлебнулся народ!

Бешеный царь и жен не щадил:
двух отравил, одну утопил,
трёх постриг в монастырь.
Ей же ей, такого страху
Русь ещё не знала.
Семь лет опричнина её разоряла!
За "изменные", якобы, дела
боярину - петля,
опричнику - его земля.

Опричной Нерехта тогда и стала.
Вряд ли в жестокости Москве уступала:
рыба тухнет с головы.
Душегубцы были и царские, и свои.
Царь божился -
мол, крестьян, людей работных не трону.
Лишь враги трону -
духовенство, дворяне, знать -
изменщики должны дрожать!

А на деле простолюдину достались
и мор,
и налог,
и барина батог,
и недород!
Победила опричнина
свой народ!

Яростный, грозный был царь!
Яростно жил!
В ярости старшего сына убил!
В ярость ушла вся сила!

На младшего её не хватило.
Слабоумному Фёдору
Нерехту царь отказал.
На деле ею управлял
царёв любимчик - Годунов.

Россыпь 13-я

Чем запомнила Русь Годунова?
Убиением наследника престола, малого,
да смуты размахом с беглым монахом,
что поднял Русь на дыбы.

За одним "вором" явился другой -
Лжедмитрий второй
да польские паны.

Всем бы чохом дать им отпор,
а на Руси - снова раздор:
замучились решать -
кому присягать?!

Пока боярин размышлял -
поляк пол России под себя подмял:
и Ярославль, и Кострому!
Оба города в плену!

Пожары, разоренье, разбой!
А Нерехта пошла в неравный бой
со шляхтой у Больших Солей!
За строптивость пан Стравинский
ей жестоко помстил:
дома пожег, лавки разорил,
варницы разгромил -
две остались из двадцати пяти.

Не сладкая каторга - солеварня,
но она кормила.
И Нерехта ей дарила
звучные имена:

"Соболь", "Медведь",
"Горышка", "Крапива", "Дубрава" ...
"Орехом", "Пирогом" называла ...

Всё поляк разорил,
в дым пустил.
Тяжкое время для Нерехты настало.
И умиленная моя забунтовала.
А предлог найти -
только захоти!

Воевода нерехтский
по указу царя запретил
сквернословить,
непотребные песни петь,
поносными словами браниться -
нерехтчанин посмел не подчиниться.

Одного из бунтарей арестовали,
другие его вызволяли,
отбили и пошли громить
торговые ряды, склады ...

Не по нраву стал и запрет -
вино и пиво по домам варить.
Воеводе надлежало за тем следить,
разбойников и татей иметь,
в тюрьму сажать,
в Кострому об них писать!
Бунт опять!

Побунтовали!
Поустали!

Нужно доходное дело!
Нет соли - будет деньга
с продажи льна!

А его в округе до полна.
Крестьянин растит,
теребит, прядёт,
полотно ткёт.

А нерехотскому купцу-дельцу
купить-продать - родное дело!
И дело закипело -
только денежку считай!

Россыпь 14-я

**"Ропа кимать полумеркот, рыхло ворыханы,
пора спать, полночь: скоро запоят петухи".**

**В.И.Даль "Толковый словарь живого
великорусского языка"**

На такой тарабарщине
ловкий наш земляк говорил,
когда с коробом по деревням ходил,
торговал, плутовал, приговаривал:
мол, не обманешь - не продашь!

Елтонской иль офенской её звали.
Офени - коробейники знали,
что "елтыш" в переводе - безмен.

Древний "бизнесмен" сам для себя
придумал скрытное слово,
чтоб никто его не понимал.

А земляк наш не дремал:
как на родном на нем заговорил!

И людей ученых с толку сбил:
что, мол, за неведомый народ такой?
Откуда взялся? Куда подался,
коли слово нынче не звучит?
Ой, ли! Не молчит офеня-феня!
Не молчит!
Кое-кто, кое-где

резво "ботает" по ней до сих!

Ловкий перекупщик-прасол,
что хитрый хохол, твердил:
мол, трафилку проначишь,
проначишь и хруст!
(Проиграешь копейку,
проиграешь и рупь!)

Плутоватый златоуст
речью сладкой любого оплетёт,
вокруг пальца обведёт -
барыш возьмёт!

Носил лён в коробе на горбе
от села к селу,

изрядно потел,
тем и богател!

Пряжу и тканьину купцу продавал,
а тот - и дома торговал,
и вдали от дома,
в портах приморских.

О тканях нерехотских
прознала и заграница.

Редкая девица
не носила наших холстов.

И узнала Нерехта зажиточных купцов.

По богатству их так различали:

"гости" - купецкая знать -
самый богатый, удалой
рисковый люд!

И рисковый труд!
Недаром их былины воспевали,
государи привечали.

Ну-ка! За три моря с товаром сходи!
А шаек разбойных на пути -

пруд пруди!
И ограбят, и убьют
иль в плен возьмут.

Победней особа - "купец"!
Этот - торговал лишь на Руси.
И хоть ближе товар везти,
тоже весь настороже!

А тот, что по мелочи скупает,
да купцам продаёт,
малым наваром живёт -
сошка мелкая.
То - прасол, торгован, офеня.

Таскать на спине льна беремя -
тоже не лёгкий труд.
И копейку малую за него дают,
но большие купцы все так начинали.

Товар у крестьян закупали,
в долг смело брали.
Конечно, рисковали!
А без риска дела торгового не бывает!
Его затевает только рисковый!

Россыпь 15-я

На нерехтской земле
лён всегда давал хороший урожай.

Только поспевай
убирать, мять, прясть, ткать и ...
коробейнику продавать,
чья коробочка "полным полна".

Сыздавна бродил он
по этой земле,
и мало кто знал,
где привал разбитного мужика.

В Костромской губернии наш уезд
больше других был заражён расколом.
Бегунком-богомолем коробейник и был.
Народ говорил - мол, как песню поёт,
по земле идёт.

А судьбу какую страшную
на плечах-то несёт!

Бегунковский пророк провозгласил:
антихрист землю ересью, мол, заразил!

Не признавайте власть!

Не обживайте дом!

Себя клеймом на их бумагах
не дайте осквернить.

Тайно живите!

Тайно безымянными в землю уходите!

И откроется, мол, царство божье вам
на небеси!

Такой судьбы - Боже, упаси!
Где жил коробейник -
никто и не знал.
Домом был тайный подвал.
Мраком крытая кабала!

Власти про секту либо не знали,
либо крепко жмурили глаз.
Это сейчас о расколе
можно смело говорить,
а тогда ненароком
могли и зашибить -
большие деньги стояли на кону.
Секту, и не одну,
содержали наши купцы.
Дьякон из Нерехты даже
толк свой завёл.
При Петре Великом
и на костёр за него взошёл.

Россыпь 16-я

Мельников-Печерский так писал:
купец, мол, что стрелец,
оплошного ждёт.
Сват - сватом,
брат - братом,
а денежки - не родня.
Лишь дурак, мол, упустит
своего - надуть.
Обмануть - не грех,
сплутовать - тоже!
А нищему не подать - упаси Боже!
Из недельных барышей
нищей братье всей
по копеечке,
по пряничку,
но подай!

В нынешний век не купцом -
предпринимателем такого зовут.

Есть честный,
есть бесчестный - плут!
Прежде за торговую вину
на торговой площади
торговую казнь учиняли:
прав, состоянья лишали,
на каторгу ссылали
под строгий надзор.
Всему роду - позор!

Всё одно блудили,
но с опаской!

А нынче у тёмного дела
другая окраска:

теневого экономикой зовётся!

А мне сдаётся:
хрен редьки не слаще!
Было б честнее,
боле подходяще,
блудом ее звать!

Но я не про то хочу сказать.

Что прежний купец,
что нынешний рьяный делец -
ни в чём меры не знали.

Гляньте-ка, что вкушали и вкушают
на Москве за один присест!

Прежде:

бульон на живом ерше,
стерлядь, лосось, сиг, белужина,
рачьи шейки, осетрина,
рябчики, гусь жареный под яблоками,
каша ананасная,
икра черная, красная,
пломбир в шампанском.

И нынче:

сыры французские
сортов пятьдесят,
рыба белая и розовая,

мясо от свинины до медвежатины,
от курицы до страуса,
фрукты поставляет весь мир.
И разливанное море вин.

Сто лет прошло!
Новое выросло теля,
а всё те же кренделя!

Нерехтчане, конечно, скромней,
но в бильярд уже,
как большие, играем,
иномарки дорогие покупаем,
забили ими все дворы.
Где уж нам до детворы!
То ли ещё будет!

Россыпь 17-я

Но время делу, потехе - час!
Деловой и посеючас
за собственное дело в большой тревоге.
Без подможья, без подмоги
на ноги нипочем не встать.

Купцова стать требует сноровки
и не малых затрат.

В помощниках был и сват, и брат.
А чтоб дело и впредь не хирело,
купец наследникам завещал
капитала не дробить,
в согласие жить,
вместе промышлять,
а буде кто без общего совета
деньги раздавать,
"до дому моего и до пожитков
ему дела нет" -
суровый давал купец завет!

Тем и крепок был купеческий род,
что вся родня в сподручниках ходила,
живота не щадила.

Зачинала торг крестьянская изба.
И коль судьба калачи её сыну есть,
коль жилка в нём торговая есть -
побежит деньга в карман косяком.
Будет ему и чин
и каменный дом!

Баре спесивые завсегда
на купца глядели свысока:
темень, мол, лапотник!..
Из грязи князь!
А Россия, как великая держава,
из грязи той и зачалась!

Кто заводы строил,
фабрики на Руси пускал?
Барин? Нет! Фабрикант-купец!
Он товар создавал,
он его и продавал.
Не без выгоды, конечно!
И выгода немалая была!
А кто ж работать будет задарма?
Барин что ль?

Вон, Савва Морозов!
Был пастухом, извозчиком,
наёмным ткачом,
а стал каким богачом!
И фабрикантом, и купцом!
Позапрошлого века
знатнейшим лицом!
Его фамилья крылья дала
и другим деловым.

Государи купцов зауважали.
Купцы, а не баре,
богатство государства создавали.
Без их напористой силы
не видать бы России
столь быстрого расцвета!

За всё за это
и презирала их знать,
а деньги не гнушалась брать
на не робкие свои затеи.

И купцы захотели
вовсе отделиться от знати.
В деловое сословье сомкнулись.
Ни один чужак, за просто так,
войти в него уже не мог.

Высочайший порог -
у фабрикантов, торговцев-оптовиков,
кредиторов, страховиков.
Самый солидный народ!

Порог пониже - у купцов пожиже,
всех остальных мастей,
но ведущих дело без обмана.

А любителей чужого кармана
(были среди купцов и мошенники -
всякий сброд!)
ждала крутая расправа:
плут голову на плаху клал,
ежели веру в купца подрывал.

Россыпь 18-я

И в Нерехте были крупные дельцы.
Чего стоил Грязновский-Лапшин,
и не он один.

Но выше никто не подымался.
Грязновский назывался
директором имперского двора
при дочери Великого Петра
Елизавете Петровне.

Удалая женщина
и любила удалцов.
Грязновский, видать, купец из купцов -
эка, на какую поднялся высоту.

Сам при троне был
и своих не забыл:
знатными стали нерехотские купцы
Хвориновы, Пастуховы.

С Пастуховым Грязновский мануфактуру
в Нерехте льняную зачинали.
За ними фабрики открывали
Суворовы, Князевы,
Дьяконовы, Брюхановы -
из духовного сословья все.
А чтоб сословье сменить,
наследство надо было получить
иль жениться на мещанке.

Прихожанки за лиц духовных
охотно выходили,
в приданое им приносили
деньги отцов.
Ряды купцов не редели,

с годами дельцы матерели.
С достатков стали Нерехту
в камень одевать,
деньги церквям давать,
колокола отливать,
иконы дарить ...
Подарки и милости полились рекой.

Россыпь 19-я

Похорошел несказанно наш городок!

Больно ловко он прилёг
на большом пути из Москвы
хоть на запад,
хоть на восток.

Ни с товаром возок, ни сани,
ни сами государи
в каретах цугом
мимо нас не проезжали.

Нерехту не миновали
ни Фёдор Алексеич,
ни Павел Первый,
ни Пётр Великий,
ни Александр Второй.
Бывало,
оставались на постой!

Город хвалили!
И очень к нам благоволили!
Екатерина Великая
гербом одарила,
городом уездным назвала.

Такой ты, Нерехта, была,
такой ты будешь -
чудом из чудес!
Ты же крутой замес
мерянской и славянской

работающих кровей!
Город - сказка!
Город - музей!
Гости изумленные
восхищаться будут умиленною!

И Господь в тебе пребудет!
Так будет! Так будет!

И по секрету:
на Егорьевой горе
клад, говорят, зарыт!
Пламя синее над кладом
по ночам горит!
Вот бы!..

Примечания

варница - сооружение, где выпаривали соль;

волостель - властитель области, начальник;

дань - поборы;

Залесье - междуречье Волги и Оки;

козмография - описание Вселенной;

косное - прибавочные деньги бурлакам
за сбрасывание бечевы с кустов и деревьев;

меряне - народ, населявший Залесье;

мыт - таможенный сбор за приложение клейма на
товар;

навоженные куницы - подать с молодоженов;

опричнина - особое войско, телохранители и каратели

при Иване Грозном;

портное - денежная повинность, раскладываемая на
крестьян за обшивку барской дворни;

пятенное - пошлина за клеймение на таможене куп-
ленной

лошади;

разметы - раскидка, раскладка податей;

становщик - смотритель яма, стана, где проезжие
меняли лошадей. Станционный смотритель;

тамга - таможенная пошлина;

тиун - приказчик, управитель;

толк - особое учение о вере, его последователи;

фатьяновцы - представитель пришлого племени.

Первая половина 2-го тыс. до н. э.;

черемисы - нынешние марийцы.

СЛОВО

О ПОЛКУ

ИГОРЕВЕ

в переложении сказительницы
Алевтины Алферовой

Слово к "Слову о полку Игореве "

"Слово о полку Игореве" - о чём оно? О губительном для Руси времени, о 12-м веке, о распрях меж князей, когда брат шел войной на брата. Впервые в русской истории русские князья были взяты врагами в плен.

"Рать без перерыва" - назвал это время летописец. Историки назвали его временем междуусобиц.

А началось всё с того, что Ярослав Мудрый совсем не мудро наделил сыновей основными русскими городами с прилегающими землями. И посеял меж ними вражду: каждому хотелось урвать кусок пожирней.

Потом обособился в конце того же века его внук Олег Святославович, а съезд князей узаконил земельный раздел: "Каждо да держит вотчину свою".

И половцы набегами грабили русскую землю, сжигали сёла и города, брали русичей в плен. А иные русские князья тех же половцев нанимали для своих братоубийственных войн.

Страшное время наступило на Руси.

Не пора ль разобраться: кто "Слово" писал, кто прятал его столько веков и почему?

Почему? - ответить проще всего: крамола это, слово мятежное. Можно не сомневаться - выводы автор сделал, смуту в умы современников внес (и в наши тоже). Выводы были далеко не такие благостные, какими теперь поэма заканчивается:

Сёла рады, грады веселы...

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан против нашествия поганых!
Князьям слава и дружине!

Как понять? Кому слава и за что? Игорь из плена бежал, а сын, брат, племянник ещё в плену. Вся дружина полгела на поле боя... Чему радоваться? А главное - не голос это автора. Все счастливы, все рады! Ради этого вряд ли стал бы он писать своё скорбное слово.

Нет конца авторского у "Слова". Вырезали его, а что с автором сделали - тайна, мраком крытая. При Иване Грозном могли и под лёд живым спустить. Какой правитель потерпит на себя хулу?

Кем писано?

Дружинником? Вряд ли! Чего бы это он сам на себя крамолу возводил! А вот умный писец, стихотворец, что сидел одиноко в келье, читал, размышлял - очень может быть!

Если перевести "Слово" по В.И.Далю, по его "Толковому словарю живого великорусского языка", получится: "словом честным громко повесть скорбную начать...", - а не Бояновы песни хвалебные слушать. Автор ни словом придворного певца не похвалил. Осуждал? Да, дважды! За то, как раньше пел, и за то, как спел бы про Игоревы "победы"! Боян был придворным певцом, стал бы он хаять князей-хозяев.

Рукопись, что вышла к людям, была куплена известным коллекционером А.И.Мусиным-Пушкиным вместе с другими рукописями у архимандрита ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иоила Быковского (девятидесятилетнего старца), бывшего цензора Ярославской типографии и ректора славяно-латинской семинарии. Была она на лощенной бумаге, по словам А.И.Мусина-Пушкина "довольно чистым письмом" писана, и по его мнению, в 14 или 15 веке. Значит, это не оригинал, потому как автор над "Словом" трудился в 1186-1187 годах и никак не позже.

Но даже эта копия сгорела в московском пожаре 1812 года. Сохранилась лишь та, что была сделана для императрицы Екатерины Великой, любительницы поэзии и древностей.

Сколько было копий? Неизвестно, а что переписчики над ними "потрудились на славу", сомнений нет. Всяк неразборчивое делал "разборчивым" по своему разумению. Тем более, что писали в далеких веках единой строкой, слово от слова не отделяли. Где начало, где конец - не в раз определишь. До сих пор не все строки нам понятны.

Сколько веков прошло, сколько о нем написано и учеными, и поэтами. И я туда же! Руку к "Слову" приложила, кое-что может и повысветлила, в "Толковый словарь живого великорусского языка" Владимира Ивановича Даля заглядывая, сверяясь с думами-раздумьями Дмитрия Сергеевича Лихачева - это он перевел и разложил "Слово" по полочкам, и многих других ученых, поэтов изучая.

Мудрая книга! Равнодушными не оставляет.

И поем мы ей славу, и её творцу уже восемь веков!

Алевтина Алферова,
член Союза писателей
России.

Слово о полку Игореве

Не пристойней ли нам, братья,
честным словом рассказать
о походе князя Игоря,
Игоря Святославича.

И начать ту песнь правдивую
не по замыслу Боянову.
Тот Боян, коль песнь кому хотел творить,
растекался мыслию по древу,
волком серым по земле
иль орлом парил под облаком.
Хвастал, будто помнил
тех усобиц первых времена.
Напускал, мол, он тогда
десять соколов на стадо лебедей,
и та, что первой цели достигала,
и песню первой запевала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю
пред полками касожскими,
прекрасному Роману Святославичу.
Боян же вещий, братья,
не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
он вещие персты свои
на живые струны воскладал,
те уж сами славу князю рокотали.

Почнем же, братья, повесть эту

от старого Владимира
до нынешнего Игоря,
что ум поострил,
сердце мужеством закалил,
духа ратного исполнился
и навел полки свои храбрые
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Глянул Игорь на солнце светлое
и увидел воинов своих,
тьмой прикрытыми.

И сказал дружине Игорь-князь:
"О дружина, братья мои!
Лучше уж убитым быть,
чем плененным!

Сядем, братья, на борзых своих коней
да посмотрим Дону синего.

Хочу копьё преломить
на границе поля Половецкого,
с вами, русичи, хочу
или голову сложить,
иль шеломом Дону испить".

И отведать Дону желание
заслонило князю предзнаменование.

О Боян! Вот тебе бы те походы петь,
поскакав по мысленному древу,
полетав умом в подоблачье.

Ты б такую похвальбу сему времени свил,
рыща по тропе Трояновой
с поля на гору!

Ты бы так воспел князя Игоря:
"Не буря соколов занесла

через широкие поля!
Стаи галок бегут к Дону великому".
Или так бы начал ты, внуче Велесов:
"Кони ржут за Сулой -
звенит слава в Киеве,
трубы в Новограде трубят,
стяги в Путивле стоят!"

Игорь ждет брата милого Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
"Один брат, один свет светлый у меня -
ты, Игорь!

Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, своих борзых коней,
а мои уж готовы -
ещё раньше у Курска оседланы.

Опытны куряне мои:
под трубами они повиты,
под шеломами взлелеяны,
с конца копыя вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли заострены,
сами скачут, как волки серые в поле,
ища себе чести, а князю славы.

И вступил Игорь-князь в злато стремя,
и поехал по чистому полю.

Солнце путь ему тьмой заступило,
стоном грозным ночь птиц пробудила,
свистнул зверь степной,

Див встревожился,
велит прислушаться земле Незнаемой -

Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тматороканский идол!

А половцы дорогой нетореною
к Дону великому бегут.
Крычат телеги в полуночи,
лебеди распушены.

К Дону воины Игоря идут,
а беду их птицы по дубам пасут,
волки по оврагам стерегут,
зверя клетотом орлы на кости зовут,
лисы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Ты уж за холмом!

Долго ночь меркнет,
заря свет сронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный смолк,
а говор галок пробудился.
Русичи червлеными щитами
поля перекрыли:
ищут себе чести, князю - славы.

Спозаранок в пятницу
потоптала Русь половецкие поганые полки,

стрелами рассыпавшись по полю,
помчала красных девок половецких,
а с ними золото,
и одежды,
и ткани дорогие.

Покрывалами,
плащами,
кожухами,
и всяким половецким узорочьем
стали по болотам
да по топким местам
мосты мостить.

А червлёный стяг,
хоругвь белую,
чолку червленую
да серебряное древко -
храброму Святославичу!

Дремлет в поле храброе Олегово гнездо.
Далече залетело!
Не было оно ни Обиде рождено,
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половец!

Гзак бежит серым волком,
Кончак путь ему правит к Дону великому.
На другой день спозаранок
зори кровавые поведали:
тучи черные с моря идут,
прикрыть хотят четыре солнца,

а в них сини молнии трепещут.

Быть грому великому,
идти дождю стрелами с Дону.

Тут копьям приломиться,
тут саблям притупиться
о шелома половецкие
на реке Каяле,
у Дону великого!

О Русская земля! Ты уж за холмом!

А ветры, внуки Стрибожьи,
веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.

Стонет земля под копытами,
реки мутью текут,
пыль поля покрывает,
стяги говорят:
половцы с Дону идут
и с моря,
и со всех сторон

русские полки обступили.

Дети бесовы кликом поля разгородили,
а храбрые русичи - червлеными щитами.

Яр тур Всеволод!

Ты стоишь, обороняясь,
прищешь стрелами,
гремишь мечом булатным о шелома!

Куда тур поскачешь,
золотым шелома освещивая,
там головы лежат половецкие.

Саблями калеными ты посек шелома оварские,

яр тур Всеволод!

Не каешься ли, брат,
что забыл честь, достоинство
золотого стола отцовского в Чернигове
и милой своей, любимой,
прекрасной Глебовны
свичаи, обычай?

Были века Трояновы,
минули годы Ярославовы,
были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот Олег мечом смуту ковал,
стрелы по земле сеял.

В Тмуторокане вступит в стремя золотое,
звон слышит давний великий Ярослав.

А Всеволодов сын, Владимир
уши по утрам в Чернигове закладывал.

Бориса ж Вячеславича похвальба

на божий суд привела
и покрывало погребальное зеленое
на Канину постлала
молодому князю храброму
за обиду Олегову.

С той Каялы Святополк
повелел отца привезти
меж венгерскими конями-иноходцами
ко святой Софии в Киев.

Тогда, при Олеге Гориславиче,

засевалось, прорастало усобицей,
погибало достоянье Дажьбожа внука.
В смутах княжеских жизнь людская сокращалась.
А по Русской земле уж редко пахари покрикивали,
чаще вороны каркали,
когда трупы меж собой делили,
а галки свою речь заводили,
на добычу собираясь.

То было в те рати и в те походы,
о такой, как нынче, рати и не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до свету
летят стрелы каленные,
гремят сабли о шеломы,
трещат копыя булатные
в поле Незнаемом
среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костью людской посеяна
и кровью полита.
Горем взошла она на Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит -
издалёка рано до зари?
Полки Игорь заворачивает -
жаль ему мила брата Всеволода.
Бились день,
бились другой;
а на третий к полудню пали стяги Игоревы.
Тут двух братьев разлучили у Каялы быстрой,
тут вина кровавого недостало,

пир закончили тут храбры русичи:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
в горе деревья к земле приклонились.

Невеселая, братья, година настала,
уж пустынею войско прикрыло.
Встала Обида в войсках Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояна,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеском прогнала времена обилия.
Сгибла борьба князей против половцев,
ибо брат брату сказал:
"Это моё, и то моё же".
Стали князья про малое
"се великое" говорить,
смуту ковать.
А поганые со всех сторон шли с победами
на землю Русскую.

Далеко залетел сокол, птиц сбивая, - к морю!
Да полку храброго Игоря не воскресить!
Кликнула Карна по нему
и Желя поскакала по Русской земле,
всё огнем погребальным истребляя.
Жены русские восплакались, приговаривая:
"Уж нам милых лад своих
ни мыслию не смыслити,
ни думою не сдумати,
ни очам не повидать,
и злата-серебра в руках не подержать".

Застонал, братья, Киев от горя,
Чернигов от напастей.

Разлилась тоска по Русской земле,
потекла печаль обильная.

Князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с победами на Русь набегали,
сами брали дань по белке от двора.

А храбрых два Святославича,
Игорь да Всеволод,
сами раздором смуту пробудили,
ту, что Святослав великий
киевский грозный усыпил:

на землю половецкую наступил,
реки и озера возмутил,
болота иссушил,

холмы да овраги притоптал,
а поганых сильными полками
да булатными мечами потрепал.
А Кобяка поганого из лукоморья,
из полков железных половецких
вихрем выкинул.

Пал Кобяк в граде Киеве,
в Святославовой гриднице.

Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравцы
поют славу Святославу,

корят князя Игоря,
что богатство потопил на дне Каялы,
злата русского попросыпал.

Тут и пересел Игорь-князь из золотого седла
в седло рабское.

297

Приуныли у градов забрала,
сникло веселие.

А в Киеве на горах
князь Святослав видел смутный сон,
будто он на кровати тисовой лежит,
черным покрывалом накрыт.

Черпают ему синее вино,
с горем мешаное,
сыплют крупный жемчуг на грудь
из пустых колчанов половецких
и "нежат меня"!

А в златоверхом тереме
уж крыши без князька,
уж сняты доски загодя.

Всю, мол, ночь вороны серые каркали,
по оврагам бранились,
лишь к утру угомонились
и к морю унеслись.

И сказали бояре князю:

"Горе ум тебе, князь, помутило.

Горе сердце твоё полонило.

Тож два сокола слетели

с золотого отчего стола,

чтоб Тматороканя-града добыть

иль шеломом Дону испить.

Сабли поганых крыльца соколам подсекли,
а самих железами опутали "

Темно было в третий день:

солнца два померкли,

два столпа багряные погасли,

298

а с ними молодых два месяца -
Олег да Святослав.
Тьмою их заволокло,
в море погрузило,
а в хинови буйство пробудило,
словно барсовым гнездом,
половцами Русь заполонило.
Пал позор на былую славу русичей;
пожрала неволя волю.
Див на землю Русскую спустился.

А девы готские красные
на бреге моря синего,
русским золотом звеня,
воспевают время Бусово.
А нам уж, дружие, не до веселья!

Тогда великий Святослав
изронил слово-золото,
со слезами мешанное,
и сказал:
"О дети мои, Игорь, Всеволод!
Рано вы мечами земле Половецкой
обиду стали творить,
себе славы искать.
Нечестно вы поганых одолели,
кровь нечестно поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из булата крепкого скованы
и в смелости закалены.
Что ж вы с сединой моей
серебряной сделали?
Не вижу власти

сильного и богатого,
воями обильного
брата моего Ярослава,
с боярами Чернигова
с воеводами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.

Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликом полки побеждали,
прадедовской славою звеня.
Но сказали вы: "Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!"

А разве дивно, братья,
мне, старому, помолодеть?
Коли сокол линяет,
высоко он птиц взбивает:
не даст в обиду своего гнезда!
А мне князья давно не помогают!
Худые настали времена!
Вот уж и у Рима под половецкой саблей
стали русичи кричать.
А помощи неоткуда ждать!
Владимир ранен!
Горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод!
Неужель и мысленно тебе
не прилететь издалека

стол отчий золотой поблудсти,
от половца поганого спасти?
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать!
Дон шеломом вычерпать!
Иль живыми копьями посуху метать
удальными сыновьями Глебовыми!
Был бы здесь -
и была бы раба по ногате,
а раб по резани.

Ты, буйный Рюрич, и Давыд!
Не ваши ль воины
злаченными шеломами по крови плавали?
Не ваша ли дружина храбрая
рыкает, как туры,
раненые саблями калеными
на поле Незнаемом?
Вступите ж, господа, в златы стремена
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь
на златокованном столе,
подпираешь горы Угорские
железными своими полками,
заступил королю путь венгерскому,
затворил Дунаю ворота,
мечешь тягости сквозь облако,
суды правя до Дуная -

угрозы твои по землям текут!
Отворяешь Киеву врата,
салтанов стреляешь с отцова злата стола.
Стреляй же, господин, в Кончака,
раба поганого,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
храброго Святославича!

А ты, буй Роман, и Мстислав!
Высоко отважные взмываете,
соколами на ветрах парите -
птицу в храбрости превзойти хотите.
Есть у вас железные молодцы
под шеломами латинскими.
Дрогнула от них земля,
и страны многие -
Хинова,
Литва,
Ятваги,
Дремела.

Копья половцы пред ними сложили,
головы свои подклонили
под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
деревья не к добру листву сронили:
по Роси и по Суле города поганые поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет,
зовёт князей на победу!
Ольговичи храбрые подоспели на брань...

Ингвар и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Да не по праву, не победами
власть себе вы расхитили!
Где шеломы ваши золотые,
копья польские и щиты?
Заградите половцам ворота
стрелами острыми
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
храброго Святославича!

Уж не течет Сула серебряной струей
к Переславлю граду,
и Двина стоит болотом
для грозных полочан
под кликом поганых.
Лишь один Изяслав,
сын Васильков,
прозвенел мечами острыми
о шеломы литовские,
приумножил славу предка своего Всеслава,
а сам под багряными щитами
на кровавой траве
мечами литовскими порублен.
Дружину твою, княже,
птицы крыльями приодели,
а звери крови полизали.
Не было тут брата Брячислава,
ни другого - Всеволода.
Изронил он в одиночестве

303

душу жемчужную
из тела храброго своего
через золото ожерелье.
Приуныли голоса,
веселие поникло,
трубы победителей трубят!

Ярослава внуки и Всеславовы!
Склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи поврежденные.
Лишились вы славы дедовой.
Это вы раздорами поганых навели
на землю Русскую,
на богатство Всеславово.
Из-за вас насилие настало
от земли половецкой!

На седьмом веку Трояновом
кинул жребий Всеслав
на девицу ему любую.
Скакнул к граду Киеву
и добился хитростью
престола золотого киевского.
А оттуда зверем лютым из Белграда,
мглою синюю ночной объятьи,
счастье добыл,
в три удара врата Новгорода отворил,
разбил славу Ярославу,
скакнул волком до Немиги с Дудуток.

А на Немиге снопы стелят головами,
молотят их булатными цепами,
веют душу из тела на току.

304

Берега кровавые на Немиге
не добром посеяны -
костьми русских сынов.

Всеслав-князь суд людям правил,
города князьям рядил,
а сам волком в ночи рыскал:
дорыскивал до петухов из Киева к Тмутороканю,
великому Хорсу волком путь перебегал.

Ему в Полоцке к заутрене
в колокола звонили рано,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа в храбром теле у него,
но и сам частенько от бед страдал.

Разумный Боян
уж давно ему припевочку сказал:

"Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божия не миновать".

О долго стонать земле Русской,
поминая первые години
и первых своих князей!
Того старого Владимира
к киевским горам
было не пригвоздить.

А теперь стяги Рюриковы и Давидовы
встали рядом,
а знамена развиваются врозь!
И копя врозь поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,

305

одинокую кукушкой кукует:
"Полечу, - говорит, - по Дунаю,
омочу рукав шелковый в реке Каяле,
оботру кровавы раны князя
на могутном теле его!"

В Путивле Ярославна плачет рано
на стене городской - на забрале,
приговаривает:

"О ветер, ветрило!
Ты зачем, господине,
на легких крыльицах своих
вещь стрелы хиновские
против воев лады моего?"

Иль под облаками тебе мало веять,
на море синем корабли лелеять?
Ты к чему моё веселие, владыко,
разнёс-развевял по ковылю?"

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривает:

"О Днепр Славутич,
ты пробил камень-горы
в Половецкой земле,
ты лелеял на себе
святославовы лады до Кобякова стана.

Прилелей же, господин, и ладу...
ладу моего ко мне,

306

чтоб не слала на море слёз к нему я
раным-рано!

В Путивле Ярославна плачет на забрале,
приговаривает:

"Светлое, трисветлое солнце!
Всем тепло ты и прекрасно!

Ты зачем лучи горячие, владыко,
на воев лады моего наслал?
Жаром, жаждой луки им скрутило!
Горем колчаны забило!"

И... брызгом прыснуло вдруг море в ночи!

Тучами смерчи над морем пошли!..

То мольбу её Господь услышал!

И путь князю Игорю указал
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к золотому отчему столу!

Погасли вечерние зори
Игорь спит,
Игорь бдит,

Игорь мыслью поле мерит
от великого Дону до малого Донца.

В полночь свистнул за рекой Овлур коня;
велит князю разуметь:
не быть ему в плену!

Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,

шатры половецкие задвигались.

А Игорь-князь уж скачет
горностаем к тростнику,
белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня,
соскочил волком серым.
Побежал к излучине Донца,
соколом взлетел под облака,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
к обеду,
к ужину.

Игорь соколом летит,
Овлур волком бежит,
росу студеную собой сбивая:
борзых коней своих надрывая.

Говорит Донец:

"Княже Игорь!

Иль немало тебе славы, величия,
Кончаку нелюбия,
а земле Русской веселия?!"

Отвечает Игорь:

"О, Донец!

И тебе немало славы, величия.
Ты лелеял князя на волнах,
стлал ему зеленую траву
на серебряных своих берегах,
теплыми туманами одевал
под сенью дерева зеленого,
стерег гоголем на воде,
чайками на струях,
утками на ветрах".

Не такова, мол, река Стugna
с худой струей:
поглотила ручьи чужие и протоки,
к устью своему расширилась,
князя-юношу Ростислава утопила.
Плачет Ростислава мать на берегу Днепра.
Уныли цветы от жалости,
древо печально к земле приклонилось.

Не сороки то застрекотали -
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Вороны тогда не каркали,
сорочье не стрекатало,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь к реке указывали
да песнями веселыми соловьи
рассвет возвещали.

Молвил Гзак Кончаку:
"Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
золочеными своими стрелами".
Говорит Кончак Гзаку:
"Если сокол к гнезду летит,
соколенка красной девицей опутаем".

И сказал Гзак Кончаку:
"Коль опутаем его красной девицей,
ни соколенка,
ни девицы не будет,
и почнут птицы бить нас
в поле Половецком".

И сказали Боян и Ходына,
песнотворцы Святославы,
Ярослава времени старого:
"Тяжко голове быть без плеч,
беда телу без головы -
так и Русской земле без Игоря".

Солнце светит в небесах,
а Игорь-князь уж на Русской земле;
поют девицы на Дунае, -
вьются голоса их через море до Киева.
Едет Игорь по Боричеву
ко святой богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши славу старым князьям
и молодым петь:
Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу.
Князьям слава и дружине!
Аминь!

**Краткий словарь
великорусского языка
к "Слову о полку Игоре"**

Источники:- Словарь древнерусского языка(11-16вв.).

- В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.
- Краткий церковно-богослужебный словарь и др.

Аминь - да будет так!

Бяшеть (бьякать) - говорить невнятно, мямлить, ронять с грохотом.

Бещевать - браниться.

Боян - внук языческого бога Велеса, **хоть** - любимец княз Олега Гориславича.

Бус - возможно, антский князь.

Бьякать - ронять с грохотом.

Вои - воины.

Гзак - половецкий хан.

Горы Угорские - венгерские.

Дажьбог - языческий бог русских, русичи - его внуки.

Дети бесовы - половцы.

Див - зловещее мифическое существо, сочувствует восточным народам.

Дудутки - возможно, местность под Новгородом.

Жемчуг - символ слез.

Забрало - выступ на городской стене, по нему ходили.

Земля Троянова - Русь.

Ковуи - враги из своих язычников.

Князек - часть крыши, где сходятся стропила, снимали его при выносе покойника из дома. Во сне - предвестник несчастья.

Крычат телеги полунощи лебеди распущены

- по В.И.Далю - крычат - от слова кретать или крячить (тащить, везти тяжелую ношу. Скрытать воз - навалить его. Кряч - закрутка, завертка, палка.

Крячем - затягивается веревка на возу.

Лебедь - рукоять ворота, изогнутая в виде лебединой шеи, используется как кряч.

Кощей - раб.

Не лепо - мямлить, говорить невнятно, несвязно, искажая слова.

Могуты (и др. в перечне) - племена степных кочевых народов, из них русские собирали полки.

Мыть - линька.

Ногата и резаня - мелкие монеты.

Обаполь(обаполь) - попусту, без пользы, напрасно.

Обида - языческая богиня, Желя и Карна - все они олицетворение кары и скорби.

Овлур - половец, бежавший на Русь вместе с гаремом.

Повиты - обряд повивальной бабки при рождении ребенка.

Полк - поход, войско, сражение, сборище.

Поострить - побудить усердие.

Рассушась - рассыпавшись.

Рим - город.

Салатан - султан Саладин.

Сваты - здесь родственники русичей из половецв, русичи часто женились на половчанках.

Свист звериный - свист сусликов в степи.

Троян - бог языческий.

Труд - работа, подвиг.

Хинове - восточные народы.

Хорс - славянский языческий бог.

Хоть - любимец.

Червлена челка - бунчук, конский хвост на древке ярко малинового цвета. Знак власти.

Четыре солнца - Игорь, его брат Всеволод, Святослав Ольгович (их племянник), Владимир - сын Игоря.

Чти - честь.

Шарукан - дед хана Кончака.

Ятвяги - литовское племя.

Об авторе пересказа

На краеведческой конференции в Нерехте в 2008 году моё внимание привлекла очень веселая, общительная и живая женщина небольшого роста с непристойной мелодичной речью, включающей много присказок и нечасто употребляемых образных слов. Она охотно рассказывала о себе, и всё это показалось очень знакомым. Ну, конечно, на Всероссийской конференции

исследовательских работ школьников по краеведению в 2005 году именно ей, Алевтине Николаевне Алферовой, была посвящена работа Ирины Баскаковой "Творческий путь нерехтской сказительницы А.Н.Алферовой".

Ещё тогда удивилась, что этот непоседливый человек, имея "охоту к перемене мест", за свою жизнь двадцать шесть раз менял место жительства, переезжая из одного города в другой, меняя профессии. Родилась в Москве, военные годы провела в Чистополе, высшее образование получила в Ярославле. Работала учителем географии, начальником производственно-технического обучения на шинных заводах, увлекалась математикой, трудилась лесоводом под Ростовом, была внештатным журналистом районной газеты в Кингисеппе, редактором Ярославского книжного издательства, в Пензе стала театральным обозревателем. Там же получили признание её первые сказы. Потом город Волжский Волгоградской области и, наконец, Нерехта.

Удивительным языком говорит наша героиня: всё у неё музыкально переливается, плывет, редко слышимые слова в ежедневном обиходе завораживают своим волшебным сказочным звучанием. А настроение всегда на подъёме, словно в словах этих черпает она свою силу. Алевтина Николаевна делится своим опытом, как же она справилась с таким сложным жанром, как сказы. Оказывается, не только сюжет, но и образы, слова необходимо привести в чёткое соответствие, а именно ритм становится важной составляющей сказовой речи. От этих сказов веет стариной.

К 1000-летию города Ярославля, давшего ей путевку во взрослую жизнь, приготовила Алевтина Николаевна необычный поэтический подарок - в сказовой манере пересказ "Слова о полку Игореве". Надеемся, что любите-

лям русской литературы он может стать приятным подарком, а школьникам - хорошей подмогой в освоении школьной программы.

Г.В.Великовская

Алевтина Алферова

Илья Муромец

сказ-самовяз

Нерехта 2011г.

Рассеюшка моя родимая!
Земля богатая, дивная!
На богатства твои вороги
зарились,
Воевать тебя приходили!
Не победили!
Потому как в мире нет
и не было никогда
сильнее Русича-богатыря!

Средь дремучих лесов,
на Оке-реке
город древний невелик стоит,
да слава о нем по земле бежит,
на крыле летит -
удаль русскую славит!

Здесь на Муромской земле,
в Карачарове-селе
в стародавние времена
богатырюшка родился,
что не ведал страху,
что единым махом
вражью рать
побивахом!
Славу Илье Муромцу пою!

Сильным, крепким сына
матушка родила,
да по оплошке ножки слабые
дитятку дала -
тело богатырское ножки не держали.
Ильками в народе убогих прозывали.
И пристало прозвище к молодцу
аж на тридцать лет,
что сидел на печи пустоцветом.

Но однажды жарким летом
вошли во двор калики перехожие -
с сумой такие по Руси ходили -
воды испить попросили.
А бедолаге и ведра не поднять,
и воды не подать.
Подивились калики, пошептались,
грозно приказали мужичине встать!

Страшно богатырюшке,
да послушаться божьих людей нельзя -
сердятся, чай, не зря!
Засмутился бедолага,
приспустил с опаскою ноженьки с печи,
тронул половицу одною ногой,
покряхтел, покарячился,
тронул другой
и... пошел вдруг к ведерку с водой.

С той поры богатырь крепко на ноги встал.
И, как повелось на Руси -
имя от прозвища давать -
с той поры богатырюшку
Ильёю стали звать.
Ильёй Муромцем!

Храбр и силён богатырь
и умом горазд,
и жеребчик под ним неказист, да лобаст.
Бурушкой его назвал,
в Киев на Бурушке косматом поскакал,
где Владимир-князь
дружину собирал богатырскую.

Гладкая дорога под копытом лежит,
Бурушка скорехонько по ней бежит.
Да лес обступил вдруг дремучий,
куст колючий.
В деревьях гнездо воронье висит.
Соловей-разбойник во гнезде сидит.
Кричит злодей по звериному,

свистит по соловьиному.
Дерева от крика ломаются.
Кони от свиста спотыкаются.
Люди замертво падают с седла.
А дорога-то до Киева всего одна.
Есть окольная,
что на полтыщи верст длинней.
Неспособно богатырюшке скакать по ней -
Киев его дожидается.

А злодей над Ильёй насмехается,
свистать нахвальщик обещается.
Да свиста Илья дожидаться не стал,
лук из налучья скорехонько достал,
натянул шелкову тетиву,
да пустил каленую стрелу
Соловью-разбойнику в правый глаз.
И для левого стрелочку припас.

Завопил разбойник, пощады запросил.
Да не стал добивать его Илья,
приторочил к стремени Соловья,
дальше поскакал,
только ветер в ушах свистал.
Прибыл в Киев,
а князь богатырюшке вроде бы и рад,
да сомненье берет -
неужто богатырь не врет?
Неужто один победил Соловья?

Божится Илья!!!
Сам, мол, сам злодея стрелял,
сам, мол, Соловья вязал,
а не веришь, выйди, князюшка, во двор,
на дворе твоём вор.

И впрямь во дворе
богатырский конь стоит,
притороченный к стремени
разбойник блажит.
Подошел к нему князь, удивляется:
"Сей сморчок над людьми изгаляется?"
Ну-ка свистни, мол, единый разок!
Прищурил Соловей остатний глазок,
поднатужился...
дунул во всю мочь...
И настала на земле непроглядная ночь.
Солнце заволок густой туман.
Ветер-шайтан крыши с домов
стал срывать,
до смерти людей пугать.

Только Бурушку не испугала мгла,
закусил конь Ильёв удила
и лягнул разбойника промеж глаз.
В тот же час засияло на небе солнце,
разбежался туман.
И лежал на земле
злодей-басурман -
никому не страшный,
жалкий старичишка
с огромною шишкою во лбу.
Клял он горькую свою судьбу,
слово давал - никогда не свистать.
Да злодею нипочем нельзя доверять.
Потому Илья, как в награду от князя
меч булатный получил,

самолично голову разбойнику срубил.
И не стало страхолюда на земле.
А Илье приказал Владимир-князь
во главу дружины богатырской встать,
Русь от ворогов охранять
до последней капли кровушки.

Могуч Илья,
ровно скала над конем возвышается,
чобот богатырский в стремя упирается,
плеточкой палица на руке висит.

Дружина богатырская под Киевом стоит.
Илья в ней теперь атаман,
Добрыня - податаманье,
Алеша Попович - есаул.
Честно дружина несет караул.

Каждая богатырская стрела вражину жалит,
каждая палица врага насмерть бьёт.
Надежен государев оплот.

Да Алешенька на князя как-то шибко осерчал -
на почестен пир богатырюшку князюшка позвал,
да на место почетное не посадил.
Бояре у князя во главе стола,
им и почет, и золотая деньга.
У них вся власть, от власти сласть.
И служивым в ту масть не попасть.

А Илью князь и вовсе на пир не позвал.
Тоже атаман осерчал:

голь кабацкую по Киеву собрал
и ... загулял.
Пела, плясала всю ночь гольтыба,
била во все колокола,
набатов звучал
колокольный звон.
Потерял Киев сон.
А на утро князь разъяренный
в погреб студёный
атамана на три года заточил
и кормить запретил.
Пусть, мол, буян отдыхает.

А княгинюшка тяжко вздыхает,
жалко ей богатыря.
Нравится ей Илья -
добрый, надёжный человек.

Недолг человеческий век,
не должно его коротить!
И решилась княгинюшка атаману подсобить:
заказала поддельные ключи,
верных людей просила помогчи -
одеяла, перину
в погреб Ильюшеньке спустили,
постельюшку Илье утеплили.
Дочка князева его навещает.
А он ей старины напевает,
что ещё дед певал.

Далеко-далёко, мол, в синем море,
на морском просторе
плавает рыба кит.
Остров Буян на ките стоит.

- И папенька буйном тебя называет -,
княжна его прерывает.
- Заслужил, -
хмурится Илья.
Дальше просит петь дитя.

- Камень на том Буяне лежит -
всем камням мать.
Алатырем камень звать.
Задолго до ныне,
незнамо в каком году,
бушевала непогодушка
в небесном дому,
рвала с цепи ветры буйные,
громычала ярой молнией:
то серчал, лютовал Небо-Царь.
Без его, вишь, без отцовского согласия
в море-окияне,
на острове Буяне

рожала Мать-Сыра-Земля
диковинный росток.
За вершком вершок
подымалось дитя над Матушкой,
пуповиною срасталось с Небом-Батюшкой,
не бывать Небу боле вольным казаком,
не гулять по свету быстрым облаком.
Гневался Царь,
гнул-ломал упрямый стебелек,
да сгубить непокорного не мог.
Росло дитё, мужало,
кроною могучей Землю покрывало.
Мировым выросло деревом,
приютом зверевым,
птиц летучих,
гадов ползучих.
Пчела в кроне зажужжала,
бабочка в кроне запархала -

всякой твари нашлось в нем местечко.

Вышла Матушка как-то на крылечко,
умилилась благодати,
прилегла сердешная в тенечке отдохнуть.
Да не успела глаз своих сомкнуть:
кто-то на ухо наступил,
ветку заломил,
корье с дуба ободрал,
траву стоптал.
Тогда и родила она себе помощничка
обо двух ногах, обо двух руках,
чтоб ногой ходил,
чтоб рукой водил.
А тот-несмышлениш –
с одними задружил,
стал с руки кормить.

А другие-завидущие –
стали тем холопам мстить.
И полилась кровь рекой –
око за око, зуб за зуб!

Не стал человек Матушке подмогой.
И хоть любая тварь на ладошке у Бога,
да за каждым кустиком не уследить.
Пришлось доглядчиков особых народить –
тоже богов, но чином пониже,
достоинством пожиже:
хозяев крепких - и в лесу, и в дому.
При них лес в грибах утоп,
болото утицей закрякало,
речка рыбой закишела,
но больше одной на нос – не брали,
в лес с двумя кошелками не ходили: засмеют!
Чай, мол, рот – не шире ворот!

На небесах Ярило стал доглядчиком заглавным.

Бог справный,
на Землю, бывалочи, идет –
весну на руках несет.

Оба молодые, жаркие.

Где пройдут –
хлеба в рост пойдут,
разноцветье расплеснется.
Все зарадуется, засмеется!

Ярило Весну-красну принес!
Без него б и поле не ярилось,
и дитя не родилось.

- Дяденька Илья, бабушка говорила,
что Ярило самый красивый из богов!
- И самый озорной!

А Велес – совсем другой,
бог степенный,
силушки отменной –

звериный да скотий доглядчик.

Радетель людской любимый,
заботник об их достатке.

Землю содержал в порядке.

Медведем перекинется –

в шубе медвежьей ходит,
глазом нерадивых буровит.

От него не затаишься, не утекешь.

Всемогущий Бог!

Сам любую травку знал,
болезных лечил
и людей научил.

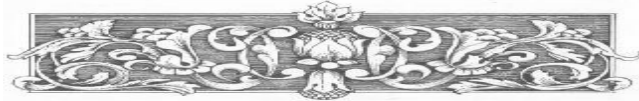

А Лешак – в доску свой,
хоть и Царь Лесной:
бражку пьет,
песню во хмелю орёт,
до баб – озорник,
а с виду – мужик как мужик.
Обычного роста,
одет просто –
в лапти да кафтан,
на голове колпак,
да ... все не так!
Лицом синь
от синих кровей,
сверлячий глаз,
ни ресниц, ни бровей.
По телу мох да кора,
сивая борода.

Правую полу на левую кладет -
народ забавляет.
Так чудимые и средь людей бывают.
На кой ляд в пупочек
втыкали звоночек?!
Деток Леший растит
и своих, и приبلудных,
которых люди бросают иль проклинают.
А у Лешего сироты горя не знают:
сыты, обуты, одеты,
к делу приучены,
уму-разуму научены.
Евонных девок замуж
деревенские охотно брали.
Знали - от такой бабы
будет прок.

- Дядя Илья! Ты-то всё откуда знаешь?
Что-ли сам язычником был?

- Конечно, был.

- И в церковь не ходил?

- Так ноги ж меня не носили.

А боги язычников рядышком жили -
и в избе, и во дворе.

Сам я их, конечно, не видал,
но знал - они со мной завсегда.

- И ты в них верил? - удивляется княжна.

- А как же?

Про Христа ещё толком ничего не знал.

Но в Киеве однажды услышал
колокольный звон.

Динь-дон, динь-дон - колокол пел.

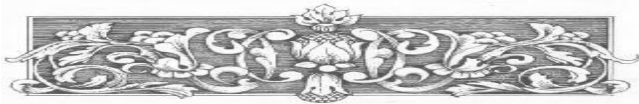
Из облаков на меня смотрел
чей-то внимательный глаз.

Он глядел на меня,
я глядел на него...
Больше не помню ничего.
Очнулся в церкви.
Батюшка надо мной стоял,
божьем избранником меня называл.
Он же меня и крестил.
Дед мне крещения не простил.
Язычником жил, язычником помер.
А старины, что пел,
я запомнил.

Живет богатырюшка в погребке,
сильно тужит,
что матушке Руси не служит.
А в стольном Киеве - беда! беда!

Калин-царь пятою на Русь наступил,
с войском под Киевом стоит.
Киев разорить грозит,
божьи церкви на дым пустить,
князёву семью погубить.

Грамоту посольскую вражина прислал,
киевлянам приказал:
улучки стрелецкие повычистить,
в бочках хмель по улочкам выставить.

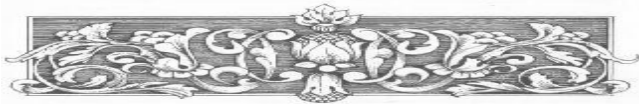
А Добрынюшка в отъезде,
Алешенька на князюшку сердит.
Душенька у князюшки болит -
за малую провинность
в погреб Илью посадил,
удалого казака в погребе сгноил.

Некому Калина от Киева прогнать,
некому за стольный град постоять.
А детка малая вдруг и говорит:
Не сердись, мол, батюшка на меня -
жив-живехонек дяденька Илья.
Обрадовался князюшка,
к погребу студеному побежал,
Илью-богатыря обнял:
Не держи, мол, Илюшенька зла на меня.
В Киеве, Илюшенька, у нас беда!
Налетела на Киев басурман орда:
от силушки той черным-черно,
на улицах от них тесным-тесно.
И некому её усмирить,
некому её победить.

Будто обручем сердце
богатырюшке сжало,

будто обручем сердце сковало.
Вскочил на коня и поскакал
собирать богатырскую рать.
В бой кровавый против Калина-царя
атаман дружину сам поведет.

Раным-рано заря над землю встает,
раным-рано птаха в небе запеваает -
утро Матушка-земля встречает.
Что Рассеюшке оно сулит?

А на князевом подворье
рать богатырская уже стоит.
Позвал атаман и тех, кто умел кусать,
когтем рвать, ногою топтать.

Трубили трубачи вселенский сбор!
Не вмещал защитников княжий двор.
Страх царя Калина обуял:
- Что за сила?!
Её убивают, а она не убывает!

А Бурушка Илью убеждает:
- Беда нас с тобой ожидает.
В поле басурман подкопы нарыл -
одолеть их мне не хватит сил.
Только в первые два провалюсь -
и сам спасусь, и вынесу тебя.
Не поверил Бурушке богатырь, а зря!
Из третьего подкопа
не выбрался Илья.
Захватил его Калин-царь.

Ноженьки сковал,
рученьки повязал,
уговаривать стал:
накормлю, мол, напою,
озолочу.
Не служи Владимиру,
служи Калину-царю.

Не будет Илья басурманам служить,
будет Илья насмерть их бить.
Поднатужился, поднапружился,
богатырской палицей
вражин разметал,
Калина-царя повязал.
Тот и заскулил,
пощады запросил,
дань платить обещал,
внукам-правнукам завещал
с мечом на Русь веки-вечные не ходить.

Наступил мир на Руси.
Нету больше у неё врага,
нету больше Калина-царя!
И устроил князюшка пир на весь мир!
Атамана посадил во главе стола.
Выпил только чарочку одну Илья
и к Бурушке спешит.
А Бурушка пластом лежит!
Глаз конев слезу точит.
- Что ж ты плачешь, Бурушка?
Аль победе нашей не рад?
Весь Киев-град сегодня веселится!
- Подай, Илюшенька водицы.
Отбегался, отпрыгался твой Бурушка,
третий подкоп погубил меня.
Рассердился Илья:
- Мы же Калина с тобою победили!
Мы же Русь от татар освободили!
Земелюшку поедем пахать!

- Жаль, богатырюшка, но мне уж не встать!
Отбегались мои ноженьки,
отскакался Бурушка!
Прикрылся веком глаз со слезой,
вздыхнул напоследок конь удалой
и отошел в мир иной.

Тихо в церкви лампада горит,
тихо в церкви Илья стоит,
тихо богатырюшка с Богом говорит:
- Ни отца, ни матушки,
ни жены у меня.
Потерял я даже верного коня.
Осиротел, один как перст на земле.
Господи, позволь послужить тебе!?

И склонил головку ломпадный огонёк
и услышал богатырюшка тихий голосок:
- Не плачь, дяденька Илья!
Буду молиться за тебя
каждый день!
И спустилась над седою головой
Божией руки сень.

Илья Муромец - святой преподобный Киево-Печерского монастыря причислен к лику святых в 1643 г.. Мощи его хранятся в одной из пещер монастыря. Над гробницей висит образ святого Ильи Муромца. Родился около 1063г., умер в возрасте 45-55 лет. Монашеский сан принял в 1116 году.

Между тем русские летописи не упоминают его имени. Зато он является главным действующим лицом не только наших былин, но и германских эпических поэм XIIIв., основанных на более ранних сказаниях. В них он представлен могучим витязем, княжеского рода Ильей Русским. В документальном источнике имя этого известного героя впервые упомянуто в 1574г. Посланник римского императора Эрих Лассота, посетивший Киев в 1594г., оставил описание гробницы Ильи Муромца, находящейся в богатейшем приделе Софийского собора. В 1988г. Межведомственная комиссия Минздрава УССР провела экспертизу мощей святого Ильи Муромца. Для получения объективных данных применялась самая современная методика и сверхточная японская аппаратура. Результаты исследований поразительны.

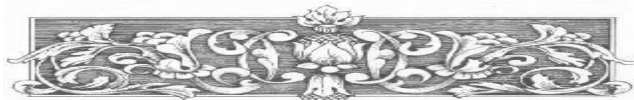

С современной точки зрения, росту богатырь был чуть выше среднего - 177 см, но в XII веке такой мужчина считался великаном, (и даже спустя 350 лет после гибели Ильи Муромца, в 1584 году, проезжий львовский купец Мартин Грюневег был поражен "мощами великана" древнерусской истории).

Впрочем, телосложением Ильи Муромец действительно отличался от обычных людей - он был "ладно скроен и крепко сбит" - "косая сажень в плечах", как говаривали в старину. Феноменальная сила богатыря передалась по наследству и его далеким потомкам - роду карачаровских селян Гуциных, которые вполне могли, как их великий предок, в прошлом веке сдвинуть груз, который был не под силу и лошади.

Анатомы отметили в поясничном отделе тела Ильи искривление позвоночника вправо и явно выраженные дополнительные отростки на позвонках, затруднявшие движение богатыря в молодости вследствие ущемления нервов спинного мозга.

О том же, кстати, повествуют былины, отмечая, что "тридцать лет сиднем сидел Илья и не имел в ногах хождения". И только "калики перехожие" - народные целители - вправили Илье позвонки и отпоили целебным травяным отваром, благословив его на ратные подвиги. Период жизни Ильи Муромца с 1148 по 1203 годы.

Возраст былинного богатыря специалисты определили в 40-45 лет плюс 10 лет ввиду его специфического заболевания. По методу реконструкции мягких частей лица по черепу известного антрополога М. М. Герасимова, ведущим специалистом в этой области, криминалистом и скульптором С. Никитиным был воссоздан скульптурный портрет Ильи Муромца.

По материалам Интернета.

353

354

ИЗ

АВТОРСКОГО

АРХИВА

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ТАЛАНТА

«Сказительница 21-го века, Алевтина Николаевна Алфёрова, живущая в Нерехте, стала членом Союза писателей России», - писала газета «Нерехтская правда» от 21.02.03. Да, это почётное и ответственное звание – официальное признание таланта Алевтины Николаевны.

Сказ – жанр необычный, это поэтическое сказание. Основа сказов Алфёровой – реальность русских традиций, обычаев, наши национальные корни. Герои рождены фантазией автора. Стиль её сказов можно сравнить с великолепным узором кружева, который увлекает, завораживает музыкальностью, не отпускает своей красотой. Удивительно и то, что смысл этих поэтических произведений, написанных подлинно русским языком, современен.

Большинство её сказов посвящены « ослушницам и смиренницам, затворницам и затейницам, чаровницам-лабёдушкам». И названы они женскими именами – «Лазоренька», «Феничка», «Паланя» и т.д.

На основе легенд и исторических документов родились сказы «...про зачин града Ярославова», «...про Кострому и икону её чудотворную», о ростовском озере Неро.

Интересен процесс работы сказительницы. Когда приходит тема, она буквально заболевает ею. На столе и на полках вырастает огромное число книг. Они разбухают от закладок, которые помогают быстро найти

толкование того или иного имени, обычая и сопоставить с другим источником.

Знание истории, русской литературы, колоссальный труд над стилем, словом делает каждый сказ кровно связанным с делами и преданиями предков...

Я позволю себе привести некоторые материалы из архива А.Н. Алфёровой, цитаты из публикаций, рецензий, отзывы слушателей.

И.Лешкова

Поэтический сказ звучит в «Русинке»

...В зал вошла маленькая, пухленькая, с голубыми лучистыми глазами и доброй улыбкой женщина. И уже не надо было настраивать публику на особый лад: ребята догадались – будет что-то волшебное, сказочное.

Но самым неожиданным для присутствующих был слог, строй сказа. Ну, где ещё услышишь такое?

Жили-были три братца, три молодца.
Собой ладные, пригожие,
Да нравом несхожие:
Петюня молчун,
Мартынка драчун,
Но власть держал Егорша –
Кулак твёрже. Не забалуешь!
Всерьёз за грудки и не хватались –
Помаленьку дрались.

Или

Травы шёлковые пред ними расступаются, рыбы-звери морские разбегаются: донесла их дорожка до морского дна. Пригляделась Паланя и увидела:
лежит в мягкой ямке жаба жирная, бесхвостая, кожа острым пупырём крытая, рюхо в три кадушки свитое, нос свинячий, в мелку дырочку посапывает. Ну, и страшилице!

Г.Солодовникова, главный методист

ДЮЦ «Русинка», г. Волжский,
Волгоградская обл.

Волшебное слово сказительницы

Как может выглядеть сказительница, что слагает, вяжет эти строки:

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Царство было у него небогатое: берёзка, осина да дочка-сиротина, без мамыньки родимой выросла.

Вы, вероятно, сразу представите себе морщинистую бабушку в платке, с руками, огрубевшими от многолетнего крестьянского труда. И ошибётесь. Алевтина Николаевна Алфёрова – автор и исполнитель интересных поэтических произведений в духе русского

фольклора – вовсе и не такова. Руки у неё пухлые, проворные, лицо круглое, молоджавое, весёлое...

...Над языком своих произведений Алевтина Николаевна работает, как ювелир над алмазом. Перебрав иной раз десятки вариантов, прощупав каждое словечко выговором вслух, она находит, наконец, единственное нужное – не затёртое и не вульгарное – и приплетает его к прочим. Словарь В.И.Даля, другие словари – постоянные попутчики в её жизни. Как драгоценна сейчас эта чуткость и любовь к родному языку нашему.

Е.Винниченко, газета «Наш город», г. Волжский, Волгоградская обл. 21.08.97.

Не скоро сказка сказывается

...К творчеству подходит, как к святой обязанности. Никогда не ждёт вдохновения, а каждый день с четырёх до десяти утра сочиняет, после обеда правит, дорабатывает текст. Творческая лаборатория поэтессы весьма своеобразна.

Вот как она сама рассказывает о секретах творчества: «Не один месяц ищущая тональность сказа, ведь запев всё задаёт. Начала ехидничать, ёрничать, значит, так и будет до самого конца. Когда начинаю сказ, никогда не знаю, чем закончится – что будет, то и будет. Важно, чтобы он был подчинён главному принципу. Все мои сказы направлены против жадности во всех

её проявлениях. В жизни всё должно быть в меру. Жадность – наказуема. После запева работаю над лексикой: подбираю слова, которые буду использовать в сказе. Пользуюсь словами мне любимыми, в звучании того времени, но узнаваемыми.

Действия ещё нет, а у меня пачка страничек с отобранными словами, несущими признак старины, которые в предыдущем сказе не употреблялись. Когда сочиняю – с каждым словом борюсь и за каждое слово сражаюсь.

В сказе не должно быть ни одного пустого, не нужного слова. Слово надо разглядеть, а потом дыбом поставить. Подбираю такой синоним, чтобы даже затёртое, обычное слово зазвучало. Пишу в образе бабки Лукерьи. Надеваю личину, погружаюсь в этот образ и только тогда начинаю писать. Написанное проверяю на слух. Меняю ритм, чтобы не было монотонности. Пишу для сцены».

Сказы в исполнении Алевтины Николаевны Алфёровой – это настоящее представление, настолько богата интонациями и насыщена смыслом её речь...

Наталья Малякина,

газета «Неделя», г.Волжский, Волгоградская обл.

26.02.98.

Русские сказы волжанки

...Очень знакомая, приятная, добрая и какая-то вся домашняя, Алевтина Николаевна потрясла меня своим слогом.

Когда она читала сказы, ощущение было такое, как будто находишься на интересном спектакле.

Сказы А. Алфёровой настолько необычны и оригинальны, что, буквально, потрясают и завораживают. Уму непостижимо, как так можно писать. Какой талант у человека!

Что питает ум этой уникальной женщины?!

Диву даёшься, как она искусно складывает свои сказы, как фантастически интерпретирует обыденные простые слова, которые, выходя из-под её пера, становятся невиданными диковинками, как будто вытянутые из самой матушки-земли!

Т.Башлыкова,

Газета «Волжская правда», г.Волжский, Волгоградская обл. 28.03.98.

О награждении памятным знаком «Во славу города Волжского»

В номинации «Искусство» лучшими признаны ансамбль «Песенная россыпь» (руководитель Т.И. Игнатов) и сказительница А.Н. Алфёрова... Номинанты вправду были замечательные.

Сказительница-певунья Алевтина Николаевна Алфёрова, набравшая удивительной мудрости за «горбатую», по её словам, жизнь...

Газета «Неделя», г.Волжский, Волгоградская обл. 04.04.98.

Глубокоуважаемая Алевтина Николаевна!

Порадовали Вы своими сказами, дай Бог, чтобы Вам так писалось и писалось. Но «Современник», к сожалению, не тот, что прежде. Издаём очень мало, главным образом научно-познавательную литературу. Увы! Стихи только при спонсировании автора. Не обессудьте. Доброе слово найдёт путь к читательскому сердцу.

С искренним уважением

В. Серганова,

ведущий редактор издательства

«Современник».

...**Алевтина Николаевна**...не только пишет прекрасные сказы, но и умеет находить таланты и раскрывать их. Например, к её сказам для создания иллюстраций ей нужен был художник. На мехзаводе нашла она Александра Кручина. С подачи Алевтины Николаевны его работами восхищаются теперь не только в Нерехте, но и в Костроме, и в Ярославле.

«Нерехтская правда», г. Нерехта, Костромская обл.16.01.01.

В новый век с новыми удачами

Отдельного разговора заслуживает творчество Алевтины Николаевны Алфёровой из Нерехты. Она появилась на литературном горизонте совсем недавно, а её не надо учить азам стихосложения. Тем более, что Алевтина пишет не стихи, а поэтические сказы...Алевтине Николаевне удаётся соблюсти единство формы и содержания, построить интересный сюжет, вести строгий лек-

сический отбор. Её творчество удачно дополняет картину литературной жизни области.

Е.Разумов,

«Северная правда», Кострома, 26.01.01.

Сказительница

...Сказы во многом отличаются от сказок, в них словечко за словечко, строчка за строчку цепляются, переплетаются, и выходит рифма, складно течёт сказ, размеренно....

Мария Сокова,

«Нерехтская правда», г.Нерехта, Костромская обл.,16.10.01.

Алевтина Николаевна!

...Получила большое удовольствие от чтения Ваших сказов. Признаюсь, удивлена, так как давно не испытывала такого странного чувства, будто иду по мягкой, непрямой траве...Пахнуло на меня ароматом удивительной русской речи.

...Вы смелая! Жанр былины, сказания – сложен, не прост для восприятия закосневшего слушателя, привыкшего к лёгкому чтиву, заставляет читателя, то бишь слушателя, потрудиться, поднимает его восприятие до уровня высокой поэзии. Так осмелюсь назвать Ваши безупречные по стилю и певучести сказы.

...Я слышу тихий перебор струн. И Ваш голос... Вы были правы, голос нужен, и я читала сказы Вашим голосом.

Из письма Т.Пилипенко, нерехтской поэтессы.

Сказительница из Нерехты

... Видимо, пришло время и стечение обстоятельств нашей жизни для возвращения к подзабытым литературным формам. Если пробивается сказовый голос, сказовая мелодия, если народно-поэтические сказания рождаются вновь, мы должны отнестись к этому явлению заинтересованно, потому что оно, может быть, как и песни, баллады, былины в своё время выпевается по особому наитию и окажется через века народным эпическим окликом новых поколений. Сказовость всегда многозначительна и долговечна.

Порадуемся этому явлению на костромской земле и постараемся послушать в сказовое пение. В нём откроется нам давно прошедшее и забываемое, исторически обусловленное в начале века.

И отзовётся душа напевам, и каждый поймёт себя кровно связанным с делами, преданиями, былинами и песнями предков, ощутит в душе волнение узнавания и причастности к

самым значительным событиям, делам и творениям на родной земле.

Нет, не простое и не развлекательное это чтение. И подумать придётся над тем, чем заканчивается только что опубликованный сказ «Лазоренька» с посвящением современному русскому поэту Ю.П.Кузнецову.

Именно он заметил и оценил талант Алевтины Алфёровой при подготовке первой журнальной публикации. Прочитаем, осознаем иносказание. И увидим будущее не только своё собственное.

Прислушайтесь:

И пошли по жизни путём земным
Будущий пахарь и будущая мать.
Им ещё придётся страдать:

Жизнь не конфетка,
Не золотая монетка -
Бывает и знойно!
Прожить бы её достойно,
Уважая свою и чужую кровь!
Совет им да любовь!

М.Базанков,
Газета«СП-Культура» 11.02.02.

Москвичка с рождения

Семьдесят лет – это без сомнения, много, если душа не молода. Про женщину, о которой мы ведём наш «сказ», этого нельзя сказать. Энергична, умна. Эмоциональна. И, что особенно приятно нам, работникам библиотеки, - одна из активнейших читательниц. Много научной, исторической, художественной, краеведческой, фольклорной литературы пройдёт через ум и сердце этой женщины, прежде чем народится её очередное литературное дитя.

М.Рубцова,
«Нерехтская правда», г. Нерехта, Костромская
обл., 14.02.02.

Отзывы детей на сказы А. Алфёровой (из досье Нерехтского литературного музея)

...Автор сказа представляется мне добросердечным человеком, у которого в душе ещё играет детство – детские мечты и самые чистые чувства к родным и ко всему миру.

Голикова Екатерина,
Лавровская школа, 9 класс.

..Слушая сказ «Паланя», ни на минуту не перестаёшь удивляться его необычной смешливости, его фантастическим героям, которых я никогда раньше не встречала в других сказах.

Кузнецова Ирина,
Лавровская школа, 9 класс.

...Этот сказ удивителен. Он не похож своим стилем ни на народные сказки, ни на сказки Пушкина...А какие яркие, звучные, запоминающиеся имена у героев: Муравейка, Брюх, Паланя, Губаня!

Антонова Екатерина,
Лавровская школа, 9 класс.

Прочтите - не пожалеете

...Вспоминаю 8 января 2000 года. Рождественская гостиная в городской библиотеке. Новый сказ А. Алфёровой. Новая тема, новый сюжет, новые герои. Всё новое. Мы, первые слушатели, были приятно удивлены,

ведь этот сказ посвящён нашему краю, Костроме и великой святыне, покровительнице дома Романовых, свету России – Фёдоровской иконе Божьей Матери. Построен сказ на изучении документов, многих легенд, история своеобразно сочетается со сказочным вымыслом. А ведь в Руси издавна рассказывание легенд считалось делом благочестивым.

Сейчас, пожалуй, к месту сказать несколько слов о творческой лаборатории сказительницы. «Из словицы слова не выкинуть», так и со сказами. Поражаешься точности выражения мысли, строчки так ладно «сидят» друг с другом, будто кружево сплетается. А за этим стоит огромная, титаническая работа автора. По несколько раз правит она написанное, порой от черновиков в итоге ничего не остаётся. Всё проверят и на слух, а результат – живая русская речь, каждое слово играет, искрится, каждое весомо и ёмко, каждое звучит и несёт большую смысловую нагрузку. А какую помощь оказывают в работе словари, да не простые, а собственноручно составленные! А сколько приходится читать! Так для «Сказа про Кострому...» в списке использованной литературы указано более 20 источников (альманахи, книги, публикации в прессе).

О Фёдоровской иконе Божьей Матери, её истории существует немало специальной литературы, но в сказе чудотворный образ описан по-особому. Сколько света, красок в этом описании: «...воссиял неземною красотой Богородицы лик Святой». Мы читаем в сказе и о чудесном обретении иконы, и о её чудесах, и о том, что в самые тяжёлые дни надежды на лучшее у православных связаны с этой иконой:
Сердце ль заскорбит,

Бес ли душу закогтит –

Всяк к заступнице спешит:

Поклониться!

Помолиться!

Покаяться!

А открывается сказ, как былина, торжественным зачином, в котором указывается и время действия, и место, и герои. Мерно льётся речь сказительницы о богатой и обильной былинной Руси. С любовью изображается и предметный мир того времени. Маленькой поэмой я назвала бы «отрывок о дереве», здесь всё: тепло и уют домашнего очага и горечь пожаров. За небольшой зарисовкой встаёт жизнь не одного поколения русских людей, в радости и печали. «Пеплом голову посыпала Кострома» – одной строчкой выражена боль невосполнимой утраты.

Наши благочестивые предки говорили, что через природу Господь будто беседует с нами. Нужно только уметь видеть, слышать и подмечать чудеса. Вот таким чудом является в сказе описание ранней осени:

А красота в лесу несказанная –

Бабье лето зачиналось.

Краснел, золотел лист на деревьях,

В серебристых тенетах

Синь по небу лилась....

И совсем другой ритм речи в эпизоде, когда дружина угодила в болото: тревога, беспокойство, волнение, короткие восклицательные предложения, недо-

говоренность, обрывчатость фраз. Вся картинка как на ладони.

Наш край – это память подвигов, войн, молитв, любви, труда. Русские святыни. Русская слеза. Русская земля.

Целовал меч князь.
И дружина клялась
Хана одолеть!
Не придётся Богородице
За русича краснеть!

Вот описание боя. Действие разворачивается быстро, стремительно, «ударил копьё о копьё, меч о меч», «кровь уж не брызжет – бежит ручьём». И здесь слово сказительницы очень выразительно.

Она смотрит на события глазами своего народа, поэтому внешность врагов устрашающая. «Татарин вопит», «вьётся егозливый басурман ужом». Совсем иные русичи:

Сечёт кривая сабля русское тело,
Что белую рубаху сегодня надело:
Свято русич обычай блюдёт -
К Богу в чистом идёт!

Сразу вспоминается другое сражение, Бородинское, молебен и тот же обычай надевать чистые белые рубахи перед смертельной битвой, замечательные страницы из эпопеи Льва Толстого «Война и мир».

И ещё одна параллель. Главное превосходство русской дружины над врагом не в оружии, не в физической силе, не в воинском умении, а в силе нравственности, подвиги совершаются с именем Божиим на устах:

Татарин просит кровавого пира.
Дадим!
И накормим, и напоим!
Мать Божья! Заступница Святая!
Не дай Костромы на разоренье,
Веры на глумленье.
Ризой своею город покрой!
А мы принимаем бой!

Завершается описание боя летописным текстом – как же он вписался в язык сказа, а может, сказ так написан?!

... «смутишася,
На бежанье устремишася.
Князь же великий
Гнаша в след их
И многих поби,
И живых пойма».

Это одно из чудес Фёдоровской иконы, точно можно назвать и дату – 1273 год.

В сказе нет подробности в обрисовке исторических периодов, но всё дано точно, что ни слово, то образ. О феодальной раздробленности метко сказано:

Давно уж разорвали князья пуповину,
Что родством их вязала.

Или

Головами платил народ
За распри своих господ.
Удельный князёк –
Что слабый стебелёк!

Вот и поговорка получилась. Та же образность в описании и Смутного времени. И тут появляется, рождается поговорка:

Да слаб человек:

Лестно хоть на часок

Присесть на трон

Под колокольный звон.

Покоряет язык сказа, сочный, чистый, настоящий русский, теснейшим образом связанный с устным народным творчеством. Здесь и особый порядок слов («потемнел лицом Василий-князь», «по лесам костромским не мерянным», «в чистой избе смолистой», «обомлела дружина, оробела») и использование поговорок и пословиц («без печали, без заботы», «да что говорить со слепцом», «жить поживать»), и употребление древнерусских слов или форм слова (ворог, озорует, мизин-

ный брат), и эпитеты, и сравнения, и преувеличения, и тавтология, и многое многое другое. Другими словами, язык прекрасно передаёт сущность сказа – песни о старине.

«Сказ про Кострому и икону её Чудотворную» является, я не побоюсь этого слова, образцом патриотизма. Потому что в наше смутное время даёт осознание уверенности в своих силах, в русской вере, утверждает, что главным в жизни, наряду с трудом, является любовь к родной земле, убеждает в мысли, что человек должен бороться со злом. Поэтому, когда сказительница завершает сказ, она как бы подводит всему итог:

По сей день в Костроме
От скорби, гнева и нужды
Чудотворная спасает,
От сглаза, губительства и огня
Сохраняет,
От иноплемённых избавляет,
Междоусобной брани охраняет.
Слава Богородице! Слава!

В нашем народе говорят: лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Верность этого утверждения ставится под сомнение, когда слышишь и видишь сказительницу Алевтину Алфёрову, тогда понимаешь, что стоит за выражением «авторский вклад». Она кровно связана с каждой клеточкой своего творения, с тем, что она рассказывает, с тем, как она это делает. Бросается в глаза своеобразная речевая манера, стиль, будто присутствуешь на спектакле одного актёра. Ловишь себя на мысли, что, когда самостоятельно читаешь сказ, то невольно повторяешь авторскую интонацию, повто-

ряешь её напев. Так что, дорогие земляки, прочитайте, а ещё лучше – послушайте его в авторском исполнении. И всё поймёте сами.

Елена Максимова. (Из досье Нерехтского литературного музея).

С улыбкой и любовью Алевтине Алфёровой

А эта птичка – невеличка
Рассортирует горы слов,

Так просто делает «клубничку»
Из исторических томов

Н.Власова,

«Нерехтская правда», г.Нерехта, Костромская обл.,01.01.03.

«Когда она читает свои сказы, слушатели – как дети, так и взрослые – буквально замирают, раскрывают рты. А сочинять Алевтина Алфёрова стала в 56 лет».

Стрелец с охотой к перемене мест

Если даже вкратце передать канву жизни Алевтины Николаевны, получится очень длинное повествование. Наверное, моя героиня может смело подавать заявку в Книгу рекордов Гиннеса по номинации: «Смена

образа жизни и деятельности». Но мне кажется, рассказать стоит, ведь без этих перипетий не было бы той Алевтины Алфёровой, с которой я имел счастье общаться.

Сказы Алфёровой с удовольствием печатают толстые московские журналы и, кстати, ждут от неё всё новых и новых творений, но Алевтина Николаевна предпочитает не спешить и работает, не спеша, раздумчиво. Она говорит так: «...Пишу один сказ в год. Как роженица: девять месяцев вынашиваю. И три месяца пишу... И сейчас у меня сказов всего-то десять...».

Кроме сказов про города Кострому, Ярославль и Ростов, все остальные такие необычные по нынешним временам произведения посвящены (по её словам) «ослушницам и смиренницам, затворницам и затейницам, чаровницам – лебёдушкам». Из одних только названий: «Феничка», «Капочка», «Лилушка», «Марьянка», «Лазоренька» – становится ясно, что сказы посвящены судьбам русских девиц. В них есть место и любви, и мечтам, и предательству, и подлости, и великому благородству людскому. Сама Алевтина Николаевна объединила всё это названием «Сказы дивного Залесья». Так в эпоху Киевской Руси славяне называли глухие и малолюдные пространства между реками Ока и Волга (теперь всё это носит более прозаичное название – «Черноземье»). А недавно сказы выпущены отдельной книгой.

Родилась Алевтина Николаевна в Москве, но в детстве, во время войны, вместе с родителями, которые трудились на Втором часовом заводе, её вывезли в город Чистополь. И в Москву она уже никогда не вернулась. Бесконечные переезды, которых она даже не пробовала считать, начались именно тогда, без малого 60

лет назад. Школу Алевтина заканчивала во Владимирской области, к тому времени уже сменив несколько мест жительства, ну, а поступила в институт она в городе Ярославле, причём выбрала географический факультет.

Там же в 52-м году она в первый раз вышла замуж. Незадолго перед этим на глазах у Алевтины трагически погибла её мама, отец же нашёл новую семью.

Понемногу поработав школьным учителем, редактором издательства, журналистом заводской радиогазеты, Алевтина вместе с супругом вступила в самый, по её мнению, счастливый период её жизни, который она сама называет «временем новостроек». Да, чуть не забыл: в 53-м и 57-м она родила двух сыновей, которые давно уже живут самостоятельной жизнью и весьма преуспевают на поприще отечественного капитализма.

«Время новостроек» заключалось в следующем. Алевтина с мужем и детьми участвовали в строительстве всех советских предприятий, так или иначе связанных с резиной или «обувью» для автомобилей. Практически с нуля они начинали строить Красноярский шинный, Волжский шинный, Саранский резинотехнический заводы, резино-асбестовый комбинат в Белой Церкви. Алевтина Николаевна с приятной ностальгией вспоминает это время, тогдашнюю романтику, когда она чувствовала важность своего дела и внутренне глубоко уважала себя. «Другие люди обустраивали свой быт, мы обустраивали всю страну...». И самым любимым занятием для Алевтины было сняться с насиженного места и переехать на новое. Только-только на верхушках шкафа появляется тонкий слой пыли, паук в чулане сплетает молоденькую паутину, а они уже срываются с места и едут в совершенно другой конец страны...

Даже в нынешней квартире Алфёровых, в городе Нерехте (наверное, пятидесятой или шестидесятой в их жизни), всё устроено так, что собрать вещи и закинуть их в контейнер можно за пятнадцать минут.

Так случилось, что в Белой Церкви первый муж запил, они разошлись, и Алевтина вышла замуж за другого, Бориса Павловича Алфёрова (она взяла его фамилию), инженера-механика с душой странника. Алевтина Николаевна считает это самым счастливым оборотом своей судьбы, так как они уже 27 лет живут, как говорится, душа в душу.

Количество переездов Алфёровых ими сосчитано: пятнадцать! Но в данном случае «время новостроек» отличалось редким разнообразием. Как-то они решили: «наша стезя – природа» и написали письмо в Минсельхоз (в его ведении тогда находились и природные ресурсы) с просьбой направить их в какой-нибудь заповедник, хотя бы простыми егерями. Оттуда прислали список заповедников, из которого Алфёровы выбрали... остров Врангеля. Как самый далёкий.

Приехали в Москву, в Министерство, но там говорят: «Остров Врангеля – закрытая территория, туда запрещено. Предлагаем Баргузинский заповедник». Алевтина, как географ, сразу представила себе эти сопки и говорит начальству: «Посмотрите на меня. Вы можете представить меня на лошади?». Алевтина с молодости была полненькой, невысокого роста, к тому же в Министерство она пришла в просторной белой кроличьей шубе. Начальник едва сдержал ухмылку и дал направление в Вологодскую область, в Дарвинский заповедник.

А в Нерехту они попали совершенно непостижимым способом: то ли по карте, то ли по наитию. К

тому времени оба были уже пенсионерами. Они нашли квартиру в Собиинке, что под Владимиром, и уже направили туда контейнер с вещами. И вот они сидят на кухне над картой, и Алевтина вдруг говорит: «Поехали в... Нерехту» - «А что это такое?» - «Вот город, смотри...» - «Вижу, а ты там хоть когда-нибудь была?» - «Нет. Пока». - «Ну, поехали...». И вот они третий год живут в этом старинном городе. Пока...

История о том, как Алевтине стала являться муза, да ещё в такой необычной сказовой форме, совсем уж необычна.

Почему слова стали приходиться к нашей героине именно в 56 лет, она рассказывает с лёгкостью, хотя если постичь то занятие, которому она посвящала себя до сказов, то здесь у кого угодно «крыша съедет». Кроме него, мужа. Дело в том, что долгие годы Алевтина Николаевна работала над...формулой мироздания.

Эта формула, точнее, схема на миллиметровой бумаге – единственное украшение на стене их квартиры. Борис Павлович откровенно признаёт, что ничего в этом не понимает, но очень уважительно относится к стараниям своей супруги, отдавшей много лет созданию этого, даже не знаю, как охарактеризовать то, что создала Алевтина Николаевна.

Конечно, средним умам в этой области делать нечего, но не зря же автор получал когда-то высшее техническое образование – и хотя бы представляю, о чём, собственно, идёт речь:

- ...Я по жизни систематик, и из всего, даже из мусора стремлюсь сделать систему. Вот и эта формула, которой отдано так много лет, - тоже есть не что иное, как система. Система мироздания, если вам угодно. И она должна быть осмыслена чисто философски, потому

что она настолько красива (а она безумно красива!), что я даже не могу описать её словами...

Потом, уже после того, как моя формула появилась, один немец придумал так называемую «фрактальную геометрию», вот эта область математики как раз ближе всего к моей системе. У меня внуки в физтеховской школе занимаются, и, когда приезжают, они буквально «влезают» в эту систему и всё пересчитывают, пересчитывают. Лично мне достаточно, что я запустила то, что создала, «туда», - Алевтина Николаевна многозначительно указала пальцем вверх, наверное, в бесконечность, - этого для меня вполне достаточно...

Началось всё с увлечения банальной арифметикой. Алевтина очень любила раскладывать числа на элементарные составляющие. Например, она часами могла умножать 5 на 5 и докапываться до смысла этого действия. Друзья, видя её мучения, как она, грубо говоря, тысячи раз пересчитывает эти «пятью пять» или «дважды два», в общем-то жалели Алевтину, но ...ведь тогда, в конце 60-х, было совсем другое время. Мир буквально бредил наукой, и на кухнях спорили о «формуле простого числа» или об устройстве атома.

Изучению высшей арифметики Алевтина посвятила 16 лет. В первую очередь она поняла: никакой формулы простого числа не существует.

Но она искала другую числовую систему. Для неё это было захватывающее занятие, так как она через свой ум и сердце пропустила «кухню» всех математиков всех веков человеческой истории. Причём, что замечательно, всего этого нельзя сделать на компьютере, так как компьютерная логика здесь просто бессильна.

- Но это иногда доводило до страшных вещей, порой я чувствовала каждую клеточку своего мозга,

особенно когда приблизилась к формуле мироздания. Людям, даже профессорам, я ничего объяснить не могла, а могла только продемонстрировать эту систему в действии. И вот однажды ... я почувствовала, что всё: система создана, и мне больше нечего добавить. Я сожгла все свои записи, черновики, расчёты и ...начала писать сказы.

В системе мироздания, которую Алевтина Николаевна продемонстрировала при условии, что я её нигде не опубликую, есть область, которую она называет «заулевой».

И эта область, даже для искушённых, кое-что разумющих людей, есть страшная тайна...

В общем. однажды, когда Алевтина Николаевна уже стала пенсионеркой, к ней стали откуда-то из неизвестности приходиться не цифры, а слова. Раньше она, даже работала редактором издательства и директором заводской киностудии, ничего такого не писала, кроме разве что двухстрочных эпиграмм и рецензий на спектакли пензенских театров. Правда, ещё в 55-м она сочинила пьесу (которую потом сожгла), но это было так давно...

- ...И вдруг полезли строчки! Непонятные совершенно. Они были безумно корявые, то глагол куда-то на конец вылезет, то порядок слов какой-то нелогичный...

Первая сказка, которая ко мне пришла была просто позорная. Я думала, в чём здесь дело, и пришла к выводу: что-то не так. И решила: надо каждое предложение писать с новой строчки. Просто то, что ко мне приходило, являлось ритмической разговорной речью.

В первый раз свои сказы она показала писателям в Кингисеппе, на заседании литобъединения. Писа-

тели выслушали внимательно и, вздохнув, сказали: «Да... ещё одна. Позтесса».

Но Алевтину Николаевну уже было остановит, тем более, что они с Борисом Павловичем стали свободными людьми, пенсионерами.

И опять первым человеком, который поверил в то, что она пишет что-то серьёзное, важное, был муж. Он помогал во всём и брал на себя все домашние обязанности - лишь бы она не прекращала сочинять.

Алевтина Николаевна сама не знает, почему у неё получаются именно сказы:

- Я часто размышляю: откуда такое? И не могу найти ответа. Например, «Феничка» у меня заканчивается так:

...Теплится над пепелищем ночами огонёк, будто кто лампаду зажжёт...

Может, Манька ночью пробирается в село? Может, у блудницы сердце запекло?

Помоги ей, Господи!

Заканчиваю читать, а все молчат. Здоровые парни, девчонки. И я понимаю, что сказы эти нужны. Наверное, я просто стараюсь напрямую говорить о милосердии, о сострадании, а их так не хватает нашим юношам и девушкам (сказы-то предназначены для старшеклассников).

А любимый сказ у меня «Лазоренька». Он самый русский. Там такой конец:

И пошли по жизни путём земным
Будущий пахарь и будущая мать. Им ещё придётся страдать...

Жизнь не конфетка,

Не золотая монетка –

Бывает и знойно!
Прожить бы её достойно,
Уважая свою и чужую кровь!

...Себя Алевтина Николаевна называет «Стрельцом с охотой к перемене мест».

Ну, а в городе у неё прозвище другое: ГРЭС. За её неуёмную и поистине могучую энергию.

Ясно одно: сами нерехтчане гордятся нынешней своей землячкой и любят её.

И мечтают, чтобы «охота к перемене мест» у «Стрельца» остыла именно здесь, в Нерехте.

Геннадий Михеев,

газета «Семья», №44, 2002 г.

От автора: Я искренне благодарна Геннадию Михееву за эту статью. Писал он её, конечно, с моих слов, но ...кое-что подзабыл, кое-что перепутал. И потому ответственности за им изложенное я не несу. А под заголовком смело подписываюсь:

Да, я – Стрелец с охотой к перемене мест.
Алевтина Алфёрова

Послесловие

Я поставила жирную точку. И как хватило меня на эту исповедь, длиною в семьдесят лет?!

Каюсь, в ней много сознательно опущено, и жадных до «клубнички» - разочарую. Да, спрятаны и в моём шкафу «скелеты», но за то я отвечу перед небесами: они за мной приглядывали всю мою жизнь, перед ними мне и держать ответ. Я благодарна им за счастье, что уносило меня в райские кущи, и за горе, которое отрезвляло. За то, что дали в спутники Бориса Павловича Алфёрова. Рядом со мною почти тридцать лет – друг, пособник и соумышленник.

Оглавление

Сказ про Кострому и икону её чудотворную	- 7
Сказ про зачин града Ярославова	- 18
Сказки озера Неро	- 26
Чаровницы-лебедушки	- 34
Паланя	- 36
Феничка	- 66
Капочка	- 86
Лилушка	- 109
Марьянка	- 134
Дуняша	- 152
Лазоренька	- 161
Ой, ты, пава моя, величава моя	- 175
Нерехта моя умиленная	- 192
Слово о полку Игореве	- 282
Илья Муромей	- 315
Из Архива автора	- 354
Послесловие	- 381

Алевтина Николаевна Алфёрова.

Коза решительная. Нерехта 2005 г.

Композиция, общее и художественное
редактирование – **А.Н. Алфёрова**
Компьютерный набор – **Б.П. Алфёров**
Корректурa – **А.Н. Алфёрова**

Нерехта. 2011 г.

